Агентство по делам архивов Пермского края
Государственный архив Пермского края

«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!»

Письма Георгия Момотова с фронта (1943–1945)

Пермь
2025

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4)

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

З 468 **«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!» Письма Георгия Момотова с фронта (1943–1945) /** Государственный архив Пермского края. – Пермь, 2025. – 168 с.

ISBN 978-5-6051556-3-8

Опубликованы письма с фронта гвардии капитана Георгия Николаевича Момотова к будущей жене Тамаре Петровне Габовой, которая в годы Великой Отечественной войны проживала в городе Чердыни и Юсьвинском районе Молотовской области. Представлены биографические документы 1920–1950-х гг., фотографии, а также статьи из местных и фронтовых газет. Издание сопровождается научно-справочными комментариями биографического и исторического характера.

Документы были переданы в Государственный архив Пермского края в 2025 г. дочерью Момотовых Валентиной Георгиевной Радыгиной.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-6051556-3-8

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4)

© *Ю.А. Кашаева,* вступ. статья, 2025
© Государственный архив Пермского края, 2025

16+

Судьбы героев

Георгий Николаевич Момотов
1908–1980

Георгий (Егор) Николаевич Момотов родился 26 ноября 1908 г. в деревне Ананино Никольского уезда Вологодской губернии на реке Пышме. В 1941 г. деревня Ананино была включена в состав Подосиновского района Кировской области.

Как писал сам Георгий Момотов, он «происходил из крестьян-бедняков». Его родители, отец Николай и мать Елена, были крестьянами и проживали в деревне Ананино до 1923 г., затем Николай Момотов начал работать ремонтным рабочим на железной дороге, позднее в ведомствененой милиции – охранником на пороховом складе, а в 1935–1936 гг. – пильщиком на стройке. Мать Георгия Момотова с 1927 г. жила на его иждивении. В автобиографии Георгий Момотов писал, что «с малых лет трудился в хозяйстве отца, с 13 лет пас коров, сеял, косил, жал».

В 1923 г. Георгий Момотов «работал батраком в хозяйстве эстонца» Опаринской волости Вятской губернии (современный Опаринский район Кировской области). Эстонцы были переселенцами из Лифляндской губернии, первые из которых прибыли в этот район в конце 1907 г. В 1925 г. он переезжает в Тюменский округ Уральской области (ныне Упоровский район Тюменской области). В 1925–1926 гг. Георгий Момотов был батраком в селе Липиха и деревне Шашовой. С 1926 г. служил в Суерском райисполкоме, сначала сторожем и рассыльным, а в 1928–1929 гг. – регистратором (экспедитором).

В 1925 г. Георгий Момотов стал комсомольцем, работал секретарем в Нифакинском сельском совете Суерского района (с 1932 г. Упоровский

НЕМНОГО О СЕБЕ

Тяжело вспоминается прошлое. С 9 лет пошел по найму, пас кулацкий скот. Рано утром не хотелось вставать. За работу ничего не получал, а пас за то, что кормили меня ржаным хлебом, да картошкой. Никогда не забыть, когда последний хозяин Казаков за целую зиму работы дал мне калач хлеба на дорогу и решето сеять муку. Ходил и по миру нищенствовал. Учиться не пришлось. И только коммунистическая партия, советская власть дали радостную жизнь. Прошлое вычеркнуто из моей жизни безвозвратно, я теперь равноправный хозяин страны, строитель социалистического общества.

В 1925 г. я вступил в комсомол и начал ликвидировать свою неграмотность, повышать свой политический уровень. Под руководством партии, лучших большевиков я рос быстро. В 1928 г. я уже руководил политкружком.

И вот Райком ВКП(б) дает мне командировку в ВКСХШ. Трудностей в учебе было очень много. Но я не пассовал, а старался преодолеть их упорной работой над собой и преодолел. Учебу заканчиваю на отлично и хорошо. Все время был ударник. В школе я получил очень и очень многое. Практику провел на отлично. Награжден грамотой ударника и занесен в книгу почетных ударников совхоза.

За время учебы в школе работал редактором курсовой комсомольской стенгазеты, внештатным инструктором РК ВЛКСМ и пропагандистом при Политотделе Пермской ж. д, выполняя поручения Райкома и парткома я учил людей и учился сам.

Благодарю партию, любимого товарища Сталина, которые дали возможность мне стал человеком. На практике оправдаю доверие партии, все силы приложу для того, чтобы всем радостно и весело жилось. Е. Н. Момотов.

Момотов Е.Н. Немного о себе // Ленинская закалка. 1935. С. 2.

район, с 1936 г. Нифакинский сельский Совет депутатов трудящихся Упоровского района Омской области).

Работал избачем в Упоровской читальной избе. Избач – это сокращенное название заведующего избой-читальней. Избы-читальни создавались для просвещения неграмотного сельского населения. Крестьяне узнавали новости из газет, знакомились с классической литературой и трудами революционных классиков. Комсомольцы-избачи играли важнейшую роль в ликвидации неграмотности и просвещении сельских жителей в 1920-е гг.

В 1930 г. Георгий Момотов стал кандидатом в члены партии Суерской ячейки и Суерского районного комитета ВКП(б), был утвержден Тюменским окружным комитетом. С 1930 г. в Суерском районном комитете ВКП(б) работал техническим секретарем. В 1931 г. был принят в члены ВКП(б) Емуртлийской партийной ячейки, утвержден Упоровским райкомом Уральской области.

В 1930-е гг. деятельность Георгия Момотова связана с местными газетами. В эти годы быстрыми темпами развиваются региональные средства массовой информации. В 1931–1932 гг. он работал в Свердловске в редакции уральской областной комсомольской

газеты «На смену». Из этой газеты Георгий Момотов «ушел сам, так как с большим трудом мог выполнить возложенную работу из-за низкого образовательного уровня». Продолжает деятельность инспектором районной рабоче-крестьянские инспекции Суерской районной контрольной комиссии; трудится помощником начальника в Суерском отделении связи, массовик и заместитель редактора в газете Упоровского района «Ленинский путь». В 1932–1933 гг. в Свердловском Коммунистическом университете проходил курсы газетных работников. Работал редактором многотиражной газеты (штурмовки) «Голос скотовода» в мясосовхозе «Раздолье» Упоровского района. Работал он и редактором политотдельской газеты (выпускались политотделами машинно-тракторных станций в 1933–1935 гг. и имели общественно-политический характер, их задачей было информирование о работе тракторных бригад, пропаганда новых методов проведения сельскохозяйственных работ).

2 декабря 1932 г. бюро Уралобкома ВКП(б) постановило реорганизовать находящийся в Свердловске Урало-Сибирский коммунистический университет им. В.И. Ленина в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им. В.И. Ленина (ВКСХШ). В сентябре 1933 г. Георгий Момотов был зачислен в студенты ВКСХШ. Здесь он изучал общеобразовательные, социально-экономические и специальные дисциплины. Будучи студентом, он активно печатался газете «Ленинская закалка» (орган правления и бюро ячейки ВКП(б) ВКСХШ), в которой освещались различные вопросы студенческой жизни. В декабре 1935 г. обучение на отделении руководящих сельским хозяйством работников на двухгодичных курсах в ВКСХШ закончилось, а 28 января 1936 г. Георгию было вручено свидетельство об образовании.

С 1936 по 1954 г. жизнь Г.Н. Момотова будет связана с Чердынским районом. По окончании ВКСХШ 15 января 1936 г. он был принят на должность заместителя директора Пянтежской машинно-тракторной станции по политической части. Село Пянтег располагалось в 44 км от районного центра – г. Чердыни. По решению сельскохозяйственного отдела Пермского обкома ВКП(б) 20 января 1939 г. Георгий Момотов освобожден от должности

ВЫПУСКНИКИ УДАРНИКИ

Козовалов Момотов Зырянов Иванов Попов

Хорошо ведет занятия тов. Бобцова, которая преподавала биологию, анатомию и физиологию домашних животных, тов Сергеев—историю ВКП(б), т. Болотов—политэкономию и тов. Калашников—животноводство.

Факты хорошей работы, заслуживающие того, чтобы такая работа стала достоянием всех преподавателей, есть. Только нужен обмен опытом среди преподавателей, лучшие образцы работы, лучшие опыты передать другим преподавателям.

Правильная постановка методов преподавания, умелое, серьезное и справедливое изучение каждого студента преподавателями; должные оценки труда студентов, беспристрастные оценки каждого студента; помощь студентам в их работе над собой со стороны каждого преподавателя; социалистическое соревнование в группах не штампованно, не по форме, а по существу и соцсоревнование преподавателей со студентами: со стороны преподавателя лучшее преподавание, а со стороны студентов аккуратное выполнение заданий и детальная проработка всего материала задаваемого на дом даст возможность добиться по школе выполнения учебно-производственной программы со значительно лучшими показателями чем имеются сейчас, даст возможность школе выйти на первое место в соревновании с Пермской ВКСХШ.

Е. Н. Момотов.

Момотов Е. Больше внимания учету труда студентов // Ленинская закалка. 1934. № 52. 22 дек. С. 2.

Вся вереница продемонстрированных работ прошла не без разверты вания партийно массовой и организационной работы среди рабочих. Если кратко охарактеризовать массовую работу, то она сводится к следующему: студенты среди рабочих на собраниях и беседах проработали важнейшие решения партии и правительства, проработали на беседах темы: „О значении 1-го Мая", „Об историческом значении печати и задачи печати в сева", проработано постановление ЦК и СНК „О государственном плане развития животноводства на 1935 г.", проработана речь тов. Сталина от 4/V на выпуске академиков Красной армии. Кроме проработок решений и постановлений на всех участках и бригадах регулярно выпускались участковые и бригадные стенгазеты, всего выпущено 50 номеров газет. Студенты делали вырезки из газет, наклеивали их на бумагу и вывешивали на стену под заголовком „Новое из газет". Студенты проводили читки газет и художественной литературы среди рабочих. Использовано такое мероприятие, как проведение производственно-товарищеских судов над лодырями и симулянтами.

Силами студентов с привлечением рабочих поставлено 3 пьесы („Призыв" и др.). Интерес к постановкам у рабочих очень большой.

Момотов Е. Итоги нашей работы // Ленинская закалка. 1935. № 29. 27 июня. С. 2.

и приглашен в г. Пермь на работу начальником спецотдела в Пермскую областную контору «Заготзерно». Но Георгий Момотов «на эту работу согласия не дал и возвратился обратно в Чердынский РК ВКП(б)». И 2 марта 1939 г. был принят пропагандистом в Чердынский районный комитет ВКП(б), в марте 1940 г. утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации. В Чердыни Георгий Момотов жил в доме № 79 по улице Ленина (сейчас Юргановская), с ним жили его мать и сестра, в Чердыни работал и его младший брат.

28 декабря 1941 г. Чердынским районным военным комиссариатом Г.Н. Момотов был призван на фронт. Георгий Николаевич служил оперуполномоченным и старшим оперуполномоченным контрразведки НКВД–НКГБ СССР в составе Воронежского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов, в 558-м стрелковом полку 159-й стрелковой дивизии; 61-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й и 57-й армии. Боевое крещение принял в мае 1942 г. в боях за Большую и Малую Вериловку севернее г. Воронежа. Осенью 1942 г. участвовал в боях за Воронеж, на Чижовском плацдарме, в районе Воронежского Калача на реке Хопер, Днепропетровск, Днепродзержинск, Ворошиловград; в 1943 г. – на реке Северский Донец, в боях за освобождение Славянска, на Никопольском плацдарме, в форсировании реки Днепр; в 1944 г. – в освобождении Николаева, Одессы, Тирасполя, Бендер, участвовал в форсированном марше через Бессарабию и Румынию до границы с Болгарией, в ноябре – по территории Болгарии совершил марш до границы с Венгрией, участвовал в форсировании реки Дунай, боях за город Марцали и в районе озера Балатон, в Австрии в боях за города Грац и Фольсберг.

В годы войны мать Георгия Момотова – Елена Степановна и его сестра Екатерина проживали в городе Чердыни по улице Сталина в доме № 38 (сейчас улица Прокопьевская). Осенью 1945 г. он приезжал к ним в отпуск.

Службу Георгий Момотов завершил 7 августа 1946 г. и был демобилизован из армии по личной просьбе. Вернулся в Чердынь. В ноябре он был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации Чердынского районного комитета ВКП(б), где проработал до марта 1949 г.

Тамара Петровна Габова родилась в семье коми-пермяков 26 марта 1918 г. в деревне Габова Юсьвинской волости Соликамского уезда. Крещение состоялось 31 марта в Александро-Невской церкви села Юсьва. Деревня Габова располагалась у речки Ык, притока Иньвы. Другое название деревни – Карпунева. Родители Тамары Габовой – Петр Зиновьевич и Елисавета Зиновьевна (в девичестве Боталова) венчались 24 мая 1917 г. в Александро-Невской церкви села Юсьва. В 1929 г. вступили в колхоз.

Тамара Петровна Габова (Момотова)
1918–1966

Тамара Габова училась в школе в деревне Бажино, в 1932–1933 гг. – в селе Юсьва. В 1933 г. уехала в Пермь и поступила на Пермский медицинский рабочий факультет, где училась до 1937 г. В 1937–1939 гг. продолжала обучение в Пермском государственном стоматологическом институте.

В 1939 г. поступила в Пермский индустриально-педагогический институт, окончила его в 1940 г. и была направлена в Чердынскую школу учителем немецкого языка. В 1942 г. вступила в ВЛКСМ. По семейным обстоятельствам в 1943 г. перевелась на родину – в Юсьвинский район – и в августе 1943 г. была назначена директором Бажинской неполной средней школы. В апреле 1945 г. Тамара Габова была утверждена на должность первого секретаря Юсьвинского районного комитета ВКЛСМ, а в августе 1946 г. вернулась в Чердынь.

Семья

Георгий Николаевич и Тамара Петровна Момотовы с дочерью Надеждой

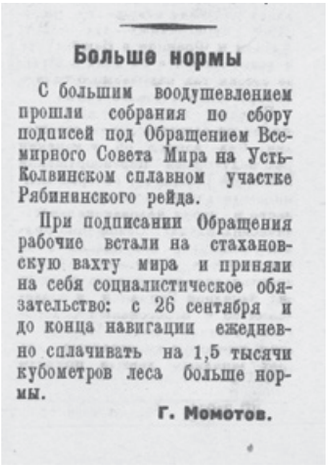
15 января 1947 г. в Чердыни Георгий Николаевич Момотов и Тамара Петровна Габова заключили брак.

В браке у них родились дети: дочь Надежда (17 ноября 1949 г.), сын Владимир (20 июня 1951 г.), дочери Валентина и Нина (1 июня 1953 г.).

В 1949–1954 гг. Георгий Момотов работал в тресте «Камлесосплав» заместителем директора (по кадрам, с 1954 г. – по политической части) крупного предприятия – Рябининского сплавного рейда. В 1949 г. в поселке Рябинино была открыта семилетняя школа, и Тамара Момотова стала в ней учителем немецкого языка.

В 1954 г. семья переезжает из Рябинино в поселок Бор-Ленва Добрянского района. В мае этого года Георгий Момотов продолжил работу на предприятиях треста «Камлесосплав», став начальником участка Обвинского сплавного рейда.

26 апреля 1966 г. Добрянским леспромхозом комбината «Уралзападлес» за достигнутые



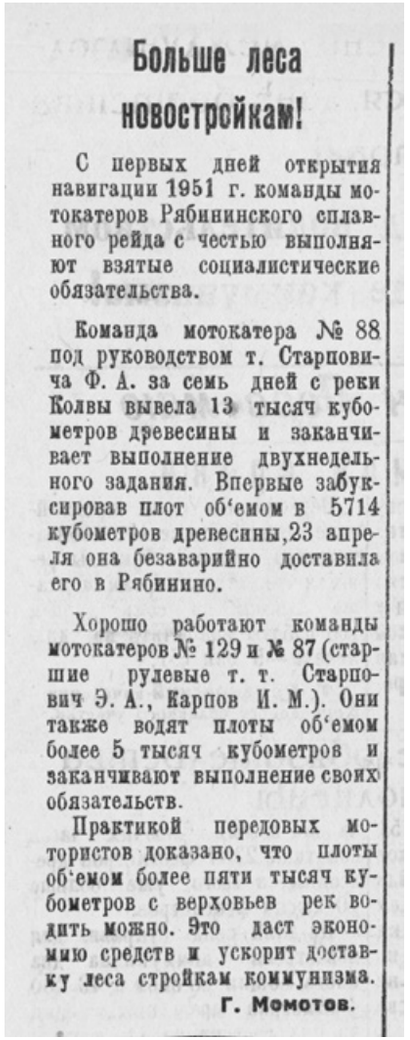
Больше нормы

С большим воодушевлением прошли собрания по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира на Усть-Колвинском сплавном участке Рябининского рейда.

При подписании Обращения рабочие встали на стахановскую вахту мира и приняли на себя социалистическое обязательство: с 26 сентября и до конца навигации ежедневно сплачивать на 1,5 тысячи кубометров леса больше нормы.

Г. Момотов.

Момотов Г. Больше нормы // Северная коммуна. № 46. 27 сент. 1951 г. С. 1.



Больше леса новостройкам!

С первых дней открытия навигации 1951 г. команды мотокатеров Рябининского сплавного рейда с честью выполняют взятые социалистические обязательства.

Команда мотокатера № 88 под руководством т. Старповича Ф. А. за семь дней с реки Колвы вывела 13 тысяч кубометров древесины и заканчивает выполнение двухнедельного задания. Впервые забуксировав плот об'емом в 5714 кубометров древесины, 23 апреля она безаварийно доставила его в Рябинино.

Хорошо работают команды мотокатеров № 129 и № 87 (старшие рулевые т. т. Старпович Э. А., Карпов И. М.). Они также водят плоты об'емом более 5 тысяч кубометров и заканчивают выполнение своих обязательств.

Практикой передовых мотористов доказано, что плоты об'емом более пяти тысяч кубометров с верховьев рек водить можно. Это даст экономию средств и ускорит доставку леса стройкам коммунизма.

Г. Момотов.

Момотов Г.Н. Больше леса новостройкам // Северная коммуна. 1951. № 25. 1 мая. С. 2.

высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в честь 1 Мая Георгию Николаевичу Момотову была объявлена благодарность, 27 октября 1967 г. в честь 50-летия Советской власти также объявлена благодарность, 12 февраля 1968 г. в честь 50-летия Советских вооруженных сил он был награжден почетной грамотой.

Тамара Петровна и в Добрянском районе продолжила педагогическую деятельность. С 1 сентября 1954 г. она была зачислена в Бор-Ленвинскую школу № 1 учителем немецкого языка, назначена классным руководителем 7-го класса и руководителем кружка юннатов. До 1966 г. она преподавала в 5–7-х классах немецкий язык, ботанику, химию, домоводство, общественно-полезный труд.

Тамара Петровна Момотова скончалась 28 июля 1966 г., Георгий Николаевич – 13 января 1980 г., оба похоронены на кладбище поселка Висим Добрянского района. В поселке Бор-Ленва на стеле, посвященной участникам Великой Отечественной войны, нанесены их фамилии.

Дети, внуки и правнуки Момотовых сейчас проживают в Перми, Ярославле, Архангельской области.

Археографическое предисловие

Представленное издание подготовлено к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это публикация подлинных писем с фронта одного из участников войны – гвардии капитана Георгия Николаевича Момотова школьной учительнице Тамаре Петровне Габовой, которая в 1947 г. станет его женой. Письма раскрывают не только личные переживания, но и дают широкую картину восприятия событий, происходивших на фронте. В книге три раздела, письма разделены по годам и выстроены по хронологии написания.

Документы (письма, фотографии, биографические документы) были переданы в Государственный архив Пермского края в январе–марте 2025 г. дочерью Георгия Николаевича и Тамары Петровны Момотовых – Валентиной Георгиевной Радыгиной. Письма хранились без конвертов, были бережно сшиты в верхнем левом углу нитками. Часть писем – это открытые письма и секретки (специальная почтовая бумага, заклеивающаяся по краям и предназначенная для отправления письма без конверта). На многих нанесен штамп «просмотрено военной цензурой». Есть вымарывания отдельных строк, например в письме от 15 октября 1944 г. Подлинные документы, в том числе письма Г.Н. Момотова, переданные В.Г. Радыгиной, и электронные копии документов, оставшихся в семейном архиве, были включены в состав Архивной коллекции документов ветеранов Великой Отечественной войны (фонд р-1696, описи 6–7).

Переписка началась в мае 1943 г. и закончилась в 1946 г. Первое письмо, адресованное Т.П. Габовой, от 20 мая 1943 г., было направлено по адресу: г. Чердынь, улица Коммунистическая (сейчас улица Успенская), 124. В период с 7 мая 1944 г. по 4 марта 1945 г. письма направлялись по адресу: Коми-Пермяцкий национальный округ, Юсьвинский район, Бажинская неполная средняя школа. Письмо от 28 июня 1945 г. направлено в село Юсьва, Юсьвинский районный комитет ВЛКСМ. Письма отправлялись Г.Н. Момотовым в 1943 г. с адреса полевой почты 06683А, с июня 1944 г. – 31722, в мае 1945 г. – 9326. Письмо от 22 октября 1945 г. было отправлено

из г. Чердынь, улица Сталина № 38, когда Г.Н. Момотов был в отпуске и приезжал в отпуск к матери и сестре.

Всего в сборнике опубликовано 60 писем с незначительными изъятиями текста, биографические документы Георгия Николаевича и Тамары Петровны Момотовых, фотографии, статьи из местных и фронтовых газет, поступившие в Государственный архив Пермского края, и материалы, предоставленные Чердынским краеведческим музеем им. А.С. Пушкина. Не вошли сборник 28 писем.

Подготовка книги осуществлена в соответствии Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде (Росархив, ВНИИДАД. М., 2022. 314 с.). Настоящее издание является научно-популярной видовой публикацией. Письма публикуются наборным способом передачи текста в соответствии с современными языковыми нормами с сохранением стилистических особенностей. В состав научно-справочного аппарата входят предисловие, комментарии, именной и географический указатели. В квадратных скобках вписаны недостающие слова или части слов, уточненные архивистами данные. Подчеркивания автора — подчеркнуты, выделенные автором слова переданы прописными буквами, подписи Г.Н. Момотова в конце писем переданы курсивом. Воспроизведение писем осуществлено в большинстве случаев целиком, изъятие части текста показано <…>. Сокращения слова «товарищ» — «т.», «тов.» – не расшифровывались.

Директор Государственного архива Пермского края,
канд. истор. наук Ю.А. Кашаева

Благодарим Валентину Георгиевну Радыгину за передачу комплекса документов в Государственный архив Пермского края на государственное хранение и заинтересованную работу по восстановлению биографий Георгия Николаевича и Тамары Петровны Момотовых.

Благодарим за содействие в поиске информации о Георгии Николаевиче и Тамаре Петровне Момотовых:

– Чердынский краеведческий музей имени А.С. Пушкина и лично заместителя директора по научной работе Елену Павловну Куртенок и директора Ирину Николаевну Трофимову,

– Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет в лице ректора Константина Борисовича Егорова, студентов исторического факультета Геннадия Антиховича, Илью Новикова, Викторию Стародумову,

– Архив Добрянского муниципального округа и лично директора Елену Викторовну Перервину,

– Коми-Пермяцкий окружной государственный архив и лично директора Светлану Николаевну Кудымову,

– архивный сектор администрации Юсьвинского муниципального округа и лично заведующую Жанну Рудольфовну Князеву,

– отдел по делам архивов администрации Чердынского муниципального округа и лично начальника Наталью Владимировну Гоношилову,

– жителей поселка Рябинино Чердынского муниципального округа Владимира Сергеевича Лисового и Елену Григорьевну Лисовую,

– краеведа и журналиста, специалиста Центральной городской библиотеки города Добрянки Михаила Александровича Калинина.

1943 год

Письмо 1 ***20 мая 1943 г.***

Здравствуйте, тов. Габова, здравствуйте!

Прошу извинения за то, что пишу Вам эти строчки. Но написать решил потому, что сегодня совершенно случайно обнаружил открытку, писанную Вами на имя какого-то Новикова Виктора Сергеевича[1].

Вас лично, несмотря на то что я работал в Чердыни, я не знаю совершенно, также не знаю и Новикова. Но когда услышал, что наши ребята смеются над какими-то мыслями Тамары из отдаленного города Чердынь, я заинтересовался этим и спросил их: «Что вы смеетесь?»

Они меня спросили: «Вы откуда, тов. капитан?» Я ответил: «Из Чердыни». Они отдали мне Вашу открытку и говорят: «Чуть не плачет бедняжечка, а он ее открытки разбрасывает». Открытка находится у меня. Вы напишите ему и объявите выговор, чтобы в будущем так не повторялось.

Момотов

20.05.43 года

Мой адрес: полевая почта 06683А. Г.Н. Момотов.

Письмо 2 ***27 июня 1943 г.***

Здравствуйте, тов. Габова, здравствуйте!

Спешу передать Вам свой лучший фронтовой гвардейский привет и пожелать Вам множество самых лучших успехов в будущих днях Вашей работы и жизни. Одновременно сообщаю, что Ваше письмо, вернее, Вашу записку от 12 июня я получил 24 июня. Ваш ответ на мою записку не удивил

[1] *Новиков Виктор Сергеевич – личность установить не удалось.*

меня. Я знал, что Вы обязательно спросите с меня открытку, которую Вы писали В.С. Новикову, — сохранив ее, высылаю Вам. <…>

Я действительно работал в РК ВКП(б) завотделом пропаганды и агитации. В Вашей школе бывал и, кажется, делал доклады на учительских конференциях. Вас знаю, и знаю неплохо. <…>

В морозный ноябрьский день 1942 г. мы вели ожесточенный и яростный бой против проклятых взбесившихся гитлеровских собак, стараясь выбить гитлеровцев с насиженных мест и преследовать их, когда они побегут, не выдержав нашего гвардейского натиска. Чтобы добраться до выгодных позиций для броска в атаку, мы под прикрытием нашего артиллерийского огня, под звуки замечательной песни — доблестной «катюши»[2] и при поддержке сталинских соколов[3], по бурьяну и снегу короткими перебежками и ползком продвигались вперед и вперед, сближаясь с противником. Вот в это-то горячее время я услышал голос Денисова Ивана Федоровича[4] (это наш экспедитор, почтальон он из К[оми]-Пермяцкого округа, бывший активный член веселой семьи Коми-Пермяцкого национального ансамбля[5]),

[2] *«Катюша» – неофициальное название советских боевых машин реактивной артиллерии, применявшихся в годы Великой Отечественной войны. Впервые батарея «катюш» под командованием капитана И.А. Флерова вступила в бой 14 июля 1941 г. под Оршей.*

[3] *«Сталинские соколы» – летчики, впервые выражение использовано в советской прессе в 1935–1936 гг.; в годы Великой Отечественной войны – летчики-истребители, сражавшиеся в небе с фашистами.*

[4] *Денисов Иван Федорович – уроженец села Коса, 1918 г. р. В январе 1942 г. был призван в ряды РККА Кудымкарским районным военным комиссариатом. Служил в 558-м стрелковом полку, 159-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, в 1943 г. – гвардии старший сержант, экспедитор 187-го гвардейского стрелкового полка 61-й гвардейской стрелковой дивизии. В декабре 1942 г. награжден медалью «За боевые заслуги»: «за весь период боевых операций полка в любых условиях боя доставлял и доставляет печать и личную корреспонденцию бойцов на передовую линию, способствуя тем самым проведению политико-воспитательной работы среди личного состава и поднимая моральное состояние его». В 1943 г. был награжден медалью «За отвагу»: «в сложных условиях боя всегда в срок и точно доставлял печать и письменную корреспонденцию бойцам на передовую линию, чем способствовал улучшению проведения политико-воспитательной работы с личным составом полка». См. Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru.*

[5] *Коми-Пермяцкий национальный ансамбль песни и пляски был организован в декабре 1939 г. в городе Кудымкаре, размещался в драматическом театре им. М. Горького, подчинялся Пермскому областному отделу по делам искусств. Приказом Коми-Пермяцкого национального ансамбля от 15 ноября 1940 г. № 26 Денисов Иван Федорович назначен в молодой состав актером. На основании решения Молотовского облисполкома № 892 от 25 июля 1941 г. ансамбль с 1 августа 1941 г. был временно распущен.*

он говорил: «т. Момотов! Вам есть два письма. Адреса написаны мелким-мелким почерком». <…>

Вот, кажется, и все, что я хотел написать Вам. Если будет время и не возражаете, то пишите, буду отвечать.

С приветом. Г. Момотов
Мой адрес:
п. почта 06683А, Георгий Николаевич Момотов.

Письмо 3 ***15 августа1943 г.***

Здравствуй, Тамара, простите, что не знаю Вашего отчества.

Спешу передать свой лучший фронтовой гвардейский привет и пожелать Вам множество самых наилучших успехов в будущих днях Вашей жизни и работы. Одновременно сообщаю, что Ваше письмо от 22 июля я получил 9 августа. За письмо чувствительно Вам благодарен. Ваше письмо я читал трижды и, не скрою, улыбался несколько раз тому, где Вы пишете, что Вы везде и всюду с бабушкой. Поскольку я знаю Вас, правда не знаю Вашего возраста, мне кажется, что быть всегда и всюду только с бабушкой для Вас должно быть несколько скучновато. Так ведь? Ваш внешний вид, возраст и образование дают полное основание делать вывод о том, что Вы должны проводить время в бодрой, жизнерадостной и всегда веселой среде, это значит — в среде молодых людей. Поверьте, что мне припомнилась выдержка из стихов А.С. Пушкина, где он говорит: «Свежо предание, а верится с трудом»[6], так же и я плохо верю, что Вы все время проводите с бабушкой. Я этим ничуть не хочу сказать, чтобы Вы не уважали бабушку. Нет. Бабушку нужно ценить и уважать, она заслуживает к себе должного, даже любовного отношения. Однако нельзя же пренебрегать своей молодостью, своими цветущими, даже

[6] *Ошибочно, правильно: А.С. Грибоедов («Горе от ума», фразу произносит главный герой Александр Андреевич Чацкий, действие 2, явление 2).*

больше – золотыми годами жизни — жизни, полной энергии и всевозможных запросов и чувств. Жизнь-то человеку дается один раз, и поэтому прожить ее нужно так, как требуется. Вы в глубоком тылу. Вам не угрожают бомбы, снаряды, мины и пули. Вам не угрожает опасность попасть в лапы человекоподобных проклятых фашистских спрутов и удавов, и не будет угрожать, потому что наша доблестная Раб[оче]-Кр[естьянская] Кр[асная] Армия день за днем ломает, перемалывает, громит и уничтожает фашистов, как тифозных вшей, чтобы их подлые трупы таскали хищные птицы и звери, а их черные кости заросли бурьяном и чертополохом. Не далек тот срок, когда окончательно уничтожим всю гитлеровскую мразь и будем иметь возможность, чтобы, вернувшись домой, устроить богатейший выходной день, превратив его в грандиозный праздник победы.

Мы, т. е. подразделение, в котором я нахожусь, недавно проводили боевую операцию местного значения с целью улучшения своих позиций. Безусловно, наша операция существенно отличительна от операции какого-либо хирурга за операционным столом, но тем не менее инструментов для операции у нас было в достаточном количестве. Хорошо заправляла фрицев в блиндажах, дзотах и траншеях наша славная артиллерия разных калибров, замечательно месили фашистов вместе с землей, грязью и водой бомбы различной тяжести, посылаемые нашими краснозвездными соколами. Очень густо поливали дождем в виде свинца и замечательно чисто сбривали с лица земли бегавших в панике фрицев наши бесстрашные герои-истребители. Замечательно поджаривали фрицев наши, всеми нами уважаемые «КАТЮШИ». В результате проведенной нами операции мы развеяли в пух и прах абсолютное большинство вражеских дотов, дзотов, блиндажей, окопов и траншей. Почти всюду, где были оборонительные сооружения противника, где росли лесочек, кустарник и трава, – было так вспахано и обработано осколками и пулями, что в ряде мест можно было производить посев.

После этой операции нам удалось взять пленного, во время операции в плен не брали, этот пленный рассказывал, что немцы в течение 5 суток, правда преимущественно ночами, на 10 автомашинах возили на разные кладбища трупы и просто обрывки трупов своих исковерканных вояк, не

считая раненых. По показаниям этого пленного мы смогли определить, что, улучшив свои позиции, мы угостили врага изрядно, и многие из них смогли получить желаемое для них пространство нашей Русской земли, чтобы не жить на ней, а гнить и окончательно сгнить в ней.

Не думайте, что такие операции очень легко даются. Мы, чтобы добиться должных результатов, должны были сломить яростное – буквально звериное — сопротивление врага, выполняя эту задачу, мы также имели потери, как в живой силе, также и в технике, но следует сказать, что наши потери были почти незначительными, потому что операция нами была очень хорошо подготовлена с учетом буквально всего.

В результате проведенной операции, а также с учетом прошлой боевой деятельности, количество орденоносцев и медаленосцев среди нас значительно возросло. Есть ряд товарищей, которые имеют сейчас по две правительственных награды. Среди награжденных есть героини-девушки: санинструктор Королева Зина[7] носит на своей груди медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды, она была дважды ранена, но в одном из боев, будучи раненной, не прекращала своей работы и не ушла с поля боя, пока не оказала

[7] Королева Зинаида Николаевна – уроженка города Томска, 1922 г. р. Призвана в ряды РККА в 1941 г. Томским районным военным комиссариатом. С 1 октября 1942 г. проходила службу в 491-м стрелковом полку 159-й стрелковой дивизии. Медалью «За отвагу» награждена 1 января 1943 г.: «в бою за хутор Володино 22.12.42 г. она под сильным минометным и пулеметным огнем противника вынесла с поля боя 15 раненых бойцов и оказала им медицинскую помощь, в боях за хутор Семеновка она вынесла с поля боя 9 раненых бойцов и, будучи сама ранена в ногу и щеку, продолжала работать и перевязала 15 раненых бойцов». Орден Красной Звезды получила 23 января 1943 г.: «13.01.43 г. в бою под хутором Песчаный т. Королева под сильным огнем пр[отивника]ка вынесла с поля боя 35 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием и, будучи ранена сама, оказала помощь еще 7 раненым бойцам». Второй Орден Красной Звезды получила 4 февраля 1944 г.: «Смелый и инициативный санработник, тов. Королева спасла жизнь многим десяткам раненых, оказывая им первую медицинскую помощь на поле боя под огнем противника в течение всего периода боев на левом берегу реки Северский Донец и в наступательных боях с 3.09.1943 года. Так, в боях на левом берегу Сев[ерского] Донца Королева оказала медицинскую помощь 30 тяжелораненым бойцам на поле боя, под Славянском 6 сентября – 26 раненым, в районе Ново-Александровки Запорожской области – 30 раненым, в районе Ново-Днепровки в декабре м[ися]це 1943 г. перевязала под огнем противника 29 раненых». См. Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: https://podvignaroda.ru.

помощь всем раненым. Санитарка Евдокимова Мария[8] награждена медалью «За боевые заслуги», медицинская сестра Лопатина Валентина Григорьевна[9] награждена медалью «За боевые заслуги» – и ряд других товарищей.

Выше я писал, что Вам не угрожает опасность попасть в руки фашистских людоедов – это точно. Это не значит, что Вы должны почивать на лаврах. Находясь в глубоком тылу, на трудовом фронте, Вы должны отдавать всю силу, энергию, смекалку и способности для того, чтобы как можно быстрее, качественнее и со всей советской гражданской ответственностью работать на всех участках нашего советского социалистического производства, чтобы ежечасно и повседневно оказывать самую эффективную помощь нашей героической Раб[оче]-Кр[естьянской] Кр[асной] Армии в скорейшем и окончательном разгроме и уничтожении проклятых фашистских оккупантов всех до единого.

Простите, что написал плохо. Писал в землянке, кроме этого, писать мешали назойливые комары, которые все время пикировали на руки крупными соединениями. Вы в своем письме меня перекрестили, написали вместо Георгий Григорий, но суть не в этом. На этом кончаю. Будьте здоровы. Передайте мой привет Вашей бабушке.

С гвардейским приветом, Георгий

Полевая почта 06683А, Г.Н. Момотову.

[8] Евдокимова Мария Степановна – уроженка села Мелехино Курской области, 1921 г. р. В декабре 1942 г. была призвана в ряды РККА Старобельским районным военным комиссариатом (Ворошиловградская область, Украинская ССР). Служила в 181-м гвардейском стрелковом полку 61-й гвардейской стрелковой дивизии, в 1943 г. – в 196-м армейском запасном стрелковом полку. В июле 1943 г. награждена медалью «За отвагу»: «в бою 17 июля с[его] г[ода] вынесла с поля боя свыше 20 раненых и организовала их переправу через реку Сев[ерский] Донец». См. Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: https://podvignaroda.ru.

[9] Лопатина Валентина Григорьевна – уроженка села Бобыново Смоленской области, 1924 г. р. Призвана в ряды РККА Ново-Усманским районным военным комиссариатом Воронежской области. Служила в 181-м гвардейском стрелковом полку 61-й гвардейской стрелковой дивизии. В марте 1943 г. награждена медалью «За боевые заслуги»: «работая на передовом меднункте в районе Орловки Ворошиловградской области в сложной боевой обстановке, под обстрелом и бомбежкой противника неустанно оказывала помощь раненым бойцам и командирам, проявив при этом смелость и стойкость». В сентябре 1944 г. была награждена второй медалью «За боевые заслуги»: «в момент прорыва немецкой обороны честно и добросовестно несла свою службу, обслуживая раненых бойцов и офицеров, она с материнской любовью оказывала им необходимую помощь». См. Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: https://podvignaroda.ru.

Письмо 4 ***29 сентября1943 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Спешу передать тебе мой лучший фронтовой гвардейский привет и пожелать тебе множество самых наилучших успехов в будущих днях твоей жизни и работы. Одновременно сообщаю, что писанное тобой письмо [от] 31.8.43 г. я получил после того, как мы, преодолев ожесточенное сопротивление проклятых фашистских гадов, окончательно очистили от этих человекоподобных удавов и спрутов город Славянск[10]. Твое письмо я читал несколько раз подряд, и каждый раз когда я читал вновь, мне все казалось, что я нахожу все новое и новое, кроме этого, я все, читая письмо, думал, что я нахожусь рядом с Вами, разговариваю и слышу Ваш голос.

От твоего письма становится так легко и радостно, что хочется жить и жить, и не просто жить, а ежечасно свою жизнь насыщать борьбой, уничтожать как можно быстрее и больше фашистских извергов, чтоб их поганые трупы таскали хищные птицы и звери, а их черные кости заросли бурьяном и чертополохом. Ваше письмо дышит молодостью, жизнерадостностью, бодростью и веселием. Вы пишете так, как подобает писать героическим и славным борцам трудового фронта. Вы ошибочно поняли, что мне скучно читать про бабушку. Нет, нет и еще раз нет. Наоборот, передайте от меня бабушке мой наилучший привет, пусть она живет и здравствует еще многие и многие годы.

Вы совершенно правильно поняли и написали, что жизнь человеку дается один раз и что от жизни нужно брать все, что возможно. Однако злоупотреблять в жизни нельзя. Насколько я разбираюсь в медицине – нужно вести исключительно правильный, культурный и, главное, гигиеничный образ жизни. Полагаю, что Вы не злоупотребляете?

[10] Славянск был освобожден 6 сентября 1943 г. в ходе Донбасской операции войсками Юго-Западного фронта, среди которых была 61-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Леонида Николаевича Лозановича.

Да, еще раз повторяю, что от Вашего письма веет молодостью, хотя это и законно, ведь Вы еще молоды. Как жаль, что я значительно раньше Вас живу на свете. Как бы я хотел быть в Вашем возрасте или с наименьшим интервалом в возрастах, чтобы по возвращении с фронта победителем встретиться с Вами и справить богатейший праздник победы. <…>

Вы можете удивиться, почему я так пишу. Возраст Ваш я точно не знаю. Но хорошо знаю Вас по внешнему виду, откуда и делаю вывод о Вашем возрасте.

Пару слов о себе и о всех нас. Мы живем хорошо. Самочувствие у всех у нас замечательное. Вот уже около месяца, преодолевая ожесточенное сопротивление фашистских захватчиков, ломая и перемалывая, перемалывая и уничтожая их технику и живую силу противника, идем все время вперед и вперед, шагая через трупы фашистов, – уже освободили весь Донбасс, значительную часть Украины и победной поступью продвигаемся все дальше и дальше на Запад.

За умелые, смелые, решительные и героические действия нам приказом тов. Сталина присвоено звание СЛАВЯНЦЕВ[11]. Отвечая на приказ тов. Сталина, мы все как один еще смелее, решительнее и беспощаднее начали уничтожать проклятых фашистских собак, а дальше будем уничтожать еще беспощаднее.

Продвигаясь вперед, смотря на освобождаемые нами села, ж/д станции и города, невольно приходишь к такому выводу, что мы идем по следам самых диких, еще до сих пор невиданных в истории человечества зверей. Отступая, проклятые фашисты уничтожают путем взрывания и сжигания буквально все, сжигают даже гнилую солому. Лошадей и вообще скота, которого не успевают угнать, расстреливают, а овец по несколько десятков живыми бросают в колодцы. Сердце кровью затягивается и глаза закрываются при обзоре всего того, что приходится встречать на своем пути. Но ничего, мы покажем проклятым фашистским гадам, что значит творить бесчинства на нашей советской земле.

[11] Приказом № 9 Верховного главнокомандующего И.В. Сталина генерал-полковнику Ф.И. Толбухину и генералу армии Р.Я. Малиновскому от 8 сентября 1943 г. в честь одержанной победы на полях битвы за освобождение Донбасса были удостоены почетных наименований «Славянских» 61-я гвардейская и 297-я стрелковые дивизии.

Вы просите прислать мне Вам мою фотокарточку. С удовольствием бы выслал, дорогая, но жаль, что у меня нет ни одной фотокарточки, а сфотографироваться негде. Ведь мы на фронте, а не в тылу. При первой же возможности постараюсь сфотографироваться и выслать Вам карточку. Неплохо будет, если Вы вышлете мне свою фотокарточку. Жду.

Извините меня за то, что я Вас назвал кое-где вместо «Вы» – «ты», «Вас» — «тебя» и т. д.

Возможно, что я в ответах на Ваши письма буду неаккуратен, поэтому прошу извинить меня. Вы должны понять, что я на фронте и время не всегда бывает. Пока все. Будьте здоровы. Живите счастливо. Еще раз передайте от меня привет Вашей бабушке.

С гв[ардейским] приветом, Георгий. 29.9.43 г.
Полевая почта 06683А, Момотову Георгию Николаевичу.

Письмо 5 ***2 декабря 1943 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

В прекрасное, правда, несколько сыроватое, но в бесснежное и теплое украинское утро 19 ноября я получил Ваше письмо от 22 октября. За письмо и за фотокарточку, а это значит, и за внимание ко мне, чувствительно Вам благодарен.

В своем письме Вы пишете, что Вы ведете себя так, как подобает учителю. Я в этом не сомневался и не сомневаюсь. По-моему, в моих письмах даже на йоту не было намека на то, чтобы что-то предположить или упрекнуть Вас в чем-то? Вы просто сделали неправильный вывод, что якобы я писал об этом. Дальше вы поймете – «Вы сами знаете, когда учились в школе и всегда брали пример с учителя, а иной раз и подражали». Эх, Тамара, Вы не знаете, где и как я учился. Я совершенно не был в сельской школе, т. е. в начальной, и вообще в школе я не учился, а учился всего 23 дня в школе ликвидации неграмотности со взрослыми, а остальное все достигал самоуком, т. е. без помощи учителей.

Правда, впоследствии я уже учился в Свердловской высшей коммунистической с[ельско]хозяйственной школе им. В.И. Ленина, которую окончил с оценками большинство «отлично» и «хорошо» и две отметки «посредственно». Вот и вся моя академия.

Еще не закончил писать Вам это письмо, сегодня, т. е. 3.12.43 г., получил Ваше письмо от 10.11.1943 г. Прочитав это Ваше письмо, не скрою, я позавидовал тому, как Вы провели 26-ю годовщину Окт[ябрьской] соц[иалистической] революции. Одновременно и сочувствую Вам, что вы провели этот праздник далеко не так, как проводили когда-то.

Меня удивляет, почему Вы не имеете лампы со стеклом. Мы даже в землянке и то сидим не всегда с коптилкой, бывают и хорошие лампы.

Почему вам не пишет Новиков? Ведь Вы с ним были хорошие друзья не только по работе, когда были в Чердыни. Не так ли? Он, конечно, жив, потому что он наверняка все еще учится, а это значит, что он в безопасности.

Вас интересует, как мы провели 26-ю годовщину Окт[ябрьской] соц[иалистической] рев[олюции]. Следует сказать, что мы праздник провели хорошо, хотя в течение 3-х суток совершенно не спали, потому что ожидали вылазок со стороны фрицев. В своем предположении мы не ошиблись: 7.11 фрицы пустили против нас до 15 танков «Тигр»[12] и несколько самоходных орудий «Фердинанд»[13], все это поддерживалось с воздуха изрядным количеством бомбардировщиков и истребителей.

Поскольку мы ожидали каверз со стороны фрицев, то мы тоже имели соответствующее «угощение» для фрицев. Наши танки, самолеты и самоходные пушки так «угостили» фрицев, что на поле боя весь день и всю ночь был блестящий свет от горящих немецких танков и самоходных пушек. Бой был такой, что от взрывных волн на передовой в тылу за 10–12 километров открывались двери в домах. Были случаи, что взрывной волной, т. е. воздухом, выдергивало из окопов людей. В общем, из многих и многих фрицев мы устроили отбивные, а некоторых прямо пропустили через

[12] *«Тигр» – тяжелый танк фашистской Германии, выпускался серийно с августа 1942 г. до августа 1944 г.*

[13] *«Фердинанд» – немецкая самоходная артиллерийская установка (штурмовое орудие) класса истребителей танков, применявшаяся с 1943 г.*

гигантскую мясорубку. Для фрицев попытка обошлась очень дорого, как в технике, а также и в живой силе.

Безусловно, были потери и с нашей стороны, потому что война, а не просто маневры. Так что ряд наших лучших товарищей-героев 7 ноября в боях с оккупантами поплатились своей собственной жизнью или получили ранения. Я лично каким-то чудом уцелел от разрыва одной проклятой фрицевской бомбы. Как видите, проведенный Вами и мной праздник далеко отличны один от другого.

В своем письме Вы пишете, что все, что Вы делаете в тылу, по-вашему, и невидное, и почти бесполезное для родины дело. Неверно. Вы, находясь в глубоком тылу, проводите исключительно большую и полезную работу, направленную на помощь фронту. Так что ошибочно Вы так унижаете себя. Зря Вы пишете, что Вы не патриотка и не героиня. Вы и патриотка, и героиня. Надо понять, что не каждому доверен такой пост работы, как Вам.

Да, еще раз сообщаю, что Вашу фотокарточку я получил. Как только вспомню свою работу в Чердыни, сразу же вспоминаю Вас. В это время беру фотокарточку и смотрю на нее, особенно смотрю перед боями. Смотря на карточку, даю клятву, что в предстоящем бою буду драться смело, мужественно и храбро, презирая смерть, буду стремиться как можно больше уничтожить фашистов, чтобы оправдать доверие Уральцев, Чердынцев, а это значит, и твое доверие, Тамара.

После боя, усталый, грязный, а кое-когда и кровью забрызганный, опять беру фотокарточку и говорю: «Я сражался за Родину, за Уральцев, пославших меня на фронт, и за тебя, героиня трудового фронта».

Жаль, что я никак не имею возможности сфотографироваться и послать Вам свою фотокарточку.

За прошедшие летние бои я представлен ко второй правительственной награде. Но наградят или нет, сказать не могу.

Вот, кажется, все, что я хотел написать. Извините, что написал плохо, потому что в землянке тесно, писал на коленях.

С фронтовым гвардейским приветом, Георгий.

4 декабря 1943 г. Снегу у нас еще нет, тепло, но сырость. Идут дожди.

П.п. 06683А, мне.

1944 год

Письмо 6 ***23 марта 1944 г.***

Здравствуйте, Тамара Петровна, здравствуйте!

Ваше письмо от 16.02.44 г. я получил 19.03.44 г. Письмо читал трижды, если не больше. За письмо чувствительно благодарен.

Очень сожалею, что Вы совершенно неправильно поняли мое предыдущее письмо. Вы пишете: «Получила от Вас письмо – сердитое». Разве в том письме хотя на йоту было что-либо сердитого? Конечно нет. То письмо я писал исключительно продуманно, и уверяю Вас, в нем я высказал буквально все откровенно о том, что я мыслил и думал, смотря в будущее.

Вы пишете, что вы любите правду, презираете ложь. В том письме я как раз и шел по пути правды, откровенности и презрения лжи. Но увы. Вы или не поняли моей откровенности, или поняли, но не решились дать совершенно прямой ответ, независимо от того, положительного или отрицательного характера.

Мое письмо нужно было понимать так, как я писал, а не так, как Вы поняли. Я писал Вам, что всякая работа преследует цель, а это значит, и переписка тоже. Одновременно, еще раньше, а также и в этом письме, я указывал на интервал между моим и Вашим возрастом. В одном из писем я указывал, что моя подруга жизни Галина на фронте, что я с ней порвал всякие взаимоотношения… Был семьянином. Стал единицей. С уходом в Армию я считал и надеялся, что по возвращении из Армии меня встретит дома моя дорогая подруга жизни. Это были мечты. Сейчас же меня, кроме мамаши, которая, наверное, не дождется меня, и сестры, встретить совершенно некому. Мириться с одиночеством после таких переживаний очень и очень тяжело. Чтобы ликвидировать это одиночество и иметь хотя бы предпосылки на будущее в семейной жизни, я и решил Вам написать, в расчете на получение или положительного, или отрицательного ответа, считая, что Вы, хотя

и мало знаете меня, но продумаете все серьезно, смотря в будущее, и дадите соответствующий ответ о своем решении. Но Вы, по-моему, поняв содержание письма, совершенно сознательно уклонились от прямого ответа. Не так ли?

Полагаю, что сейчас Вы меня поняли и я получу соответствующий ответ?

Еще и еще раз подтверждаю, что предыдущее мое письмо не содержало ни одной капли лжи, неправды и злости по отношению к Вам. Я Вас уважал, уважаю и буду уважать и ценить, независимо от того, какой бы ответ от Вас ни был. Ответственно говоря, правда, может быть, против Ваших воли и желания, у меня почему-то существует какая-то крепкая близость к Вам как к работнику и человеку.

Прочитав все вышеуказанное, Вы удивитесь. Не удивляйтесь. Такое содержание я не выдумал, оно продиктовано жизнью с просмотром прошлого, настоящего и с учетом будущего. Простите за недосказанность.

Вас интересует, как мы проводили День Красной Армии[14].

День Красной Армии мы встречали в обстановке ожесточенных боев с проклятыми фашистскими гадами. Еще с первых чисел февраля мы так били фашистов, что Вы, безусловно не сможете себе представить ожесточенности тех боев. Настолько силен был разговор нашей артиллерии, гвардейских минометов, авиации, танков, самоходных пушек и всех видов вооружения, что в радиусе 50 километров стоял сплошной гул, а в хатах дрожали стекла, в ближних же хатах стекол в окнах совсем не осталось. Безусловно, фрицы тоже давали пить крепко. Ежесуточно по несколько часов от стрельбы и разрывов стоял такой грохот и шум, что, находясь друг от друга в двух метрах, говорить и даже кричать было бесполезно, так как все равно совершенно ничего не слышно. Разговаривать приходилось мимикой и жестами. От пороховых газов и пыли в результате боя невозможно было дышать. Немцы, попадавшие под такой концерт, без всяких командировочных удостоверений в различных видах отправлялись на тот свет без права возвращения в фашистскую Германию.

[14] День Красной армии – праздник, отмечаемый ежегодно 23 февраля, связан с первыми боями Красной армии против германских войск в феврале 1918 г. Праздник был установлен в РСФСР 27 января 1922 г., эта дата в СССР ежегодно отмечалась как День Красной армии, с 1946 г. – День Советской армии, с 1949 по 1992 г. – День Советской армии и Военно-морского флота, в дальнейшем отмечается в России как День защитника Отечества и является днем воинской славы России.

В общем, для немцев везде и всюду мы устраивали в буквальном смысле слова гигантских размеров мясорубку. Ломая яростные сопротивления врага, неуклонно стремились зажать гансов[15] с флангов, окружить, расчленить и уничтожить по частям, что нередко, правда не без потерь, удавалось нам с большими для нас успехами. В одном месте мы, во взаимодействии с другими соединениями и частями, окружили и уничтожили очень большую группировку войск противника. В плен не брали, правда, брали только тех, которые успевали бросать оружие и поднимать руки вверх, что набрали сопливых чертей до черта. Пленные в своих показаниях говорили, что такой ад можно, не потеряв сознания, пережить только один раз в жизни, и то не всем. Они же подтверждали, что многие солдаты и офицеры сходили с ума, их пристреливали, а некоторые сами стрелялись.

Окончательно сломив сопротивление и уничтожив разрозненные группировки войск противника, мы шли буквально маршем примерно 50 километров. Все дороги на этом протяжении были забиты брошенными немцами при отступлении автомашинами, тягачами, подорванными и сожженными танками, самоходными пушками, орудиями и прочим. Дороги были забиты от 3 до 7 рядов, и с такой густотой, что очень трудно было проходить пешком, а проезжать совершенно не было возможности. Вот в такой рабочей обстановке мы встречали и проводили День Красной Армии. Почти в такой же обстановке проходит время и сейчас. Сейчас я нахожусь от г. Николаева[16] на расстоянии как Чердынь от Губдора[17].

В марте мы тоже поработали крепко. Надеюсь, что Вы прочитаете сообщение Совинформбюро[18] «Потери немцев и трофеи войск 3-го Украинского фронта за период боев от 6 по 16 марта с[его] года», где записано: «таким

[15] Гансы – прозвище немецких солдат, которое возникло от одного из самых распространенных немецких имен Ганс.

[16] Николаев – город в южной части Украинской ССР, центр Николаевской области. В Великую Отечественную войну оккупирован германскими войсками 17 августа 1941 г., серьезно разрушен.

[17] Губдор – село в Красновишерском районе Молотовской области. Расстояние от г. Чердыни до села Губдор по дорогам 26,2 км.

[18] Цитата сводки Совинформбюро от 18 марта 1944 г. автором приводится в сокращенном варианте. Советское информационное бюро (Совинформбюро) – политический орган, который руководил освещением в СМИ военных действий на фронтах Великой Отечественной войны.

образом, армия немцев потеряла всего по главным видам боевой техники и людского состава: пленными и убитыми 50 659, не считая вывезенных противником раненых, лошадей 4510, орудий 1218, минометов 1012, пулеметов 3134, танков 275 и т. д.». Это касается нас. Как видите, мы кое-что сделали? Берите пример с нас – гвардейцев – и работайте в тылу так же крепко, как мы уничтожаем фашистских людоедов. Вы работаете на весьма ответственном посту — воспитываете молодое, растущее поколение, воспитывайте их в духе беспредельной преданности делу партии Ленина – Сталина, внедряя в их сознание мужество, отвагу, смелость, героизм и презрение к смерти их братьев, отцов и сестер, дерущихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Вы пишете, что получаете от меня одно письмо в два месяца. Поверь, дорогая, что писать нет времени. Однако если не будешь возражать, то буду писать хотя немного, но чаще. Правда, со мной может все произойти, ибо фронт есть фронт. Не исключен такой факт, что фашистская пуля или осколок оборвут мою жизнь, и я никогда не смогу Вас встретить лично. Даже и в таком случае будьте твердо уверены, что я никогда не сердился и не думал сердиться на Вас. Наоборот, я видел в Вас все лучшее кристаллической чистоты и нержавеющей стали. Пишите чаще и выкиньте из головы мысль, что я обижаюсь на Вас за Ваши внеочередные письма. Я готов принимать Ваши письма ежедневно с распростертыми объятиями и читать их по несколько раз.

Вот, кажется, все, что я хотел написать Вам. Передайте от меня мой наилучший фронтовой гвардейский привет Вашей бабушке.

С фронтовым гвардейским приветом, Георгий

П.п. 06683А, Г.Н. Момотову.

Письмо 7 ***7 мая 1944 г.***

Здравствуйте, тов. Габова, здравствуйте!

Ваши строчки от 11/IV я получил 7/V. Благодарю за вежливость и внимательность. Читал трижды. Выберу время, отвечу подробнее.

Лично о себе. Живу хорошо. Участвовали в освобождении города[19], имя которого Вы прочтете, если отнимите две конечных буквы от моего отчества. После этого вели ожесточенные бои несколько дней и освободили город[20], из которого в конце лета 1941 г. к нам в Чердынь приехала большая группа эвакуированных. Жаль, что я не посмотрел историческую лестницу[21]. Да, город красавица. Сейчас я значительно дальше.

За боевые дела Правительство нашу часть наградило орденом Боевого Красного Знамени[22].

Вы ошибаетесь в своем письме, выражаясь, что, возможно, я хотел пошутить. Я не из таких, чтобы шутить такими делами, да еще в такое время. Это было серьезно и обдумано всесторонне.

Очень рад, что эта Ваша школа, а это значит, и педколлектив по своей работе ставятся в пример, как хорошие воины трудового фронта. Не сокращайте положительных качеств, изживайте недостатки. Преумножайте успехи.

С гвар[дейским] приветом, *Г. Момотов*.

7.05.44 года.

[19] *Николаев освобожден 28 марта 1944 г. в ходе Одесской наступательной операции, в которой участвовала 61-я гвардейская стрелковая дивизия.*

[20] *Одесса была освобождена от немецко-фашистских оккупантов 10 апреля 1944 г. в ходе Одесской наступательной операции. 61-я гвардейская стрелковая дивизия «к 5:00 10.04.44 передовыми частями вступила на зап[адную] окр[аину] г. Одесса, а к 7:00 10.04.44 основными силами вошли и овладели центральной частью г. Одесса. Противник, оставив большое количество военного имущества, отошел в юго-зап[адном] направлении». См. Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru.*

[21] *Потемкинская лестница – бульварная лестница в Одессе, построенная в 1837 г. архитектором Ф.К. Боффо.*

[22] *За отвагу и мужество, проявленные в боях за Одессу, 61-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.*

Письмо 8 ***24 мая 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

7.5 послал тебе открытку, а 9.5 послал большое письмо. Не дожидаясь ответа, пишу эти строчки. Возможно, что, прочитав то письмо, ты пообидишься на меня за мою нескромность, чтобы это не получилось, я решил в порядке предупреждения контратаки с твоей стороны написать эти строчки и сказать тебе, что ругать не стоит, так как обязательно хочу с тобой встретиться. Ругательство же может крепко отразиться и испортить хорошие взаимоотношения.

Живу хорошо. Правда, за последнее время заболел малярией, черт бы ее побрал.

Природа, где я нахожусь, замечательная – кругом фруктовые сады: яблони, груша, вишни, орехи и т. д. Исключительно красиво цветут яблони. Полагаю, что в этом году покушаем фруктов больше, чем в прошлом году. Должно быть очень много винограда. Погода очень теплая.

Фашистские мерзавцы, как утопающий, хватаются за каждый кустик, за каждую складку местности, но мы им всегда подсыпаем как следует — по-гвардейски, отправляя ежедневно многие десятки фрицев в подземелье без всяких командировочных удостоверений. Вот все, что хотел, вернее, что успел написать.

Пишите, жду. С гвардейским приветом, *Г. Момотов.* 24 мая 1944 года.

Письмо 9 ***28 мая 1944 г.***

Добрый день, утро, а может быть и вечер, Тамара!

Утро. Чуть видно, как из-за горизонта поднимается прекрасное майское солнце. Справа и слева отчетливо слышно, как радостно поют соловьи. Мой

ординарец Андрей Петрович[23], как и всегда, еще спит крепко-крепко. Он, как правило, привык просыпаться и приступать к утреннему туалету после сигнала… Сигналом мы привыкли называть ранние утренние разрывы мин и снарядов всех калибров, которые посылает к нам фашистская нечисть. В ответ на фашистские мины и снаряды начинают работу наши батареи, посылая множество мин и снарядов, чтобы заставить замолчать фашистские орудия.

Пронзительному свисту мин и снарядов, громовым раскатам разрывов и выстрелов артиллерии частой дробью аккомпанируют пулеметы, автоматы и винтовки.

Так начинается фронтовой день – и почти беспрерывно продолжается до следующего дня, только с незначительным уменьшением огня глубокой ночью.

Нередко в музыку артиллерийского и оружейно-пулеметного огня включается душераздирающий свист и гром разрывов авиабомб.

Как бесконечно долгими кажутся дни и ночи, сопровождаемые сильным обстрелом.

Как бесстрашно и героически, смотря смерти в лицо и презирая смерть, мы, гвардейцы, подобно несокрушимой лавине преодолеваем все преграды и препятствия, уничтожаем и перемалываем живую силу и технику противника.

Вот в такой обстановке бывают считаные минуты, когда хочется видеть перед собой знакомые строчки и читать, читать не отрываясь о том, как наши воины трудового фронта работают и живут, живут и работают, помогая героической Красной Армии громить и уничтожать вшивых фашистских гадов и их приспешников. Но увы! Желание видеть и читать, читать и видеть знакомый почерк очень и очень редко удовлетворяется. Вот уже давно-давно не вижу Ваших строчек перед собой. Плохо, очень плохо. Пятерку поставить нельзя.

Видимо, ты (извини за «ты»), Тамара, думаешь, что твое продолжительное молчание не беспокоит меня? Если так, то ты не права. Не получая от тебя

[23] *Андрей Петрович – личность установить не удалось.*

писем, я беспокоюсь, бросаюсь на догадки: где ты и что с тобой? Возможно, ты на что-то обиделась? Если да, то сообщи откровенно и прямо. Если нет, то договоримся писать друг другу без напоминаний.

Что? Ты не хочешь больше писать мне? Почему? Кто имел право порвать нашу связь? Жду прямого ответа. Понимаешь, Тамара, – жду. Тебе я послал в мае открытку 8-го, письмо 9-го и письмо 23-го, сегодня посылаю четвертое.

Лично о себе. Живу хорошо. Здоровье удовлетворительное. Природа замечательная. Письма из дома от сестры и мамаши получаю редко. Товарищи пишут, так и с тыла. Случайно узнал, что моя сестра выходит замуж, о чем меня даже не поставили в известность. После того известия я ей сразу же прекратил писать, только написал, чтобы сохранила мама все мои вещи, и все. Как видишь, в Чердынь мне ехать некуда, так как никого там своих не будет.

Вот все, что я хотел написать. Передай от меня наилучший привет твоей бабушке. Приветствуйте свой коллектив за успешную работу по обучению и воспитанию детей. Лично Вам желаю успехов в работе и доброго здоровья в жизни.

Жму твою руку. С гвардейским приветом, Георгий.

П.п. 066683А, мне.

Письмо 10 ***8 июня 1944 г.***

Здравствуй, Тамара!

Только что в третий раз закончил читать твое письмо от 2 мая. Закончив читать, сразу же блеснула мысль в моем сознании о том, насколько приблизился срок нашей встречи в связи с тем, что наши союзники начали активно действовать, высадившись на французском побережье и начав развертывать долгожданный ВТОРОЙ ФРОНТ[24].

[24] *Второй фронт – условное обозначение боевых действий в Западной Европе, начавшиеся 6 июня 1944 г. с высадки антигитлеровской коалиции в Нормандии (северо-запад Франции).*

Что сейчас думает человекоподобный спрут и удав, проклятый историей ефрейтор Гитлер[25]? Наверняка он, дьявол, думает о том, насколько же ему хватает пушечного мяса и когда нужно пристрелиться, чтобы не опоздать и не попасть живым в руки героев-воинов, воинов-освободителей.

Я уже представляю себе, как мы будем вместе с союзниками беспощадно уничтожать фашистских варваров с трех сторон: с востока, юга и запада — до тех пор, пока все звери будут загнаны в свою берлогу и уничтожены до последнего.

В своем письме ты просишь сообщить о том, как я провел 1 Мая[26]. Отвечая на твою просьбу, я не удовлетворю твои желания. 1 Мая я был болен. Заболел еще до 1-го, поэтому был не в первых, а во вторых порядках, т. е. на подходящем расстоянии от передовой линии фронта. Все офицеры, сержанты и рядовые, бывшие там же, где был я, праздник проводили очень хорошо. Выпили изрядно, закусить было чем. Для поднятия настроения и развития веселья было два баяна, конечно с баянистами. Многие пары танцевали, после пели, потом играли. Особенно хорошо спели песню «Чижовка»[27], посвященную героическим боевым действиям нашей части. (Песню высылаю[28].)

Все это я очень смутно представляю себе, потому что я даже не вставал с кровати.

Что было на передовой линии фронта, я только слышал, а непосредственного участия не принимал, поэтому писать не буду. По-моему, в предыдущих письмах я не писал о том, что болею, если писал, не помню.

Меня до невозможности трепала чертовская малярия, кроме этого, я где-то, пока что не знаю по милости кого, отравился. Положение было очень серьезное. Считал, что моя автобиография кончилась, потому что около 20 дней кроме 10 штук печенья в сутки ничего не кушал, зато исключительно много пил молока и сладкого кофе.

[25] *Адольф Гитлер в годы Первой мировой войны дослужился только до чина ефрейтора.*

[26] *Впервые 1 Мая отмечали как официальный праздник в 1918 г. – День Интернационала, с 1972 г. – День международной солидарности трудящихся – 1 Мая, с 1992 г. – Праздник Весны и Труда.*

[27] *Текст песни «Чижовка» написал поэт-фронтовик Я.З. Шведов летом 1942 г. для поднятия боевого духа советских бойцов в боях на Чижовском плацдарме.*

[28] *В сохранившихся письмах текст песни не найден.*

С 3 июня включился по-прежнему в работу. Чувствую себя великолепно. Аппетит чертовский. Уже кушаю, хотя и зеленые, фрукты: сливы, груши, яблоки и т. д. Их здесь исключительно много. Как жаль, что при полной спелости я не могу послать тебе, чтобы угостить ими тебя и бабушку. Посылки не принимают.

Очень рад, что ты как офицер, как командир трудового фронта с победой заканчиваешь учебный год, готовишься завершить учебный год выпускным вечером, отпустить детвору на летние каникулы и уже беспокоишься о подготовке к будущему учебному году, говоря о ремонте школы и т. д. Эта неразрывная взаимосвязь работы, ее завершения и беспокойства о подготовке рабочего места для будущей работы является наилучшей характеристикой работника, знающего свое дело. В моем понимании ты выглядишь как боевой командир части, блестяще осуществивший боевую операцию, стоящий у огромной карты и намечающий путь выполнения еще более сложной операции.

Очень жаль, что не смог приехать, даже в конверте (фото) на выпускной вечер. С удовольствием бы послал тебе фото, но все, что было, взяли друзья еще в 1943 г., а фотографироваться негде. Однако свой приезд на вечер и невысылку фото, если ты не будешь возражать, я стараюсь компенсировать тем, что после войны, как победитель над фашистскими гадами, приеду в твое распоряжение. Конечно, если стану инвалидом, то не приеду, а просто напишу, как все произошло, и закончу свое письмо словом «ПРОЩАЙ». Вот все, что мог написать в имевшееся время. Будь здорова. Преодолевай трудности в работе, будь победительницей. Георгий.

Полевая почта 31722, мне.

Письмо 11 ***15 июля 1944 г.***

Добрый день, утро или вечер, Тамара!

Спешу передать свой наилучший гвардейский фронтовой привет и пожелать тебе множество самых лучших успехов в будущих днях твоей жизни и работы. Одновременно сообщаю, что твое письмо от 28 июня я получил 13 июля. За письмо чувствительно благодарен. Сейчас передо мной семь твоих писем, которые я получил в течение 17 дней. Все письма я читал с исключительным вниманием. Отблагодарить тебя за все эти письма нет возможности. Приму все меры к тому, чтобы после победы над фашистскими гадами обязательно встретить тебя и отблагодарить.

В своем письме спрашиваешь: «Почему у меня стал второй адрес?» Потому что я переведен в другую часть внутри своей же части. Все твои письма, высланные по старому адресу, я получил, так как мы всегда рядом, всегда вместе.

Очень рад, что ты, как командир соединения, успешно закончила боевую операцию, завершив учебный год и отпустив учащихся всех классов на летние каникулы, на отдых. Наша часть сейчас тоже на отдыхе, но у меня во время отдыха в десяток раз больше работы. Рабочий день уплотнен до предела, из-за чего я не мог ответить тебе на все твои письма. За свое молчание прошу прощения и хочу, чтобы ты мое молчание не расценивала как невнимательность к тебе. Наоборот. Я очень часто и много думаю о тебе. Меня беспокоит твоя отдаленность от меня. Но ничего. Будет время, когда мы встретимся и я смогу отблагодарить тебя за твою внимательность.

Пиши, жду. Георгий

Письмо 12 ***16 июля 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Вчера получил твое письмо от 24.6.44 г. За письмо, а это значит, и за внимание ко мне, чувствительно благодарен. Вчера же послал тебе письмо на секретке. Прости, что вчера и сегодня пишу очень мало, а это совершенно не потому, что я не хочу писать тебе, моя дорогая, а потому, что после болезни меня перевели на ту же службу, на ту же работу, но в другую часть, в часть, где работа по моей линии была сильно запущенна. Вот уже полтора месяца работу стараюсь выправить, чтобы не отставать от других, а догнать их и шагать с ними в ногу. Еще раз прошу извинить меня за скупость моих строчек. Будет время, когда я буду писать значительно чаще и больше.

Я лично, как и все мы сейчас, пока что живем однообразной жизнью: слушаем радио, читаем газеты, журналы и книги; бойцы и офицеры часто смотрят кино и концерты, а также слушают лекции и доклады, в общем, отдыхаем. Отдых используем до предела для боевой и политической учебы, чтобы потом бить и уничтожать фашистских гадов так, как уничтожают сейчас воины Белорусских, Прибалтийских[29] и Карельского фронта[30]. У меня лично во время отдыха раз в десять работы больше, чем во время боевых действий, правда, и в боевой обстановке рабочий день уплотнен крепко, но меньше, чем на отдыхе.

Тамара! Прости меня за нескромность, но я люблю правде смотреть в лицо, не переживаю лжи и клеветы, поэтому прошу откровенности и кристально чистой справедливости, взаимно буду таким же: прочитав ряд твоих писем, и особенно последнее, я сделал вывод, что ты внешне очень внимательная ко мне, проявляешь беспокойство обо мне, а внутренне навряд ли это так?

[29] В период с 23 июня по 29 августа 1944 г. 1, 2 и 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты вели Белорусскую наступательную операцию, получившую кодовое название «Багратион». В результате этой операции советские войска нанесли решительное поражение немецкой группировке армий «Центр».

[30] В июле 1944 г. Карельский фронт принимал активное участие в Свирско-Петрозаводской наступательной операции. Основные боевые действия были сосредоточены на освобождении южной Карелии от финских войск.

Ты молода, красива, имеешь хорошее образование. В годы учебы и работы у тебя, наверное, были – вернее, был хороший знакомый, даже больше, любимый тобой юноша, возмужавший и превратившейся сейчас в молодого человека, может быть, он воин, герой, инженер или директор среднего уч[ебного] заведения, партийный или советский работник. Вот ему-то ты отдашь все искренние внешние и внутренние чувства. Его-то ты, если не лично, то заочно, в письмах так тепло, ласково и вежливо целуешь. Удивлена, дорогая? Не удивляйся. Если я неправ и не считаешь для себя низким, то напиши действительность. Мне помнится, что я без твоей санкции в одном из писем поцеловал тебя. В ответ получил: «Я не сдержусь за последние строчки», – и дальше: «Если бы ты был здесь и действительно бы позволил себе это, я бы прочитала тебе нотацию».

Безусловно, внешне, в порядке приличия ты как никогда права, и особенно в том случае, что ты имеешь переписку с твердой надеждой на встречу и будущее с этим человеком. Конкретно с кем, я не знаю.

Ты, наверное, возмущена таким выводом и готова «вежливо» пересчитать мне зубы или проверить прочность моих глаз на их месте?

Повторяю. Я такой вывод сделал неслучайно. Я не могу себе представить, чтобы ты, имея такой возраст, хорошее образование и замечательный внешний вид, все время была в одиночестве, не имела или не имеешь хорошего знакомого человека, не знала или не знаешь жизнь во всем ее многообразии? Наверное, ты готова прейти в решительную контратаку и уничтожить меня за такое предопределение?

Дело твое. Действуй как решишь, но действуй так, чтобы, если в письме (а пока ты можешь действовать только письменно), от каждого твоего слова, от каждой строчки веяло откровенностью и исключительной правдой.

Уверяю, что если ты будешь откровенна и правдива, то, что бы с тобой ни было в прошлом в твоей бытовой жизни и в твоем поведении, совершенно ничто меня не оскорбит и не оттолкнет тебя от меня. Наоборот, ты будешь для меня ближе и милей за откровенность и правду.

Зная и еще больше узнавая тебя, после войны я постараюсь обязательно приехать к тебе и, если ты не будешь возражать, вручить себя в твои объятия.

Безусловно, если буду ранен или стану инвалидом, то тогда не приеду к тебе, чтобы не унижать тебя. Правда, я боюсь того, что ты, в случае нашей встречи, разочаровавшись, не признаешь меня, повернешься и уйдешь. Ведь я почти на 10 лет старше тебя. На мой внешний вид оказали свое влияние тяжелые дни, ночи, месяцы и годы войны, я значительно изменился, хотя волосы ничуть не посеребрила седина.

Полагаю, что на это письмо получу ругательский ответ? Уж если так, то заодно отвечаю: желаю тебе успехов в работе, доброго здоровья в жизни и целую тебя крепко-крепко. Пиши, дорогая. Жду. Георгий.

Передай от меня мой наилучший привет твоей бабушке. Только что вручили твое письмо от 4 июля. Благодарю.

Письмо 13 ***4 августа 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Должники всегда извиняются и просят прощения, я тоже прошу извинить и простить меня за мое молчание, за то, что я так долго, так долго не писал тебе, моя дорогая. Правда, 16 июля я отправил тебе большое письмо, ответ на которое, наверное, будет с ультиматумом о разрыве связи или… В общем, жду, что ты напишешь.

31 июля получил твое письмо от 16.07, за что чувствительно благодарен. Сочувствую тебе, моя дорогая, что тебе сейчас скучно, но развеселить тебя пока что ничем не могу. Очень жаль, что ты далеко-далеко от меня. Я не могу встретить тебя и поговорить с тобой. В своем письме ты приглашаешь меня. Очень благодарю за приглашение, моя родненькая. Если б ты знала, как мне хочется приехать к тебе, встретить тебя и поговорить с тобой! Но увы. Сейчас даже при получении отпуска я бы отказался от поездки. Ты удивлена? Не понимаешь, в чем дело? Ты готова ругать, даже проклинать меня?

Чтобы ты не контратаковала меня и не открыла по мне ураганный огонь всевозможных ругательств, постараюсь доказать тебе свою правоту.

Не думай, что мой отказ приехать к тебе в данный период есть выражение невнимания к тебе и неуважение тебя. Нет. Нет и еще раз нет.

Ехать сейчас к тебе – это значит ехать строго на Восток, удаляться все дальше и дальше от решительных боев по разгрому и окончательному уничтожению проклятых историей фашистских гадов. Ехать к тебе – это значит не участвовать в окончании начатого дела. Не могу поступить так. Я воспитан партией и родиной, а поэтому в такой ответственный момент я должен отдать все, буквально все для родины и партии, воспитавших и вырастивших меня. Однако это не значит, что я не приеду к тебе.

Блестящие успехи на фронтах Отечественной войны свидетельствуют о том, что наша встреча с тобой близка. Я приеду к тебе после того, как мы завершим свой победоносный путь на Запад, пройдя через моря черной фашисткой крови и через многие тысячи фашистов, превращенных нами в трупы. Я приду к тебе победителем. Полагаю, что ты не будешь возражать против моего приезда по такому пути?

Сейчас мы пока что активных действий не проводим, однако это не значит, что мы не работаем. Мы уничтожаем фашистскую мразь каждые сутки, каждый час бьем паршивых собак на каждом шагу. Безусловно, нельзя думать, что фрицы бездействуют. Бывают моменты, когда и нам бывает жарковато. Недавно был следующий случай.

Уже давно-давно погода здесь стоит исключительно жаркая. Дождей почти не было. После одного знойного дня чуть повеяло приятной вечерней прохладой, на лесной поляне собирался наш личный состав, чтобы просмотреть прямо недалеко от переднего края кинокартину, как вдруг объявили боевую тревогу… Оказывается, фрицы, пустив несколько «Тигров» и изрядное количество пьяных головорезов, очень быстро придвинулись к нашим боевым порядкам, угрожая прорывом. Пришлось просмотр кинокартины отложить и заняться боевой работой. Быстро принятыми мерами подзадержали фрицев и прижали их к земле огнем из пехотинского оружия, а потом на помощь подошли любимцы фронта «катюши» и так прогладили немчуру, что многие фрицы простыми и десятичными дробями были разделены на части. Короткий, но весьма жаркий бой был выигран

нами. Оставшиеся в живых фрицы драпанули. Вдогонку удирающим наши артиллеристы посылали всевозможных калибров снаряды, которые, разрываясь в гуще бегущих, как математик извлекает корни, извлекали: ноги, руки и мозги у драпающих гансов.

Эти строчки пишу из землянки. Время два часа ночи. Только что пролетел вражеский ночной бомбардировщик, но бомб не бросил, видимо, разгрузился где-то дальше. Время от времени, то не долетая, то перелетая через землянку, рвутся снаряды. Недавно потухла лампочка от взрывной волны, ударившей воздухом в землянку. Справа, слева и впереди выбивают дробь пулеметы — война продолжается и ночью. Сейчас скушаю яблоко, грушу и сливу, после чего пройду по переднему краю, а потом в часиков пять лягу, чтобы немного прикорнуть. Если это письмо получишь вечером, то пожелаю тебе спокойной ночи с приятными сновидениями.

Если получила мое письмо от 16.7 и крепко пообиделась на меня, то напиши прямо. Если пообиделась чуть-чуть, то напиши подробно буквально все, не скрывая, где я прав и где ошибся, т. е. в чем прав и в чем ошибся. Писал я откровенно потому, что люблю правде смотреть в глаза. Вы же, т. е. девушки, нередко способны кое в чем врать. Еще раз уверяю, что лучше пиши сущую правду, помня о том, что какая бы она ни была, что бы с тобой ни было, меня ничего не испугает и не противопоставит против тебя. Наоборот, если напишешь правду, я больше уважать буду тебя. Вот так, моя хорошая.

Еще раз прошу извинить за то, что пишу редко. Нет времени. Тебя же прошу писать чаще.

Вот все, что я хотел написать. Передай от меня мой наилучший привет бабушке, а пока будь здорова и счастлива. Не зная, в каком ты настроении, еще и еще раз целую тебя крепко-крепко.

Георгий

04 августа 1944 года.
П.П. 31722, мне.

Письмо 14 ***11 августа 1944 г.***

Здравствуй, Тамара!

Твои письма от 20.7 и 28.7 получил. Благодарю за внимание, моя дорогая. Обижаешься за то, что я пишу редко. Поверь, дорогая, что я занят исключительно крепко. Рабочее время в сутках уплотнено до предела.

Я знаю, ты меня поймешь
И за молчание не осудишь,
Любовь сквозь годы пронесешь
И самым верным другом будешь.

Верю дорогая, что тебе скучно. Очень жаль, что тебя нет рядом со мной, что я нахожусь в своей землянке один и не могу угостить тебя яблоками, грушами, вишней и сливами, которых ординарец носит по целому ведру почти каждый день. Но ничего.

Пусть тяжело тебе порою. Пусть.
Ко мне в вечерний час заката
Приходит ласковая грусть,
Как первая любовь когда-то.

Стремительное и победоносное продвижение наших войск на Запад, по следам проклятых фашистских зверей, приближает меня к Востоку, к встрече с тобой. Живу хорошо, но кое-когда бывает грусть, когда нет твоих писем. И ты, родная, не грусти…

В полночь уральскую глухую…
В почтовый ящик опусти
Письмо на почту полевую.
Твое письмо найдет меня
Среди друзей в землянке тесной,
И строчки, полные огня,
На сердце прозвучат, как песни.

Пиши, дорогая. Жду. До скорой встречи. Георгий.

Послал тебе два письма: 16.7 и 4.8. Обидишься. Будешь ругать?

Письмо 15 ***14 августа 1944 г.***

Светало. Августовское солнце еще было за лесом, еще яркие лучи просачивались в глубине лиственного приднестровского леса, но вдали на черепичных крышах, видневшихся из-за зелени хат, уже играл солнечный луч. Впереди, огибая лес с юга, тянулась небольшая лощина, поросшая бурьяном. Поднявшись по лощине кверху, я внезапно очутился в прекрасном саду яблонь, груш и вишни. Попав в царство фруктов, я не мог утерпеть, чтобы не скушать несколько груш и яблок. Кушая груши, я вспомнил про тебя, моя дорогая. Скушав две груши, я обозлился на себя за то, что я кушаю фрукты, а ты, будучи на северном Урале, не имеешь этого удовольствия, это размышление подняло меня на ноги, я бросил груши и пошел на передовую в траншею. Идти пришлось под звуки свистящих при полете мин и снарядов и под звуки их разрывов. Вот в этой-то обстановке я еще и еще раз вспомнил тебя, моя хорошая, вспомнив тебя, шел смелее вперед, не прячась от разрывов снарядов и мин, и не кланялся пролетающим со свистом пулям.

Живу хорошо. Самочувствие прекрасное. Состояние удовлетворительное. Погода здесь замечательная, хотя сильно жарко.

Я отправил тебе два письма, первое 16.7 и второе 4.8, в ответ на эти письма жду от тебя грубого по моему адресу письма.

Недавно смотрел кинокартину «Радуга»[31] по одноименной повести Ванды Василевской. Если появится эта картина в вашем районе, рекомендую обязательно посмотреть. Пиши. Жду.

Г. Момотов

[31] *Фильм «Радуга» о стойкости и мужестве украинской женщины во время Великой Отечественной войны был снят режиссером Марком Донским по одноименной повести Ванды Василевской в 1943 г.*

Письмо 16 ***19 августа 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй.

Спешу передать тебе свой фронтовой гвардейский привет и пожелать тебе множество самых наилучших успехов в будущих днях твоей работы и жизни. Одновременно сообщаю, что твое письмо из Молотова от 4.8 (ты почему поставила дату 4.7), я получил 17.8. За письмо благодарю.

Лично о себе. Живу хорошо. Здоровье хорошее. Самочувствие отличное. Каждый день по потребности кушаю фрукты. Жаль, что не могу угостить тебя.

Фрицев пока что бьем неактивно, но будет время начнем молотить, что будет небу жарко[32].

Пиши. Жду. *Момотов*.

Простите за выражение на «ты».

Письмо 17 ***20 августа 1944 г.***

Ночь с 19 на 20 августа. Только что пришел в свою землянку с передовой линии. Что-то не хочется спать. Дважды прочитал твое письмо из Молотова и решил еще раз ответить на него.

Очень жаль, что твой брат болеет. Но решение твое оставить его совершенно правильно потому, что в госпитале ему будет лучше лечиться, чем дома.

В своем письме пишешь в отношении поездки туда же, куда поехали учителя. Я над этим вопросом думал очень долго и решил не рекомендовать тебе ездить. Обосновывать такое заключение в письме не буду. Но заранее должен сказать, что аргументы довольно веские. Не подумай, что это

[32] *20 августа 1944 г. началась Ясско-Кишиневская наступательная операция, в ходе которой от немецко-фашистских захватчиков были освобождены территории Молдавии, части Румынии и Южной Украины. Боевое донесение № 68 штаба 61-й гвардейской стрелковой дивизии от 20 августа 1944 г.: «После артподготовки, длившейся 1 ч[ас], 45 мин[ут] части дивизии в 9:45 20.08.44 атаковали передний край оборонительной полосы противника <…> прорвав передний край обороны, к 16:00 20.08.44 овладели дер[евней] Фантына-Маскулуй...» См. Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru.*

в моих личных интересах. Не скрою, есть и это, но это второстепенное. Суть совершенно в другом. Однако дело твое. Решай как хочешь.

Если поедешь, то я уже сейчас вместо «до свидания» говорю «прощай». Это потому, что ты для меня если была не совсем найденной, то будешь совсем потерянной. Вот так, дорогая. Несмотря на это, еще и еще раз повторяю, что дело твое, как хочешь, так и решай.

Несколько слов о себе. Живу по-прежнему хорошо. Состояние здоровья отличное. Хотя не совсем, потому что малярия опять приходила в гости, но не трепала. Самочувствие и настроение отличное. Не так давно повысили зарплату, сейчас получаю 2 212 рублей. Как видишь, Родина ценит наши дела. Я, как сын родины, обязан взаимно ценить заботу родины обо мне. Смею тебя заверить, что доверие, оказанное мне партией Ленина – Сталина, а это значит, доверие матери-родины, я, как большевик и Уралец, оправдаю по-гвардейски.

Обижаешься на то, что я написал, что «…волосы не просолены сединой». Зря обижаешься, моя хорошая.

Ведь я написал, что суровые годы наложили на меня соответствующий отпечаток. Этими словами я говорил правду, ибо врать не люблю. Безусловно, огненные годы войны дали себя почувствовать. За это время я, как и все другие, прошел многие сотни километров по тернистому пути ожесточенных сражений, нередко шагая по гадкой фашистской крови и через сотни избезображенных нами, ненавистных фашистских трупов.

За это время я лично пролил немало крови, когда больше суток был на поле боя, будучи изрядно раненным. За это время я очень много раз смотрел смерти в лицо и вступал с ней в поединки. Были моменты, когда готов был думать, что моя автобиография заканчивается, что я терплю поражение, готов был кричать «Прощай, Родина. Я не опозорил тебя». Но твердая вера в победу всегда и всюду вливала в меня силу, и я, используя все умение, ловкость, изворотливость и хитрость, выходил победителем.

За это время был ряд случаев, когда мне плечом к плечу приходилось участвовать в боях с товарищами, которые моложе меня и по комплекции солиднее, и вот эти товарищи уже имеют много серебряных волос. Это значит, пережитое дает себя чувствовать.

Что прошло, то не забуду и буду вспоминать. Что будет впереди, в предстоящих боях, сказать трудно в отношении себя лично, так как не исключена возможность, что могу быть искалеченным или убитым. Война без жертв не бывает. В отношении общего дела, заверяю, что фашистских людоедов будут молотить так, что будет небу жарко. Их будут молотить до полного и окончательного уничтожения или пленения всех до единого гада, до чего уже не так далеко.

Возможно, Тамара, я после этого тебе долго не напишу, это значит, я буду крепко занят. Не обижайся и пиши мне. А пока до скорой встречи. Жму правую руку и целую тебя. Георгий.

Тамара! Высылаю тебе 4 конверта (четыре).

Письмо 18 ***26 августа 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Прими мой наилучший фронтовой гвардейский привет. Не обижайся, дорогая, что пишу карандашом и мало. Прочитай приказ тов. Сталина в «Правде» за 23 августа ген[ералу] армии Толбухину. Приказ от 22 августа[33]. В приказе тов. Сталин благодарит нас за то, что мы прорвали оборону противника и бьем фрицев крепко. Прочитай приказы т. Сталина ген[ералу] армии Толбухину от 23, 24 августа[34] и другие, тогда поймешь, что мы делаем, и не будешь меня ругать, что я мало написал.

[33] Приказ № 169 Верховного главнокомандующего И.В. Сталина генералу армии Ф.И. Толбухину от 22 августа 1944 г. об успешном прорыве обороны противника войсками 3-го Украинского фронта южнее Бендер был опубликован в газете «Правда» 24 августа 1944 г. В ходе наступления было освобождено более 150 населенных пунктов, включая крупные населенные пункты Каушаны, Чимишлия, Лейпциг и Тарутино.

[34] Приказ № 171 Верховного главнокомандующего И.В. Сталина генералу армии Ф.И. Толбухину от 23 августа 1944 г. об успешном штурме Бендер и Белгород-Днестровский (Аккерман) войсками 3-го Украинского фронта; приказ № 173 Верховного главнокомандующего И.В. Сталина генералу армии Ф.И. Толбухину от 24 августа 1944 г. о взятии города Кишинев войсками 3-го Украинского фронта при решительном содействии войск 2-го Украинского фронта.

Еще раз прошу, не обижайся. Быстро двигаюсь на Запад, чтобы скорее встретиться с тобой на Урале. Пиши, дорогая. Жду! Георгий.

Письмо 19 ***17 сентября 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Предыдущие письма я писал тебе из землянки с маленького заднестровского плацдарма. Да, плацдарм был действительно маленький, но для немцев и румын наш плацдарм был бельмом на правом глазу. Немцы всеми силами и методами пытались ликвидировать наш плацдарм. Почти ежедневно и по несколько раз немцы и румыны контратаковали нас то в одном, то в другом направлении, бросая против нас все виды вооружения, танки, самоходную артиллерию и массу пехоты. Были дни, когда по 4, 5 и больше раз налетали по 40, 45, 50 и больше бомбардировщиков. Однако, несмотря ни на что, мы не только держались, а перемалывали и уничтожали живую силу и технику.

Еще задолго до захвата нами плацдарма немцы создавали сильнейший оборонительный рубеж, одновременно укрепляли Бендерскую крепость[35]. Сотни тонн металла и цемента, многие тысячи кубометров леса и камня уложили немцы и румыны в низовьях Днестра. Оборонительные полосы из сплошных линий траншей, соединенных ходами сообщений, дотов, дзотов и разных фортификационных сооружений, следовали одна за другой, через два-три километра. Вообще была продуманная глубоко эшелонированная оборона, за которой немцы и румыны думали отсидеться и задержать наши части.

Отгремел грохот орудийной канонады, разрывов бомб, снарядов и мин. Мирной и тихой жизнью сейчас живет Молдавская ССР. Сейчас очень трудно представить себе, что было в первый день прорыва вражеской обороны.

[35] *Бендерская крепость – архитектурный памятник XVI века, на правом берегу Днестра в городе Бендеры, Приднестровье. Освобождение крепости в августе 1944 г. было частью Ясско-Кишиневской операции.*

Еще было совсем темно, когда начали свой внушительный разговор многие сотни орудий разных калибров, вслед за выстрелами артиллеристов, на расположение вражеских укреплений пошли волнами одна за другой наши прославленные краснозвездные сталинские соколы, прикрываемые истребителями. Потом начали свою веселую для нас и похоронную для фрицев песню наши любимицы «катюши». Через 8–10 минут после начала нашей артподготовки и бомбежки впереди нас, т. е. в стане врага, нельзя было рассмотреть ни одного населенного пункта, ни одного фруктового сада, ни одной высоты – вообще было сплошное громадной величины облако дыма, пороховых газов и поднятой разрывами земли. Даже нам было трудно дышать, а разговаривать совсем невозможно было, кричать нужно было друг другу, а не говорить.

От интенсивного воздействия нашей артиллерии и авиации летели на воздух доты и дзоты, сметались с лица земли блиндажи, проволочные заграждения и минные поля, трупами и обрывками трупов наполнялись вражеские траншеи и блиндажи. Наши бомбы, снаряды и мины, как профессор математики, разделяли немцев и румын на мелкие части. Во многих местах кровью фашистов окрасилась Молдавская земля.

Вслед за разрывами бомб и снарядов пошла в наступление пехота, на ходу стреляя из всех видов пехотинского оружия…

В прорыв обеспеченной артиллерией и пехотой пошли сотни наших танков, самоходных орудий и подвижные части, поднялся такой шум двигателей и лязг гусениц, помноженный на пушечную и пулеметную стрельбу из танков и самоходных орудий, казалось, что откуда-то сверху, рассыпаясь на мелкие части, валится самая большая планета, угрожая уничтожением всего, что окажется на пути ее падения.

Так, в кратких чертах, был обеспечен прорыв вражеской линии обороны.

Безусловно, нет никакой возможности хоть чуть-чуть описать эту грандиозную битву в страницах письма.

В первый же день прорыва мы брали сотни и тысячи в плен немецких и румынских солдат и офицеров. Продвигаясь вперед, мы встречали целые стада военнопленных от 1000 до 3000 и больше человек. Это были

замызганные и чумазые замухрышки и тотальные старцы, были и недобитые балбесы образца 1941 и 42 годов.

Чтобы понять тебе лично и разъяснить твоим ученикам и ученицам, что это была за битва, рекомендую прочитать в газетах – «Итоги Ясско-Кишиневской операции Красной Армии по окружению немецких войск»[36].

Настанет время, когда закончится война, а это близко, разгромив проклятого врага в его собственной берлоге, наш великий народ залечит раны Родины. Многое забудется, но навсегда в памяти останутся битвы на Молдавской земле, битвы за Бендеры и Измаил, за Кишинев и Аккерман[37]. Всякий участник этих битв с гордостью будет говорить: «Я брал Измаил», «Я штурмовал вражеские укрепления», «Я окружал и громил в третий раз сформированную 6-ю немецкую армию на Днестре и на Пруте фашистскую мразь»[38], «Я участвовал в августовских боях лета 1944 г.».

Не обижайся, дорогая, что я так мало и сухо написал о величайшей битве за время Отечественной войны. Это я написал в ответ на твое письмо от 20 августа, которое догнало меня на берегу одной маленькой болгарской речушки. Прости, что совершенно не писал тебе за время нашего победоносного продвижения по территории Молдавской ССР, по всей Румынии и по части Болгарии, некогда было, моя дорогая.

Твое письмо читал несколько раз. Обижаюсь за то, что ты не веришь в мою искренность и правду. Обижаюсь на тебя за упоминание военных девушек, больше этого не пиши.

Я уже в ряде своих писем напоминал о твоей скупости… В своих письмах ты, по-моему, не пишешь правду о своем прошлом, а ведь я писал о том, что пиши все подробно, помня, что твоя откровенность не оттолкнет тебя от меня, а наоборот приблизит. Жду, полагаю, что если буду жив, то дождусь ответа и где-нибудь между боями прочитаю твои строчки правоты и откровенности.

[36] *Статья была опубликована в газете «Правда» в № 220 от 13 сентября 1944 г., в газете «Звезда» в № 182 от 16 сентября 1944 г.*

[37] *Бендеры был освобожден 23 августа, Измаил – 26 августа, Кишинев – 24 августа, Аккерман – 23 августа 1944 г.*

[38] *Основные силы 6-й немецкой армии под командованием М. Фреттер-Пико были окружены в районе села Леушены в ходе Ясско-Кишиневской операции.*

Мы сейчас не ведем активных действий, но у меня работы очень много, поэтому писать буду редко и мало. Полагаю, что обижаться не будешь. Ты же пиши чаще. Желаю успехов в новом учебном году. Привет твоей бабушке.

Целую тебя, моя дорогая. Георгий.

Посылаю тебе 2 – два – конверта.

Письмо 20 ***1 октября 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

Вечер. Замечательно светит луна над просторами Болгарской земли, даже видны очертания Балканских гор. Я только что вернулся из города в расположение своей части. При входе в палатку я увидел письма со знакомым мне почерком. Всего было пять, из них два письма и открытка от тебя, моя хорошая. Письма от 29.8 и от 1.9, а открытка от 31.8. Все письма, хотя при свете от свечки, но прочитал внимательно. За письма, а значит, и за внимание ко мне, без твоей санкции целую тебя крепко-крепко, моя милая.

<…>

За высказанную тобой обиду не обижаюсь ни на йоту. Наоборот, прошу прощения за то, что я доставил тебе уйму беспокойства. Жаль, что я не имею возможности посмотреть тебе в глаза, не взять, а схватить тебя в объятия, попросить прощения за доставленное мною тебе беспокойство и расцеловать тебя.

Эх, если бы ты знала, Тамара, как я жажду встречи с тобой. Нет. Ты, конечно, не знаешь этого.

17.9 я послал тебе письмо, видимо, ты еще его не получила, но получишь. Из письма ты узнаешь кое-что, узнаешь о том, где я и что мы делаем с 20 августа.

В предыдущих письмах я писал тебе, что, несмотря на все невзгоды, ужасы, тяжелейшие переживания, бессонные ночи и множество ожесточенных боев – борьбе со смертью, цвет волос не изменился. Сейчас же, со слезами

на глазах, приходится писать тебе, моя золотая, что, после настолько ожесточенных боев и напряженной работы с 20 августа, я случайно, смотря в зеркало, обнаружил посеребренные сединой отдельные волоски на бровях. Увидев это, ужаснулся. Но ничего не сделаешь. Былого не вернешь. Прошлое не догонишь. Ты, возможно, не поверишь? Уверяю, что это сущая правда. Я не любитель обманывать людей, а тебя тем более. Я люблю кристальной чистоты справедливость, взаимно жду этого же ото всех, и от тебя также. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Возможно, после такого откровенного сообщения я не получу от тебя ни одной строчки, а если и получу записочку, то с окончанием не «до скорой встречи», а «прощай»? Не так ли, моя дорогая?

Если решишь порвать со мной переписку, то напиши мне обязательно. Я буду знать, что навсегда потерял тебя и поиски бесполезны.

В своем письме мечтаешь о том, чтобы при встрече провести меня по всем дорожкам и тропинкам, по которым ты ходила и ездила. Я тоже в одно время мечтал, что я иду, аж из-за Воронежа, рядом с тобой, ломая и сокрушая на своем пути все преграды. Будучи в Воронеже, вспомнил «Чижовку», мне казалось, что ты перевязывала мои раны. Будучи в Старобельске[39] и под Лисичанском[40], я отдыхал и занимался боевой и политической учебой. В Славянске[41] и в Ворошиловграде[42] вместе с тобой отбивал ожесточенные атаки врага. Вместе с тобой форсировал Дон, Сев[ерский] Донец, Буг, Днепр, Днестр, Дунай и множество других рек[43]. Вместе с тобой по тернистому пути пришел в Болгарию и вместе с тобой, чтобы утолить жажду, сосал из помидоров сок или жадно жевал снег, так как воды не было…

Да, дорогая. Это действительно было так, ибо у нас и фронт и тыл единое целое. Вы, находясь в глубоком тылу, так же на трудовом фронте помогали

[39] *Старобельск был освобожден 23 января 1943 г.*

[40] *Лисичанск окончательно был освобожден 2 сентября 1943 г.*

[41] *Славянск окончательно был освобожден 6 сентября 1943 г.*

[42] *Ворошиловград окончательно был освобожден 14 февраля 1943 г.*

[43] *61-я гвардейская стрелковая дивизия 5 февраля 1943 г. форсировала реку Северский Донец, 31 марта 1944 г. – Южный Буг, 8 февраля 1944 г. – Днепр.*

нам вести упорные и жестокие бои за освобождение Николаева и Одессы. Вы, герои трудового фронта, питали фронт всем необходимым для обеспечения победы над врагом. Слава Вам, мужественные воины трудового фронта. Слава тебе, моя милая, за твои трудовые дела по организации помощи фронту.

Как ты видишь, весь героический путь ты была плечом к плечу рядом со мной. В знойные зимние морозы ты согревала меня. В слякоть и проливные дожди ты закрывала меня, чтобы я не сильно промок. В жаркие дни ты закрывала мою голову белым облачком, чтобы меньше жгли яркие лучи солнца. В тяжелые дни после моего ранения, когда я лежал на носилках, ты, моя милая, подавала мне кушать и пить. Везде и всюду я ощущал твои теплоту, ласки и заботу. Да, это было так и будет так, пока бьется мое сердце. Но не исключена возможность в будущих боях, несмотря на то что ты будешь в моем сознании, фашистские пуля или осколок оборвут мою жизнь, то и тогда, если я смогу произнести слова, то скажу: «Ты вместе со мной громила и уничтожала фашистов, освобождая нашу советскую социалистическую Родину. Продолжай начатое дело до полной победы над проклятыми врагами. Мсти беспощадно фашистам за всех и за меня. Прощай!»

Да, прости, что я не поздравил тебя с началом нового учебного года. Поздравляю тебя, милая, с началом учебного года и желаю тебе наилучших успехов в воспитании молодого поколения в духе беззаветной любви и преданности нашей Родине.

В отношении поездки к сестренке, дело твое. Однако везде хорошо, где нас нет. Не проиграешь, если не поедешь. Одной будет исключительно тяжело. Ты будешь как веточка травы в пустыне Сахара. Условия работы будут совершенно другие, а также и условия жизни. На первое и продолжительное время ты будешь в среде новых, незнакомых тебе коллег по работе, отношение которых к тебе будет загадочным и будет таить много неожиданностей… Вообще, еще раз повторюсь: дело твое. Решай как хочешь.

Вот, кажется, и все, что я хотел написать тебе. Прости, что написал так плохо. Спешил. Время уже два часа ночи.

Передай от меня привет твоей бабушке и пожелай ей доброго здоровья.

Пиши, моя милая, если не пренебрегаешь, хотя помалу. Но чаще.

Желаю тебе доброго здоровья и успехов в работе. Целую тебя крепко-крепко, моя милая.

Георгий

Адрес старый.

1 октября 1944 г.

Письмо 21 ***10 октября 1944 г.***

Добрый день, утро или вечер, моя дорогая Томусенька.

Твое письмо от 12 сентября я получил 6 октября. За письмо, а значит, и за внимание ко мне, чувствительно тебе благодарен, моя золотая.

Сентябрь кончился, а здесь цветут олеандры и осень пока что по-настоящему не догнала нас. Балканы, далекий юг Европы! Совсем недавно я стоял на восточном – левом берегу Днепра, а сейчас нахожусь в Болгарии. Пройденные нами километры не подсчитывал, так как некогда было заниматься подсчетом, мы двигались вперед и днем и ночью, брели по пояс в снегу, волоком тащили боеприпасы по мартовскому и апрельскому бездорожью. Были и такие моменты, когда шел проливной дождь, после которого была грязь, казалось, непроходимая, но мы двигались, несмотря ни на что. Были переходы, когда приходилось придерживать сапоги за голенища, чтобы не оставить их в грязи в темные и дождливые ночи. Однако, несмотря ни на что, каждая капля крови, все сознание каждого человека не могло не спешить на встречу и свидание с победой. Да, дорогая, мы спешили и будем спешить, потому что свидание с победой каждый из нас ждет, ибо свидание с победой будет дополнено через некоторый период времени свиданием с любимой, уважаемой и незабываемой при любой обстановке.

Моя встреча с победой будет увенчана встречей с тобой, моя хорошая. Ах, если бы ты знала, как я хочу встретить и обнять тебя, моя хорошая. <…> Если встреча состоится, то прежде всего за внимание ко мне я прежде всего обниму тебя, расцелую крепко-крепко и, если не будешь возражать, больше

никуда и никогда в жизни не отпущу тебя от себя. Увезу тебя с собой туда, где буду служить и работать.

Но состоится ли наша с тобой встреча? Ведь впереди еще очень тяжелый, тернистый путь, который мы должны пройти, чтобы встретиться с победой. Еще будут ожесточенные бои, в ходе которых неизбежны потери. Не исключена возможность, что я стану жертвой одного из будущих боев, а это значит, перестанет работать сердце и остановится пульс. Если бы ты знала, Тамара, как не хочется мириться со смертью после почти трехлетней ожесточенной борьбы против ненавистного врага.

Не думай, моя хорошая, что я обязательно должен погибнуть. Я уже писал тебе, что на фронт я поехал, чтобы побеждать, побеждать и вернуться домой на УРАЛ победителем и только победителем. Постараюсь приложить все силы и способности к тому, чтобы как можно больше уничтожить фашистов, а самому из всей великой исторической битвы выйти победителем.

В прошедших боях я в последних рядах нашей героической гвардейской семьи не был, а был впереди. Мне кажется, я писал тебе, что меня представили к второй правительственной награде? Если не писал, то разреши сообщить тебе, моя милая, что к ордену Красная Звезда на моей груди через несколько дней прибавится орден Отечественной войны II степени[44]. Приказ о награждении уже есть, но орден пока еще не получил. На днях получу. Жаль, что нет тебя, моя милая, со мной. В день получения ордена я мог бы угостить тебя всем, что ты желаешь. Но ничего. При нашей встрече мы справим с тобой богатый праздник победы и праздник начала нашей семейной жизни. Ты возражаешь? Ты прогоняешь меня, моя хорошая?

Дело твое. Но я постараюсь контратаковать и выйти победителем. (Шутка, дорогая. Не обижайся.)

Тебе непонятно, когда и где я был ранен? Я высылал тебе песню «Чижовка». Вот в боях за Чижовку[45], пригород гор. Воронеж, я был дважды ранен. Это было

[44] *Момотов Г.Н. был награжден орденом Красной Звезды 19 декабря 1942 г., орденом Отечественной войны II степени 28 сентября 1944 г.*

[45] *Бои за Чижовку длились с 6 июля 1942 г. до освобождения г. Воронежа 25 января 1943 г. Этот район имел большое стратегическое значение для защищающих город советских войск, так как располагался на возвышенном правом берегу реки Воронеж.*

в 1942 г. Еще и сейчас ношу, кажется, 6 или 7 осколков в разных частях тела. Много осколков и одну пулю из тела изъяли. Пулю, вынутую из левой ноги, храню и сейчас. Вот там-то я и лежал сутки, истекая кровью под проливным дождем.

В недавних боях был изрядно контужен. Не слышал несколько дней, но из своей боевой гвардейской семьи не уходил. Сейчас все прошло. Слышу так же, как и раньше. На слух и разговор не повлияло.

Ты подумаешь, что я стал разбитым корытом, музейным экспонатом? Нет, моя дорогая. Негодных к строевой в боевых порядках не держат, отправляют в тыл на лечение.

С малярией попрощался. Больше встречаться не думаю. Комаров здесь уже нет. Чувствую себя хорошо. Состояние здоровья удовлетворительно. Самочувствие отличное.

О твоей поездке в Симферополь я писал тебе в письме 1 октября. Повторять не буду.

Передай мой наилучший фронтовой гвардейский привет твоему братишке и бабушке.

Пока, будь здорова, моя милая.

Целую тебя крепко-крепко. Георгий.

10.10.44 г.

Посылаю тебе 2 – два – конверта.

Письмо 22 ***12 октября 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

Только что пришел с работы в свою землянку. По пути с работы наблюдал, как сияют вдали горные кряжи Балкан. Над виноградниками повеяло осенней прохладой. Далеко-далеко мы ушли от родной земли! Земля здесь не изрезана ходами сообщений, не распахана артиллерийским огнем. Там, где глаза привыкли видеть амбразуры дзотов, – белеют одинокие домики и шалаши охотников и садоводов. Покой южных лунных ночей, шелест листвы в дубовом лесу и редкий окрик часовых «Стой, кто идет?». Тишина. Даже скучно становится находиться вдали от боевых действий. Скучно потому, что хочется быть все время в действии, чтобы как можно больше уничтожить немцев и быстрее добить их всех до единого. Но мы пока что отдыхаем и учимся.

Во время отдыха у меня исключительно много работы, все время загружен до предела. Вот сейчас пришел усталый, хочется отдохнуть. Прежде чем отдыхать, решил черкнуть тебе несколько слов и, кажется, в третий раз поздравить тебя с началом нового учебного года. Ведь ты уже воспитываешь детвору, пришедшую в школу после летнего отдыха, а некоторые из них пришли в школу после боевых действий на трудовом фронте. Многие из них во время летних каникул работали в колхозах, помогая колхозникам выполнять задания партии и правительства.

Я отправил тебе два письма, 1 октября и 10 октября. В последнем письме я писал много. Написал плохо потому, что спешил, это одно, и второе – писал при плохом свете болгарской свечи, не на столе, а в землянке на камнях.

В своем письме от 12.9 ты пишешь: «Если ты меня будешь ругать, то я возьму да и прямо к тебе на фронт, в твою землянку». Эх, дорогая. Ты совсем не знаешь, как я хочу видеть тебя, и особенно в своей землянке?

Если бы ты сдумала меня «напугать» своим приездом ко мне, когда я был на Днестре, тогда бы я смог вполне вызвать тебя к себе, прямо в землянку, и больше бы не отпустил от себя никуда и стал бы, несмотря на то что ты учишь своих воспитанников грызть гранит науки, учить тебя бить фашистов. Ты бы

под моим руководством сменила классы школы на боевую ячейку в окопе переднего края, а потом вместе бы со мной участвовала в прорыве обороны немцев, в окружении их и уничтожении. Да, жаль, что ты не высказала мне такого желания раньше, повторяю, когда я был на своей родной земле. Но ничего, родная. Мы все равно встретимся с тобой.

Пусть черные тучи и тени,
И грозы проходят опять –
Сквозь тысячи бурь и сомнений
Приду я тебя целовать.

О себе писать не буду. Жаль, что тебя нет со мной и не будет в день получения ордена. Ты приколола бы его мне на грудь, рядом с Красной Звездой, который я получил 1 января 1943-го.

Прости за нескромность, но мне интересно знать: получаешь ли письма от Новикова и пишешь ли ты ему? Делишься ли мнением с коллегами по работе о переписке со мной, если делишься, то что они говорят тебе по моему адресу?

Вот и все, что хотел тебе сообщить. Время много. Ложусь спать. Может быть, усну и увижу тебя во сне. Будь здорова, родная. Целую тебя. Георгий. Пиши чаще. Жду.

Письмо 23 ***14 октября 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

10.10 отправил тебе письмо, сегодня 14.10 я пишу тебе снова. Если своим частым письменным посещением я буду отрывать у тебя много дорогого для тебя времени и это будет обременять тебя, моя родненькая, то ты предупреди меня, что, дескать, товарищ издалека, прекрати бомбежку моей резиденции своими письмами.

В одном из писем я писал тебе, что огненные годы войны и особенно последние бои наложили на меня соответствующий отпечаток – чуть-чуть брови посеребрила седина, хотя товарищи говорят, что у тебя, мол, просто белые волосы, как у блондина… Никакой седины даже и признаков нет. Сегодня я закончил читать книжку «Непокорные» («Семья Тараса»), автор Борис Горбатов[46]. В парткабинете эта книга должна быть. Рекомендую прочитать.

Живу хорошо. Пока что отдыхаю вместе со всеми в Болгарии, от города Сливень (Сливно) на таком же расстоянии, как Губдор от Чердыни[47].

Каждый день вспоминаю тебя, как вспомню, так смотрю на твою фотокарточку и тут же спрашиваю: «Ждешь ли ты меня, дорогая?» Ответа нет. Пиши. Скучно без твоих писем. <…> Желаю тебе счастья в работе и жизни, <…> Георгий. 14.10.44 г.

[46] *Повесть «Непокоренные» о семье заводского рабочего Тараса Яценко, оказавшейся в оккупации на Донбассе, написана писателем Борисом Горбатовым в 1942 г.*

[47] *Расстояние от Чердыни до села Губдор по дорогам 26,2 км.*

Письмо 24 ***15 октября 1944 г.***

Добрый день, утро или вечер, Тамара!

Еще раз прошу прощения за мой внеочередной письменный визит в распорядок твоего рабочего времени.

14 октября в такой же секретке я писал тебе, что я закончил читать книжку Бориса Горбатова... Если найдешь эту книжку издания «Огиз[48] Гос[ударственное] полит[итическое] издат[ельство] 1943 г.» <…>[49] Я работаю на такой же работе, как в Чердыни работал Дылдин[50], если ты его знаешь.

Живу без изменений. Правда, резко изменилась расстановка рабочего времени потому, что совершенно изменилась погода. Все время были солнечные жаркие дни, а сейчас, особенно третьи сутки, идут дожди. Дни и ночи холодные. Осень берет верх над летом.

Вот и все, что хотел писать тебе. Передай привет братишке. Желаю успехов в работе и жизни. Георгий. 15.10.44 г.

Пиши. Жду.

Письмо 25 ***25 октября 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!..

Что-то давно-давно не вижу перед своими глазами свежих строчек твоего почерка. В чем дело? Где ты? Что с тобой? Все ли в порядке, моя дорогая?

Пиши, хотя немного, но пиши, моя хорошая.

Лично о себе писать буквально нечего. Живу по-старому, хотя и на новом

[48] *Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) было основано в июле 1930 г. в Москве при Наркомпросе РСФСР с целью координации издательской деятельности в стране.*

[49] *Далее вымараны 6 строк.*

[50] *Дылдин – личность установить не удалось.*

месте. Сейчас нахожусь от гор. Ямбол (Ямполь)[51] восточнее на таком же расстоянии, как Серегово от Чердыни[52]. Погода началась и продолжается осенняя. Почти каждый день идут дожди, и продолжительные. В некоторые дни бывает солнце и неплохо греет. Снег еще не появлялся. Живу снова в землянке. Временами бывает скучновато, особенно когда от тебя нет долго писем.

Я послал тебе письма 1, 10 и 14 октября. Не знаю, получила ты их или нет?

Ах, если бы ты знала, как мне хочется видеть тебя, услышать твой голос, обнять тебя и рассказать тебе многое, многое о наших боевых делах по разгрому проклятых историей фашистских гадов, а также услышать твои рассказы о твоей работе на трудовом фронте в глубоком тылу. Ведь тебе тоже очень много приходилось и приходится работать, чтобы как можно больше оказать помощи доблестной Красной Армии в быстрейшем разгроме фашистских гадов. Но ничего. Наша встреча близка. День за днем мы продвигаемся все ближе и ближе к полной и окончательной победе, а это значит, что все воины, продвигаясь к победе, продвигаются к встрече с семьями и… У меня семьи почти нет, значит, я иду на встречу с тобой по пути победы над врагом и приду к тебе обязательно победителем. Правда, может быть, что ты только в письмах обещаешь меня встретить, а глубокими чувствами и сознанием высказываешь обратное? Если я не прав в таком заключении, то прошу извинить меня. Не обижайся за такое заключение.

Вот, кажется, все, что я хотел написать тебе, моя хорошая. Время уже много. Ложусь спать. Если будешь читать эти строчки поздно вечером, то желаю тебе спокойной ночи и целую тебя крепко-крепко. Георгий.

Полевая почта 31722, мне.

Высылаю тебе один конверт.

[51] *Ямбол – город на юго-востоке Болгарии.*

[52] *Серегово – село в Чердынском районе Молотовской области, от Чердыни до села Серегово по дорогам 4,6 км.*

Письмо 26 ***8 декабря 1944 г.***

Спешу передать тебе, моя родненькая и желанная, мой наилучший фронтовой гвардейский привет из далекой Венгрии, одновременно с невыразимой в письме радостью сообщаю тебе о том, что твое письмо от 1 ноября 44 года я получил в Венгрии от города Капошвар[53] на таком же расстоянии, как Ныроб от Чердыни[54]. Несмотря на то, что письмо очень большое, я прочитал его несколько раз, правда, читать приходилось с перерывами потому, что читал в обстановке подходящего боя, а не отдыха. Первый раз пришлось прервать чтение из-за того, что противник начал сильный артиллерийский и минометный обстрел, а потом перешел в контратаку, которую мы успешно отбили с большими для противника потерями. Второй раз прервал чтение потому, что налетели планирующие бомбардировщики и начали бомбить наши боевые порядки.

Третий раз прервал чтение потому, что в воздухе появились наши сталинские соколы и начали штурмовать боевые порядки и тылы противника. Нашу доблестную авиацию поддержали любимцы фронтовиков «катюши», а потом начала разговор наша всесокрушающая артиллерия. После всего этого мы, сломив сопротивление противника, пошли вперед, шагая через трупы фашистских гадов, продолжая путь по следам зверя.

Как видишь, моя дорогая, строки твоих писем мне приходится кое-когда читать под музыку особого звука, под музыку, ноты которой пишут композиторы, творящие историю, продолжающие основные боевые традиции русского народа, народа – освободителя всех угнетенных и побежденных.

Прочитав вышеуказанное, не думай делать вывод, что твои письма обременяют меня. Наоборот, я твои письма жду так, как ждут после продолжительной и суровой зимы май – лето, даже больше. Твои письма вливают в меня новые силы и являются моим спутником в боевых делах.

[53] Капошвар – город на юго-западе Венгрии.

[54] Ныроб – поселок в Чердынском районе Молотовской области, расстояние от Чердыни до поселка Ныроб по дорогам 46,8 км.

Твои письма я жду всегда, всюду, в любой обстановке. Частенько я ругаю сам себя за то, что продолжительное время не пишу тебе писем. Но, полагаю, что ты простишь меня за некоторое молчание.

После того как я отослал тебе письма из Болгарии, мы со своими боевыми товарищами проехали и прошли не пройденную нами раньше часть Болгарии, вернее всю Болгарию, были в столице – София. Прошли всю Югославию, был южнее Белграда на таком же расстоянии, как Губдор от Чердыни. Прошли очень много по Венгрии, причем по Венгрии идем с боями, после того, как форсировали реку Дунай, о чем ты, наверное, читала приказ тов. Сталина тов. Толбухину[55]. За этот путь в моем распоряжении время было мало, а поэтому я тебе не писал, за что еще раз прошу прощения.

В своем письме ты пишешь, что мое письмо из конверта с окном читала учительница – преподаватель русского языка Тамара Александровна[56], которая на твой вопрос «Можно ли ему, т. е. мне, верить?» ответила тебе:

«Замечательный человек, видно, что деловитый, требовательный к себе и к другим».

Ты спрашиваешь, правда ли, что ответила тебе Тамара Александровна? На такой вопрос отвечать не могу. Мне не присуще оценивать самому лично себя, да и вообще, в наше время людей оценивает общественность. Однако, хотя я не знаю, может быть, Т[амара] Александровна когда-то изучала и преподавала педологию[57], пусть это не будет для нее оскорблением, так как педология уже несколько лет запрещена в преподавании и ее не изучают, в отношении, может, требовательности она права.

[55] Приказ № 212 Верховного главнокомандующего И.В. Сталина маршалу Светского Союза Ф.И Толбухину от 29 ноября 1944 г.: «Войска 3-го Украинского фронта, перейдя в наступление, форсировали Дунай севернее реки Драва, прорвали оборону противника на западном берегу Дуная и, продвинувшись в глубину до 40 километров, расширили прорыв до 150 километров по фронту. В ходе наступления войска фронта на территории Венгрии овладели городами и крупными узлами коммуникаций Печ, Ватажек, Мохач и с боями заняли более 330 других населенных пунктов…»

[56] Тамара Александровна – личность установить не удалось.

[57] Педология – это наука, изучающая детей и их развитие, а также влияние окружающей среды на формирование личности, сочетает в себе элементы психологии, педагогики и социологии. В СССР была запрещена в 1936 г., как слишком акцентирующая внимание на индивидуальных особенностях и наследственности в противовес принципам коллективизма и социальной среды.

Опять и опять ты, моя хорошая, пишешь о своей неуверенности в правдоподобности содержания моих писем в отношении нашей с тобой встречи и нашего будущего. Сколько же время будет продолжаться твоя неуверенность? Как жаль, что я сейчас не имею возможности встретить лично тебя и убедить тебя, что я прав, а твоя неуверенность ни на чем не обоснована. Помни же, моя дорогая, что если я буду жив, то день нашей встречи будет началом и продолжением нашей, никем неразлучной, совместной жизни, конечно, при условии если не будет возражений с твоей стороны.

<…>

В своих предыдущих письмах я писал тебе, что меня от тебя совершенно ничто не оттолкнет. Повторяю это и сейчас. Обратное может произойти с твоей стороны, потому что ты моложе меня, твой внешний вид не сравним с моим – это первое, что может повлиять на тебя, и второе – найди газету «Правда» за 22 октября 1944 г. и прочитай очерк Е. Кононенко «Товарищи»[58]. Вот такое со мной может произойти, что, безусловно, повлияет на тебя. Безусловно, потеря тебя для меня будет тяжелой и мне жаль будет тебя до глубины моего сознания, но я могу быть не в силах, чтобы удержать тебя.

Лично о себе. Живу хорошо. Самочувствие отличное. Погода пока что теплая. Правда, кажется, уже дня три утрами на дорогах легкие замерзали лужицы воды. Вообще грязь большая. Снегу нет. Местные жители – венгры и венгерки – говорят, что снег у них бывает с Рождества по старому стилю и до половины февраля. Что-то уже пятый месяц не получаю писем из дому, т. е. из Чердыни, от сестры и от мамы. Что с ними? Не знаю. 27-ю годовщину Октябрьской социалистической революции пришлось пробыть в пути, за 42 часа мы прошли пешком 153 километра, ехать было нельзя.

[58] В очерке «Товарищи», написанном в 1942 г., писатель Е.В. Кононенко описывает историю фронтовика Алексея, который вернулся домой в Лысьву после тяжелой контузии, приведшей к параличу обеих ног. Его жена не смогла смириться с изменившейся ситуацией и, взяв детей, покинула дом.

Жаль, что я далеко-далеко от тебя и от вашего педколлектива, а то бы помог организовать обмолот урожая с вашего школьного участка.

Очень рад, что твой дядя герой Советского Союза[59]. Значит, дрался так, как положено драться Уральцам. Молодец.

2 декабря 44 г. я отправил тебе письмо с фотокарточкой. Не обижайся, что плохая фотокарточка.

Твое письмо получил 7-го, ответ начал писать 8-го, закончил ночью на 9 декабря 44 г. в 3 часа ночи, а отошлю, возможно, только 10 декабря, значит, ты его получишь в 1945 году, а поэтому поздравляю тебя с Новым годом, в один из дней которого будет наша встреча с тобой, моя милая и хорошая. Заканчивая это письмо, желаю тебе доброго здоровья и успехов в работе. Если письмо будешь читать поздно вечером, то желаю тебе приятного сна и целую тебя крепко-крепко. Георгий.

Да, если в вашем районе будет кинокартина «Победа на Юге»[60], ты обязательно посмотри ее, там есть значительная толика участия и нашей гвардейской орденоносной семьи. Жаль, что я долго не увижу этот фильм. Высылаю тебе три конверта.

[59] Личность установить не удалось.

[60] Документальный фильм «Победа на Юге» режиссера Л. Варламова о Ясско-Кишиневской операции, 1944 г.

Письмо 27 ***16 декабря 1944 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая.

Спешу передать тебе свой наилучший фронтовой гвардейский привет из Венгрии. Одновременно пожелать тебе множество самых наилучших успехов в твоей работе и жизни.

С исключительной радостью сообщаю тебе, моя дорогая, о том, что твою открытку от 14 октября и письмо от 5 ноября 1944 года я получил. Очень благодарен тебе за твою внимательность ко мне. О радости, которая бывает у меня при получения твоих писем, писать не буду потому, что в письме невозможно все описать. Я беспредельно был рад, если бы получал от тебя каждый день хотя несколько строчек. Но верю тебе, моя дорогая, что у тебя время ограниченно и писать каждый день ты не в состоянии, однако, прошу тебя, пиши, хотя немного, но чаще.

О себе писать нечего. Живу по-прежнему. Снега у нас все еще нет. На улице неимоверная грязь. Каждый день идут дожди. Приходится бродить по колено в грязи, хорошо, что сапоги прочные, воду не пропускают.

Прости, что написал мало. Нет время, моя хорошая. Да, разреши поздравить тебя с новым, 1945 годом. Пиши. Адрес старый.

Георгий

Письмо 28 ***18 декабря 1944 г.***

Здравствуй, моя дорогая Томусенька.

Только что прочитал твои письма от 11 и 14 ноября 1944 года. Письма шли больше месяца. Да, ты далеко-далеко от меня, моя хорошая. Я все еще путешествую по Венгрии. Нахожусь от озера Балатон[61] на таком же

[61] *Озеро Балатон находится на западе Венгрии.*

расстоянии, как Вильгорт от Чердыни[62]. Живу, как и раньше, хорошо. Погода здесь все еще теплая, правда, утрами немного замерзает, но грязи везде и всюду хоть отбавляй. Снегу нет и не было.

Ты снова обижаешься на меня, что я мало и редко пишу тебе. Обида основательна. Но поверь, моя хорошая, что у меня очень мало времени. За последний месяц я все время нахожусь на улице. С первого по сегодня только три ночи спал в кровати, а все остальное время был на улице. Уже пять дней не снимаю с ног сапоги. Кое-когда бывает скучновато, особенно потому, что из дому уже около пяти месяца нет писем. В чем дело и что с ними? Не знаю.

Вчера получил орден[63]. Прости, что мало написал. Выберу время, напишу больше. Георгий.

Письмо 29 ***22 декабря 1944 г.***

Бьют часы на Кремлевской башне. И в комнату, как сквозь распахнувшееся окно, врывается полуночный гул Красной площади. Гудки автомашин. Отдаленные сигналы трамваев. Многоголосный шум. Москва! Да, моя дорогая Тамарочка, как приятно и радостно слушать в репродуктор шум и гул нашей Советской Социалистической Родины, от которой мы так далеко-далеко ушли по тернистому пути на Запад.

Слушая Москву, хозяин нашей квартиры венгерский серб Шандэр (Александр) его дочь Пиротко (Парасковья)[64] и другие члены семьи прослезились, заплакали. Когда я спросил, в чем дело, хозяин говорит: «Москва хорош. Мой сын имел книги из Москвы», и принес мне Сталинскую конституцию[65] в переводе на венгерский язык. Оказывается, его сын был

[62] *Вильгорт – село в Чердынском районе Молотовской области, расстояние от Чердыни до села Вильгорт по дорогам 18,7 км.*

[63] *Орден Отечественной войны II степени.*

[64] *Шандэр (Александр), Пиротко (Парасковья) – личности установить не удалось.*

[65] *Конституция СССР 1936 г.*

коммунистом. Его взяли при отступлении немцы. Старик, плача, говорит: «Наверно, моего сына фашисты повесили». Мы успокоили старика.

Я только перед боем часов Кремлевской башни пришел с передовой и решил черкнуть тебе несколько строчек. 2 декабря отправил тебе фотокарточку, 8-го письмо, 16-го и 18-го – секретки. Живу хорошо. Прости, что пишу мало. Нет времени. Пиши. Жду. Будь здорова, моя хорошая. Георгий.

Письмо 30 ***30 декабря 1944 г.***

Здравствуй, Томуська, здравствуй, дорогая!

Не знаю почему и чем объяснить, но сегодня ночью я тебя, моя хорошая, видел во сне. Если ты помнишь постановку в Чердыни «Парень из нашего города»[66], там к Лукину приехала его девушка, а Лукину через дверь крикнули: «Вам посылка пришла». Вот почти так же и со мной получилось.

Мой ординарец тихо и с улыбкой сказал мне: «Тов. гвардии капитан, Вам почтальон посылку привез». А дальше, после слов ординарца, в мою комнату вошла ты и, не подойдя ко мне, сказала: «Здравствуйте, тов. Момотов!»

Удивившись твоей официальности, я проснулся в надежде встретить тебя, моя хорошая. Но увы! Ведь это был сон и только сон, а не действительность.

Эх, если бы ты, моя дорогая, действительно приехала ко мне. Я не представляю себе, что бы я стал делать? Угостил бы я тебя всем, чем могу, начиная от простого вина, кончая шампанским, фруктами, пирожками, чаем с медом, а потом бы приказал тебе спать целые сутки. Поставил бы к дверям комнаты часового и приказал бы ему не пускать в комнату никого, чтобы не нарушать твой сон после длительного пути, а сам бы пошел работать и, возвратившись с работы через сутки, говорил, говорил и говорил бы с тобой, пока ты не сказала мне: «Довольно, Георгий. Я тоже хочу рассказать, как мы в глубоком тылу работали день и ночь, стараясь как можно больше

[66] *Спектакль «Парень из нашего города» по одноименной пьесе Константина Симонова.*

оказать помощи нашей доблестной Красной Армии в разгроме проклятых фашистских гадов».

Ты бы начала рассказывать мне о ваших боевых делах на трудовом фронте по выполнению заданий партии и правительства.

Потом ты бы сказала, что тебе нужно уезжать домой, но я бы не отпустил тебя. Мы пошли бы с тобой вместе через грохот сражений, преследуя и уничтожая немецко-фашистских оккупантов.

Да, как жаль, что это был только сон и только сон, а не действительность. Но ничего, дорогая. Будем надеяться, что наша встреча состоится. Я приеду к тебе победителем с фронта Отечественной войны, а ты встретишь меня как победительница на трудовом фронте. Вот тогда-то мы поговорим с тобой и все наши письма перечитаем, как летопись чувств. А пока сообщаю, что живу хорошо, взаимно этого же и тебе желаю, моя родненькая.

В одном из писем я писал тебе, что хорошо провели праздники. Это мой родной праздник, так как я работаю на этой работе, т. е. на той же работе, на которой в Чердыни работал Дылдин.

28 декабря 44 г. послал тебе письмо, в котором 5 конвертов. Сегодня посылаю в этом письме три конверта.

Будь здорова. Целую крепко.

Георгий

30.12.44 года.

1945 год

Письмо 31 ***4 января 1945 г.***

Алло! Алло!! Алло!!!

Тамара, в чем дело? Почему молчишь, моя дорогая? Уже много, много дней прошло с тех пор, как я получил от тебя последнее письмо. Безусловно, как только прочитал письмо, сразу же начал ожидать следующего – и все еще продолжаю ждать. Ты чувствуешь, дорогая, продолжаю ждать. Дождусь ли?

О себе писать нечего, живу по-старому. Правда, недавно пришлось участвовать в ожесточенном бою. Полагал, что дьявольские фашисты закончат мою автобиографию, т. е. не останусь жив, потому что смерть крутилась около нас буквально со всех четырех сторон. Везде и всюду рвали снаряды, мины и бомбы. Со всех сторон свистели и рвались разрывные пули. Попали буквально в кольцо. Однако, несмотря, казалось бы, на безвыходное положение, мы сумели прорвать кольцо, угробить несколько десятков фрицев, кроме этого, взяли пленных и заняли наилучшие позиции. Прости, дорогая, что мало написал. Нет времени. Пиши. Жду. Кажется, 29 или 30 декабря 44 г. послал тебе письмо и три конверта. Новый год встретил хорошо. Еще раз поздравляю тебя, моя хорошая, с новым, 1945 годом, с годом нашей встречи с тобой, моя родненькая. Если будешь читать эти строчки перед сном, то пожелаю тебе спокойной ночи. Еще и еще раз будь здорова. Целую тебя крепко-крепко, моя хорошая. Георгий.

Письмо 32 ***6 января 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Еще и еще раз спешу передать тебе свой наилучший фронтовой гвардейский привет и пожелать тебе множество успехов в будущих днях твоей работы и жизни. Одновременно сообщаю, что я живу хорошо. Однако бывают минуты, когда становится несколько скучновато.

Тебе письмо я написал
О том, как о тебе тоскую.
Который раз – не знаю сам
Спешу на почту полевую.
Конверт откроешь ты спеша,
Как прежде, трепетной рукою –
Прочтешь опять, моя душа,
Что невредим, что я тобою
Живу, дышу и образ твой,
Как образ родины далекой,
Несу в душе и рвусь я в бой
С мечтой живою и высокой
В суровой битве устоять
И, победив, уйти горами,
В твои глаза взглянуть опять,
Прильнуть к устам твоим губами,
Я огрубел и постарел, –
Походов след неизгладимый,
Но сохранить любовь сумел
К тебе, хорошей и любимой.
И ты, я знаю, много бед
Перенесла за годы эти:
Войны любой широкий след
Всегда печален и не светел.

Но знает русский человек,
В борьбе лишь счастье вырастает,
Что нашу женщину вовек
Беда не сломит никакая!
Что горю радости – не смять,
Что есть конец – конец разлуке
Вернусь, приду к тебе опять
Сквозь пламя буйное и вьюги.

Томка! Дорогая моя, прости меня за то, что я пишу сегодня так безобразно. Насадил кляксы, как пьяный. Это потому, что писал в землянке на коленях, при тусклом свете венгерской свечи. В то время, когда я пишу эти строчки, немцы беспрерывно ведут по нам артиллерийский и минометный огонь. Пишу в ожидании прямого попадания в мою землянку. Если такое попадание будет, то эти строчки вообще будут недописаны и вообще ты больше от меня никогда не получишь не одной строчки, потому что меня не будет. Не обижайся на эти строчки и не думай, что я паникер. Нет, моя дорогая, за три с лишним огненных года у меня панических мыслей не было и впредь не будет. Однако фронт есть фронт, и на фронте все может быть. Если в твой адрес от меня не будет писем, тогда знай, что меня нет.

Да, проклятые фашистские гады сопротивляются исключительно. Дерутся, черти, как львы. Но ничего. Будет время, мы сломим их сопротивление и снова победно будем продвигаться вперед в логово зверя, чтобы добить окончательно всех зверей в их собственном логове и вернуться домой победителями. Мы это осуществим, и осуществим обязательно. Будь здорова, дорогая. Пиши, жду. Целую крепко. Георгий.

Письмо 33 ***10 января 1945 г.***

Здравствуй, Томка, здравствуй, дорогая!

Седьмого января 1945 года получил два твоих письма. Первое от 22.11.44 г. и второе от 8.12.44 года. Очень благодарен за поздравление меня с новым, 1945 годом. Еще больше благодарю за письма, а это значит, и за внимание ко мне, моя дорогая, моя хорошая Томочка.

Даже не знаю, что писать тебе о моей фронтовой жизни. Однако важно сообщить тебе о том, что я впервые в жизни Новый год встретил вдали от родной земли. Разреши же еще раз из далекой Венгрии поздравить и тебя, моя родненькая, с новым, 1945 годом. По-моему, никогда еще за время войны эти слова не звучали так празднично, как в ночь с 1944-го на новый, 1945 год. Помню, как год тому назад мы в кругу своих друзей встречали 1944 год, еще на левом берегу Днепра. Еще тогда мы говорили, что 1945 год будем встречать обязательно за границей. Как видишь, наши предположения нами оправданы целиком и полностью. За истекший 1944 год мы прошли часть Украины, Бессарабию, Румынию, Болгарию, Югославию и часть Венгрии. Да, работу провели большую. Путь прошли изрядный. Эх, дорогая, если бы ты знала, что значит этот путь, хотя бы ты представила себе тысячную долю всей трудности и сложности пройденного нами пути, ты бы сказала, что для себя этого сделать нельзя. И действительно, мы делали это не для себя, а для нашей Великой Советской Социалистической Родины.

В прошедший год мы, как гвардейцы, отправили на тот свет тысячи проклятых фашистских гадов.

В наступившем 1945 г. работы будет так же много. Мы знаем – в этом году ждет нас еще одно величайшее счастье, – в день, когда мы вызволим из фашистской неволи всех тех, кого угнали немцы в свою берлогу.

Январь. Зима. По ночам уже снег хрустит под ногами, луна за морозной дымкой, совсем как дома, на УРАЛЕ. Но ракеты чертят по небу багровые полосы – и, как искры огромного костра, вспыхивают и тают во мгле.

Нет, мы не дома! Мы на чужой земле. Мы чувствуем это, и это чувство нам помогает ежедневно, методично уничтожать фашистов, как тифозных вшей.

Вот уходит ночь, светлеет небо. Новый год вступил в свои права. Мы достойно проводили прошедший 1944 год и по-гвардейски встретили новый, 1945 год, год окончательного разгрома и уничтожения фашистских оккупантов.

Настал день. Из-за горизонта показалось солнце. Мы любуемся солнцем, поднимающимся над лесом. Оно ярко освещает поля битв, на которых взойдут всходы новых побед – плоды тяжелого и доблестного труда наших героических и всепобеждающих воинов.

Тысяча девятьсот сорок пятый идет по земле...

Ты уже ругаешь меня, дорогая, за то, что я расписался так много. Если действительно ругаешь, то зря. Меня можно ругать и нужно ругать за то, что я так скупо, сухо и исключительно мало написал тебе о том, как мы провожали славный 1944 год и как встречали новый, 1945 год. Как жаль, что я не могу, хотя бы в какой-нибудь единице из множества триллионов описать наши переживания провожания прошедшего и встречи нового, 1945 года.

В наступившем 1945 году живу по-прежнему хорошо.

В своем маленьком письме ты, моя хорошая, пишешь:

«Георгий, где бы ты ни встречал Новый год... где бы ты ни был, но мысли будут с тобой при встрече Нового года...»

Я совершенно не думаю выражать тебе недоверие в искренности твоих строчек, но в десятки миллиардов раз было бы лучше, если бы вместо твоих мыслей со мной ты была бы сама, моя родненькая.

Пишу эти строчки и думаю: придется ли нам встретиться с тобой, моя хорошая? Неужели я не смогу увидать тебя, пожать твою руку, и если ты не будешь возражать, то поцеловать тебя? Неужели я не увижу свой любимый УРАЛ? Неужели я больше не буду купаться в красавице КАМЕ? Нет. Этого не может быть. Я обязательно вернусь домой победителем. Обязательно встречу тебя, моя золотая Томусенька, обниму и, несмотря на твои возражения, поцелую тебя, а потом ты можешь бить меня за грубость, невежество и хулиганство. Полагаю, что драться не будешь, а если и будешь, то я как-нибудь твои удары протерплю.

Пиши, моя хорошая, мне скучно без твоих писем. 4 и 6 января 45 года послал тебе письма. Вообще писал тебе много. Необоснованно ты обижаешься на меня за мое молчание.

Передай от меня мой фронтовой гвардейский привет и пожелай им самых наилучших успехов в их повседневной работе.

Вот все, что хотел написать в этом письме.

Прошу извинить, что строчки получились не по линейке. Писал в темноте.

Если будешь читать эти строчки вечером, то пожелаю тебе спокойной ночи, а если будешь читать утром, то желаю тебе успеха в работе.

Будь здорова. Жди меня. Целую крепко-крепко.

Георгий.

Полевая почта 31772, *Г.Н. Момотов*

10 января 1945 года.

Высылаю два конверта.

Письмо 34 ***27 января 1945 г.***

Еще и еще раз привет из Венгрии.

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

Прости меня за то, что так часто, так часто пишу тебе, отнимая у тебя дорогое для работы время. Только вчера отослал тебе маленькое письмо, а сегодня пишу второе.

На улице светло как днем, несмотря на 11 часов ночи, идет мелкий, но довольно густой дождик. Я только что пришел с передовой линии фронта к себе в землянку и решил этими строчками напомнить тебе о том, что, несмотря на тысячи километров, разделяющие нас с тобой, я борюсь и живу, чувствуя о тебе и не забывая тебя. Ты удивлена? Ты не веришь в правдоподобность этих строчек? Дело твое. Однако я подтверждаю, что пишу, чтобы передать тебе мои личные чувства и мысли.

Писать много нечего. Живу хорошо. Правда, за последнее время проклятые фашистские гады прут, как обреченные. Однако знай, дорогая:

Пройдут года сурового похода,
Но будут в памяти моей дела
Богатырей советского народа,
Которых партия на подвиги вела.
Мы шли вперед, любимых вспоминая,
С похода долгого вступая в жаркий бой,
О, если бы ты знала, дорогая,
Какие тучи шли над головой!
Мы не забудем этих дней невзгоды,
Тех самых дней, что так близки для нас.
Да, для меня уж никакие годы
Не затемнят прошедший грозный час.
Мне в память врезались отдельные минуты,
Их не вписать мне в мой простецкий стих,
Я навсегда запомню голос пушек лютый
И стоны раненых товарищей моих.
Теперь громить врага для нас не ново,
И гнев у каждого горит огнем в груди.
Победа ждет нас – к ней и так готовы,
Ее мы ясно видим впереди!

Тамара! Вышеприведенные строчки стихотворения написаны гвардии ст. лейтенантом Шапиро[67], озаглавлены они – «Письмо на родину». Думаю, что ты не будешь обижаться на меня за то, что я написал тебе это стихотворение, потому что в нем очень глубокий смысл борьбы и жизни, а также надежд фронтовиков.

Действительно, победа близка. Недалеко то время, когда мы с тобой от письменного разговора будем иметь возможность разговаривать устно,

[67] *Шапиро – личность установить не удалось.*

смотря друг другу в глаза. Эх, хотя бы скорее настало это долгожданное мною время. А вдруг да ты этого времени, т. е. встречи со мной, не ждешь?

Вот, кажется, все, что я хотел написать тебе, моя хорошая. Будь здорова, дорогая. Работай лучше. Помогай нам громить и уничтожать проклятых фашистских гадов.

Если письмо будешь читать вечером, то желаю тебе спокойной ночи, заочно обнимаю тебя вежливо и целую крепко-крепко. Георгий.

Пиши. Жду. Без твоих писем чувствую себя скучно.

Письмо 35 ***31 января 1945 г.***

Привет из Венгрии.

Здравствуй, Тамара, здравствуй!..

Твою открытку, в которой написано ровно 8 строчек, я получил 28 января 45 года. Когда ты писала эту открытку, мне неизвестно, но, как видно, она шла долго.

Совершенно необоснованно обижаешься на меня за то, что я давно-давно не пишу тебе. В декабре месяце 1944 года я послал тебе 7 писем и в январе 1945 года послал 5 писем. В письме от 2 декабря выслал фотокарточку, правда она плохая, но лучше сфотографироваться не было возможности.

В сущности, писать-то совершенно нечего. Живу без изменений, это значит, живу хорошо. Состояние здоровья хорошее. Самочувствие отличное. Погода стоит холодная, но холод не превышает –10°. Снег стал глубокий. Мадьяры удивляются, говорят, что такой суровой зимы, как сейчас, они не помнят. Нечего себе сказать, суровая зима. Я до сих пор хожу и езжу без перчаток, не потому, что у меня нет перчаток, а потому, что они не требуются.

За последнее время фрицы начали драться как обреченные, стараются любой ценой удержать каждый метр венгерской территории. Мы неоднократно попадали буквально в безвыходное положение, когда немцы, торжествуя победу, кричали нам: «Русь, сдавайтесь скорее». Кое-когда я думал, что

вот-вот кончится моя автобиография и я никогда не встречусь с тобой. Однако это были мимолетные думки. Несмотря на все трудности, мы неоднократно вклинивались в боевые порядки противника, вели траншейные гранатные и штыковые бои.

В нашей работе нам отлично помогали наши славные артиллеристы. Особенно хорошо и весело для нас, тяжело и смертельно для немцев пели свои песни любимицы всех фронтовиков «КАТЮШИ». Артиллерийской и минометной музыке отлично аккомпанировали наши доблестные и героические сталинские краснозвездные соколы, сбрасывая на фрицев многие тысячи тонн бомб.

В результате проведенных нами тяжелейших и ожесточенных боев мы, сломив все преграды противника, через его трупы и даже клочья трупов прорвались вперед.

Безусловно, были и наши потери, но мы потеряли в десятки раз меньше, чем фрицы. Несмотря на громадные потери, фашистские изверги, подобно бешеным зверям, стараются ежедневно по несколько раз контратаковать наши боевые порядки. Но мы с успехом отбиваем все контратаки врага.

Вот, кажется, и все, что хотел написать тебе, моя хорошая.

Да, как себя чувствует прибывший с фронта твой соученик? Возможно, я мешаю тебе своими напоминаниями насчет соученика, тогда напиши прямо, чтобы я знал и в последнем письме в твой адрес написал бы тебе вместо «до скорой встречи» – «прощай».

Пиши, дорогая. Жду. Что-то скучно без твоих писем.

Если будешь читать письмо вечером, то желаю тебе спокойной ночи, заочно обнимаю тебя вежливо, крепко-крепко целую. Георгий.

Полевая почта 31772, Г.Н. Момотов.

Письмо 36 ***7 февраля 1945 г.***

Здравствуй, Томочка, здравствуй!

Мне кажется, что я в декабре и январе буквально бомбил тебя большими и маленькими, маленькими и большими письмами. В январе я послал 6 писем, последнее 31 января. В декабре также писал изрядно. Однако, несмотря на это, ты обижаешься на меня за то, что я очень и очень редко пишу. Безусловно, в твоей обиде есть доля справедливости. Но поверь, дорогая, что писать больше и чаще у меня нет времени.

В своем коротеньком письме, написанном 7 января из Молотова, пишешь, что тебе не хочется уезжать в свой уголок, потому что в Молотове весело. Слов нет. В Молотове ясно лучше, чем в твоей резиденции. Несмотря на это, нужно быть и работать не там, где хочется, а там, где требует Родина. Не так ли, дорогая?

Мне тоже крепко хочется хотя бы дней 10 побывать на родной земле, и особенно встретить тебя, моя родненькая. Сейчас нет времени устраивать вечера в комнатах с паркетными полами или гулять в лайковых перчатках.

Мы, воины фронта, а также и вы, воины тыла, сейчас обязаны как никогда, с напряжением всех сил и энергии работать так, чтобы как можно быстрее разгромить и уничтожить всех до единого проклятых фашистских головорезов.

Находясь на фронте, мы ежедневно списываем по несколько десятков фрицев, отправляя их на тот свет без всяких командировочных удостоверений.

Извини, что пишу другими чернилами, это потому что начал писать в одной землянке еще 3 февраля, а продолжил уже в другой и 7 февраля.

Живу по-прежнему хорошо. Погода стоит переменная. Уже три дня как днями идет продолжительный мелкий дождик, а ночью мороз примерно –8, 10°. Снегу мало. На дорогах вода.

Регулярно читаю газеты, восхищаюсь и радуюсь героическим действиям воинов 1, 2 и 3-го Белорусских, а также 1-го Украинского фронтов[68], которые

[68] *Речь идет о Висло-Одерской операции, проходившей с 12 января по 3 февраля 1945 г.*

по-настоящему громят и уничтожают фашистов. Вы в тылу, наверно, буквально с жадностью читаете все новости, и особенно такие, когда сообщается, что наши славные воины бьют зверей на их собственной земле, все ближе и ближе продвигаются в звериной берлоге.

Недавно получил письмо из дома. Сестра пишет, что живут неважно.

От тебя что-то долго нет писем. Видимо, ты поверила своему соученику и решила, что если я нахожусь в Венгрии, то действительно не вернусь домой, а это значит, к тебе, и решила больше не писать мне. Если так, то дело твое. Однако уверен, что не так далеко время, когда мы с тобой от письменных разговоров перейдем к личным, устным разговорам, смотря друг другу в лицо, а пока будь здорова, заочно обнимаю тебя нежно и целую крепко-крепко.

Георгий

7.02.45 года.

Письмо 37 ***26 февраля 1945 г.***

Добрый день, утро или вечер, моя хорошая. Еще раз спешу передать тебе мой наилучший гвардейский привет из далекой Венгрии.

20 февраля получил твое маленькое письмо, написанное после конференции.

Письмо читал трижды, если не больше. Читая твои строки во второй и в третий раз, мне казалось, что я разговариваю лично с тобой, смотрю тебе в лицо и легонько глажу твою нежную правую руку. Как жаль, что встреча с тобой пока что только в мечтах и проекте, в проекте и мечтах, а не действительность. Эх, если бы встретить тебя, моя дорогая, сейчас. Было бы о чем поговорить в порядке обмена мнениями.

Ты все обижаешься на меня за то, что я мало пишу тебе, моя родненькая. Мне кажется, что я в январе месяце писал регулярно, и если не ошибаюсь, то послал тебе семь писем.

В своем письме ты обещаешься приехать ко мне в конверте, безусловно,

я понял, что вышлешь фотокарточку. Если еще не выслала, то с получением этого письма высылай обязательно. Уже жду и приготовился смотреть на тебя, моя хорошая. Надеюсь, что я сумею обеспечить достойную тебя встречу.

Просишь, чтобы я тоже приехал к тебе в конверте. Я уже выслал тебе одну, правда неважную, фотокарточку, верхом на лошади. В этом письме высылаю еще одну маленькую фотокарточку, тоже неважная, даже плохая, но ты прости меня, моя хорошая, ибо я не виноват, раз меня так сфотографировал фотограф. Фотограф очень высоко поднял рамку, в результате даже орден Красная Звезда вышел не полностью, а гвардейский значок совсем не вышел потому, что он ниже орденов. Я решил, что лучше послать хотя такую фотокарточку. Правда, у меня есть очень хорошая кабинетная фотокарточка, но на ней я фотографирован еще в марте 1942 года, и она уже не отражает настоящего моего вида, так как годы ожесточенных боев против проклятых фашистских оккупантов наложили на меня некоторый отпечаток, и я не хочу обманывать тебя, моя дорогая, показом тебе моего вида в прошлом, а не в настоящем.

Если будет время и попадет фотограф, у которого можно будет сфотографироваться на карточку большего размера, то сфотографируюсь и вышлю тебе.

Пройдя несколько капиталистических государств, я ни одной строчки не писал тебе о своих впечатлениях. Полагаю, что я тебе кратко сообщу о том, что в первую очередь бросается в глаза. В Румынии, Болгарии, Югославии, а также и Венгрии хорошо жили фермеры, бояре, графы – это вроде наших дореволюционных помещиков. А также предприниматели – фабриканты и заводчики. Безусловно, попадались крепкие кулацкие хозяйства. Рабочие и бедняки в сельском хозяйстве, особенно батраки, живут невыносимо плохо. Вообще бесправная жизнь.

В Румынии и Болгарии пришлось видеть кое-какие мелкие предприятия. Однако в Болгарии во всем сельском хозяйстве страны имелось только два комбайна у двух помещиков. Зато в Румынии, Болгарии, а также и Венгрии даже в мелких городишках вовсю процветал и развивался образ их дикой животной культуры в человеческом обществе – это разветвленная сеть

публичных домов, в которых не только девушки, а даже замужние женщины, торгуя своим телом, зарабатывали деньги для того, чтобы прокормиться мало-мало приодеться и пытаться найти себе работу, так как хоть лучше того человек, но если одет рвано, хозяева на работу не принимают.

Если бы ты хоть какую-нибудь толику представляла себе, что творится в публичных домах, ты бы днем и ночью проклинала этот алчный, низкий и буквально скотский образ жизни.

Прочитав о такой подлой жизни, не подумай, что я мог быть посетителем их. Не забывай, что на моих плечах голова русского человека, а это значит, я никогда не позволю позорить достоинство русского человека.

Живу хорошо. Полагаю, что дальше будет лучше.

Погода теплая. По-моему, морозов больше –10° не было. Я всю зиму хожу и езжу в фуражке.

Пока все. Передай от меня привет твоим коллегам по работе.

Будь здорова и счастлива. Если эти строчки будешь читать вечером, то пожелаю тебе спокойной ночи и заочно вежливо обнимаю и целую тебя, моя дорогая. Георгий. Отправляю 27.2.45 года.

Письмо 38 ***3 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

27 февраля утром отправил тебе письмо с маленькой фотокарточкой, а вечером получил от тебя три письма: от 17.1; от 20.1 и от 24.1.45 г. Твои письма наш письмоносец принес мне как раз во время ужина. Посмотрев на конверты и узнав, что письма от тебя, я тут же письмоносцу налил двести грамм чистого спирта, а в отношении вина совсем не ограничивал, он мог пить сколько хотел. Как жаль, что это были только письма, а не лично ты, моя милая. Эх, если бы ты приехала ко мне, угостил бы я тебя всем, всем, что ты уважаешь, и безусловно приказал бы тебе в честь встречи выпить.

Не подумай, моя хорошая, что я горький пьяница. Если бы я пьянствовал, меня бы давно-давно не было на работе, которая мне доверена. За все три с лишним года я единственный раз был крепко пьяным, и то было не в боевой обстановке, а на отдыхе. Однако еще раз повторяю, что при встрече с тобой выпью сам и прикажу выпить тебе, хотя это будет зависеть от того, где и когда эта встреча состоится. Не исключена возможность, что не я приеду к тебе, а тебе по моему вызову придется приехать ко мне. Сомневаюсь, чтобы ты поехала. Почему-то думаю, что на тебя окажет влияние интервал в возрасте, и ты уклонишься от встречи.

Прости меня, моя хорошая, за нескромность, но я прошу тебя написать мне точно: с какого ты года рождения. Не затрудняй себя разными предположениями о том, зачем мне нужно знать твой возраст. А ответь, и ответь только точно. Я совершенно не хочу не доверять тебе, однако кое-когда думаю, что твои письма в мой адрес просто в порядке временного обмена мнениями, и ничуть не больше.

Читая все три твоих письма, я представлял себе, что я все время был вместе с тобой: в Молотове на съезде учителей[69] и в районе на районной конференции учителей, но жаль, что я не танцую, поэтому не был с тобой на бале-маскараде…

Читая твои письма, я пришел к выводу, что ты живешь не скучно, даже весело, не исключена возможность, что кое с кем встречаешься из молодых людей и, читая ему мои письма, вместе смеетесь над строчками моих писем. Если в этом я хоть чуть-чуть прав, то ты напиши мне, что подобных фактов было ничтожество, и они больше не повторятся. Возможно, тебя обидят вышеуказанные строчки, и наверняка так, но что сделаешь. Я всегда считал и считаю своим долгом высказать все, что предполагаю и думаю, а не держать в неизвестности. Мне кажется, что лучше предупредить человека, чтобы он, если у него было намерение сделать неправильный шаг, не сделал такого шага. Много тяжелее и хуже переждать и совсем изжить ошибки, допущенные хорошим другом, и тем более другом жизни, каким я считаю тебя.

[69] *5 января 1945 г. в г. Молотове состоялся Первый съезд учителей Молотовской области. Подробнее: газета «Звезда» № 4 (7513) от 6 января 1945 г.*

Интересно знать, что из себя представляет твоя подчиненная и, видимо, хорошая подруга по работе и жизни Тамара Александровна. Вышеуказанные строчки начал писать 28 февраля, но закончить не мог, продолжаю сегодня, т. е. 3 марта. Выше писал нормально. А эти строчки пишу еле-еле. Произошло что-то, с одной стороны, ужасное, а с другой, прямо радостное. В ночь с 2 по 3 марта ехал с передовой в тыл верхом на лошади. Лошадь очень хорошая, но сильно трусливая. Примерно на полпути я вместе с вороным (конь) попал под артиллерийский налет. После разрыва первого же снаряда мой вороной бросился на галоп, как бешенный. Ночь была темная, потому что луны не было. Вороной на полном ходу без разбора тащил меня в сторону и влетел в противотанковый ров. Я и сейчас еще не припомню, как это произошло, но знаю, что я на лету, т. е. когда вороной падал, каким-то путем вылетел из седла, не задержавшись в стременах ногами, и улетел вперед вороного, ударился, особенно крепко о стенку рва. Сегодня левая рука не поднимается и не сгибается, на левую ногу встать не могу, на правой руке вывихнул большой палец. Радостным это происшествие я считаю потому, что, если бы мы с вороным не пали в ров, нас обоих могло бы убить или тяжело ранить, а во рву мы спаслись от осколков. Во рву мы с вороным по кличке Васька пробыли часа два, а потом как раз шли с работы саперы, я крикнул им, они раскопали выход изо рва, и я еле-еле оттуда выехал. Сейчас лежу и лежа пишу тебе эти строчки, а поэтому прошу извинить за неровность и путанность почерка.

По вопросу о Тамаре Александровне. В своем письме от 17.1 ты писала, что, уезжая в Молотов, Тамаре Ал[ександровне] сказала: «…если придет от меня тебе письмо, чтобы она распечатала и дала ответ». Раз так, то я полагаю, что Тамара Ал[ександровна] неплохой человек, так как ты ей доверяешь письма. Если в своем заключении я прав, то передай от меня привет Тамаре Ал[ександровне].

1 марта получил твое письмо от 1 февраля. Письмо читал несколько раз. Удивляешься тому, что у меня целы твои письма, что мне тяжело носить их пешком в своем вещевом мешке. Не беспокойся, дорогая. Твои письма я не

ношу в вещевом мешке, их возит мой ординарец на линейке[70]. У меня при себе бывает только полевая сумка и оружие. Если бы ты была со мной, ты бы тоже со мной пешком не ходила, а ездила бы на линейке потому, что со мной быть точно так, как абсолютное большинство времени я провожу на передовой линии фронта. А там частенько постреливают фрицы, может пуля или осколок зацепить.

В этом же письме просишь, чтобы я больше не писал тебе своего недоверия к тебе в отношении твоей встречи или встреч с кем-либо из молодых людей. Хорошо, дорогая, если ты заверяешь меня в своей непоколебимости, то я больше не буду тебе об этом писать. А за вышенаписанные строчки в этом письме прошу извинения. Однако еще и еще раз прошу, чтобы ты исключительно правдиво сообщила свой возраст. Не думай, что твой возраст мне нужен для разрыва с тобой связи, наоборот, твой возраст мне нужен для укрепления с тобой связи в расчете на обязательную встречу с тобой.

Опять просишь фотокарточку. Сообщаю, что в письме от 27 февраля 45 года я послал тебе фотокарточку, правда очень маленькую, но у фотографа больше бумаги не было. Сейчас едва ли придется где-либо сфотографироваться. Если будет возможность, то вышлю еще. Одновременно прошу, чтобы и ты послала мне свою фотокарточку.

О себе писать нечего. Если бы не полет в противотанковый ров, то я бы чувствовал себя отлично, а то вот лежу и с трудом пишу эти строчки.

Погода здесь стоит теплая. Снег растаял почти весь, но грязи хоть отбавляй везде и всюду.

Вот и все, что я хотел написать в этом письме. Да, очень жаль, что у тебя холодно в комнате и тебе приходится в ней работать в одиночестве.

Пока, дорогая, будь здорова. Крепко целую,

Георгий

3 марта 1945 г.

Полевая почта 31722, Г.Н. Момотову.

[70] *Линейка – легковой автомобиль ГАЗ-М1, широко использовался в качестве штабного автомобиля, транспортного средства для командного состава Красной армии.*

Я не представляю, куда могло деться письмо с фотокарточкой от 2.12.44 года? Еще потерялось у меня одно письмо, которое я писал в Чердынь в музей, высылал в письме немецкие, румынские, итальянские и другие деньги для музея[71], и все это потерялось. Возможно, еще придет тебе мое письмо? Как бы не потерялось письмо со 2-й фотокарточкой.

Письмо 39 ***4 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Спешу передать свой наилучший фронтовой гвардейский привет и пожелать тебе успехов в работе, а в жизни счастья.

27 февраля послал тебе письмо, и 3 марта тоже.

Чтобы ты не обижалась на меня, что пишу редко и мало, я решил в марте месяце писать тебе почаще и больше.

Сейчас, лежа в землянке и еле ворочаясь, решил сообщить тебе, что боль ушибленных рук и ноги значительно сократилась, но все еще дает себя чувствовать.

Живу по-прежнему хорошо. Погода стоит теплая. Снегу почти нет. Фрицы стреляют, но и мы не даем им покоя.

Из дома от сестры получил уже два письма. Пишет, что живут неважно.

Пиши чаще, а то скучно без твоих писем. Георгий. 4.3.45 г.

[71] *Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина. В августе 1943 г. заведующая музеем Е.А. Оболенских обращалась в письме к Г.Н. Момотову с просьбой принять участие в сборе материалов о Великой Отечественной войне. В фондах музея сохранилась почтовая карточка от 19 августа 1944 г., написанная Г.Н. Момотовым в адрес музея, письмо от 14 сентября 1945 г., а также направленные им топографическая карта, фотография, денежные знаки иностранных государств.*

Письмо 40 ***9 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Мне кажется, что я обещал тебе в марте месяце писать тебе чаще. Выполняя свое обязательство, пишу уже третью записку.

В предыдущем коротеньком письме я сообщал тебе, что мы вместе с моим вороным совершили прыжок, вернее полет, в противотанковый ров, одновременно писал, что пишу лежа, потому что сидеть не мог.

Эти строчки пишу, если считать по-граждански, то с больничной койки, а по-военному – из госпиталя. Наши медицинские работники определили, что в результате падения у меня от удара получились поперечные трещины четвертого и пятого ребра, из-за чего буквально не мог дышать, ходить и сидеть.

Прочитав вышеуказанное, можешь подумать, что я превратился в разбитое корыто. Нет. Такой вывод будет грубо ошибочным. Доктора обещают, что я буду себя чувствовать прекрасно не больше как дней через 15. А это значит, что тогда снова встану в ряды своей любимой гвардейской семьи.

Не подумай, дорогая, что это ложь или какое-то испытание тебя. Нет.

Я не хотел тебе писать ни слова о том, что меня постигло такое несчастье и не написал бы потому, что я не любитель плакать. Однако я почему-то подумал, что ты все равно по почерку и по стилистике моих писем определишь, что со мной что-то неладное, и будешь спрашивать меня, что со мной произошло? Чтобы этого не было, я решил сразу написать тебе.

Когда я был ранен и не писал домой ни одной строчки о том, что лежу раненный и пишу лежа, а сестра тоже сообразила, что пишу не так, и спрашивает меня, что с тобой? Я ответил, что легко поцарапало, лежу в М.С.Б[72].

Сейчас домой тоже не писал ни одного слова о том, что получил изрядные ушибы, но думаю написать завтра.

[72] *МСБ – медсанбат, медико-санитарный батальон, а также медицинский пункт при этом батальоне.*

В одном из своих писем ты спрашивала адрес моей мамаши, чтобы написать им письмо и наругать их за то, что они мне не пишут.

После того я от сестры получил два больших письма, она пишет, что мама стала совсем плохая. Живут плохо. Да я еще уходил в армию, то считал, что мамаша меня не дождет… Жаль старушку. Ведь я никогда не бросал ее, даже в самое тяжелое время, когда пас коров у кулаков, ходил по миру и просил подаяний, а позднее был сторожем. Но сейчас проклятые фашистские гады оторвали меня от непосредственной личной помощи старухе. Ничего. Личное у меня всегда на втором месте, а на первом общественное, а общественное то, что мы обязаны как можно скорее уничтожить немецких оккупантов, что безусловно в скором времени осуществится.

Мамаша у меня неграмотная, но письмо написать можно, и если не возражаешь, то я попрошу написать по адресу: гор. Чердынь, ул. Сталина, № 38, Момотовой Екатерине Николаевне. Это моя сестра, а мать Момотова Елена Степановна. Что будешь писать, то и пиши – в общем, ты хозяйка.

В одном из писем ты писала, что летом поедешь в Чердынь. Если поедешь, то попрошу обязательно зайти на квартиру к моим. Узнаешь, как живут, и напишешь мне все откровенно.

Пока, будь здорова, моя хорошая. Пиши и мне по старому адресу. Твои письма мне привезет мой ординарец. Целую крепко. Георгий.

4 марта послал тебе письмо.

Письмо 41 ***11 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!

Снова спешу передать тебе свой наилучший фронтовой гвардейский привет из Венгрии. Одновременно сообщаю, что твое письмо от 9 февраля 1945 года я получил 9 марта. В своем письме ты пишешь, что получила мои письма от 30.12; от 4.1; от 6.1 и от 10.1–45 года, а дату на своем письме ставишь 9.1.45 года – в дробной части, обозначающей месяц, не доставила одной

палочки, и получился не февраль, а январь месяц, но я понял, что ты писала не 9 января, а 9 февраля потому, что получила мое письмо от 10 января, которое наверняка шло целый месяц. В этом же письме выслала фотоснимок, причем этот снимок не военного, а мирного времени, еще выпущенный в марте 1940 года. На снимке показан не солдат с винтовкой, а, видимо, какой-то хороший стрелок в осоавиахимовском тире[73] из мелкокалиберной винтовки, т. е. тозовка[74], как мы ее называли. Еще раз посмотри внимательнее, моя хорошая, на снимок, и ты убедишься, что я прав. Дальше ты просишь сообщить, такой я или нет, как этот человек на фотоснимке. Я врать никогда не намерен, разочаруешься ты или нет, я тебе напишу прямо о том, что я далеко не такой, как этот человек на снимке. Этот человек показан молодой и полный. А я старше его и хуже. По-моему, ты должна меня знать потому, что за время работы в Чердыни я неоднократно выступал с докладами о международном положении на конференциях учителей в вашей школе, а также в клубе, в детдомах и в других местах. Тебя лично по Чердыни я хорошо представляю себе. Поэтому я писал тебе о твоей дружбе с Т.И. Надымовой. Интересно, где сейчас Надымова?

В вашей же школе работала Парашина, Мичкова[75] и другие.

В письме от 7 февраля 45 г. я послал тебе фотокарточку. Правда, карточка маленькая, но, смотря на нее, можно сделать заключение о том, что я за человек. Если еще и эта фотокарточка не дойдет до тебя, то тогда вообще не знаю, что делать.

[73] *Осовиахимовский тир – это стрелковый комплекс, созданный в системе Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация в 1927–1948 гг.).*

[74] *Речь идет о «ТОЗ-8», советской однозарядной малокалиберной спортивной винтовке образца 1932 года под патрон 5,6 мм кольцевого воспламенения. Винтовка была разработана конструктором-оружейником Д.М. Кочетовым и серийно производилась на Тульском оружейном заводе. В СССР ТОЗ-8 на протяжении десятилетий широко использовалась для начального обучения стрельбе в тирах и системе ДОСААФ.*

[75] *Т.И. Надымова, А.Н. Парашина, К.В. Мичкова – в 1938 г. учителя Чердынской неполной школы № 2. См. Историческая справка к фонду № 27 «Чердынская средняя школа № 2 (1935–1988)», отдел по делам архивов администрации Чердынского муниципального округа. Архивы Прикамья [Электронный ресурс]. – URL: https://archives.permkrai.ru/archive44/funds/42553.*

В своем письме ты пишешь, чтобы я писал тебе больше, чтобы ты долго читала мои письма. Что же написать тебе, моя дорогая? Описать тебе хоть мизерную частицу виденного мной, пройденного и пережитого за тяжелейшие годы войны – нужно сидеть не один и не два дня, а больше. Однако кое-что можно написать, чтобы ты подумала о том, что значит продвигаться вперед.

Февраль 1944 года. По-весеннему развезло дороги, обнажились от снега поля Украины. Жирный чернозем расползался под ногами. Но доблестные воины неизменно шли вперед, догоняя, вступая в бой и уничтожая отступающих гитлеровских головорезов. Да, ожесточенные были бои. Враг яростно, как обреченный, сопротивлялся. Не хотелось гитлеровцам уходить с плодородной советской земли. Однако, несмотря ни на какие преграды, наша доблестная Красная Армия с треском вышвырнула немецких оккупантов из пределов советской территории.

Уже седьмой месяц я в числе героических воинов-гвардейцев шагаю по военным дорогам Европы. За эти семь месяцев предстало передо мной лицо, о котором я раньше читал в литературе и смотрел в кино. Мы пришли в этот мир не с путевкой туристов-экскурсантов, не в белых лайковых перчатках, а в серой походной шинели с единой целью, с одним желанием – поскорее дойти до логова зверя и добыть победу! Некогда нам сейчас разглядывать и рассматривать внешнюю, по видимости европейскую культуру. Но даже и в те недолгие минуты, что бывают в промежутках боев, мы кое-что, вернее основное, видим. Мы воочию убеждаемся, как за внешним блеском богатства отдельных фабрикантов, заводчиков и крупных фермеров-помещиков влачат жалкое существование абсолютное большинство рабочих в городах, бедняков и батраков, вернее что-то вроде рабов, в деревнях.

На улице одного прифронтового венгерского города мы встретили девочку-нищенку, которая, протягивая в сторону уходящих наших воинов худую ручонку, писклявым голосом говорила:

– Дай пенгу, дай пенгу! (Пенга – венгерские деньги.)

Через переводчика мы узнали, что нищенствуют из семьи еще две ее сестры и мать, а работает только один отец, заработка которого хватает для проживания только на 15 дней.

Встреча с девушкой-нищенкой не исключение. Таких фактов в городах и в деревнях множество.

Не так давно мы проходили по территории одного крупнейшего помещика. Были в его прекрасном дворце и парке. Залы дворца украшены художественной росписью, мебель – произведение искусных мастеров, огромные погреба всевозможных вин. И рядом низкие, темные, грязные и сырые казармы слуг и работников – батраков этого помещика. В этом поместье мы встретили девушку, одетую как королева на дому, племянница помещика, и спросили ее:

– Вы что тут делаете? Кем работаете?

Наши вопросы удивили, вернее, взволновали эту мерзкую помещичью девушку.

– Я? Работаю? А зачем? – И, продолжая, заявила: – У нас достаточно работников, которые работают на нас.

После слов, произнесенных помещицей, даже вода в рту могла стать сухой.

Вот такие контрасты не случайность в капиталистическом мире. Одни живут жирея и наживая богатство за счет труда множества бедняков и батраков.

Эх, если бы ты знала, моя дорогая, как противно смотреть на толстомордых хозяев, зная о том, что они живут за счет труда бесправных и измученных рабочих, бедняков и батраков. Как хочется после всего пережитого и виденного скорей вернуться домой – на свою родину, чтобы не видеть бесправных людей и их толстых и ожиревших хозяев.

Я полагаю, что мы скоро, скоро добьемся окончательной победы и вернемся к себе – на родину. В кругу друзей расскажем, как воевали и что видели. И тихий вечер опустится над полями, повеет прохладой от реки, и зазвучит песня – такая широкая, как наши степные просторы, такая звонкая, как вешние наши ручьи, такая вольная, как наша жизнь. Жизнь, завоеванная в борьбе, пронесенная сквозь горе и битвы, сквозь руины и пожарища – самая прекрасная в мире, ни с чем не сравнимая, жизнь на родной земле.

Вот, кажется, все, что я хотел написать тебе. Высылаю обратно фото, вырезанное из журнала. Внизу фото на обратной стороне я подчеркнул

в двух местах, где указано, что этот журнал напечатали еще до войны — в марте месяце 1940 г. Не подумай, что я обижаюсь за то, что ты выслала это фото. Наоборот, я попрошу сохранить его до нашей встречи, чтобы мы вместе потом посмотрели на него и сказали, что эта вырезка когда-то побывала в Венгрии и снова вернулась на родину.

Передавай от меня привет Тамаре Александровне, бабушке и брату.

Живу хорошо. Память о тебе, моя хорошая, значительно понижает боли, и я быстро поправляюсь. Завтра ко мне придет ординарец, это письмо отправлю с ним на полевую почту.

Будь здорова, дорогая. Пиши. Жду. Целую крепко-крепко. Георгий.

Письмо 42 ***18 марта 1945 г.***

Здравствуй, моя дорогая Томуська, здравствуй!

Твое письмо от 14 февраля с фотокарточкой получил 13.3 вечером.

Мою радость с получением твоего письма и фотокарточки описать невозможно. Фотокарточку я целовал бессчетное количество раз, представляя, что это не отпечаток, а лично ты, моя милая. Твое письмо сократило боли ушибленного правого бока и ликвидировало приступы проклятой малярии, которая снова цеплялась за мной.

Ты опять сомневаешься в моей преданности к тебе. Я уже писал тебе, что, возможно, не приеду к тебе, если не отпустят, зато ты по моему вызову и литеру, высланному тебе на бесплатный проезд, приедешь ко мне. Может быть и так, что мне дадут отпуск, я успею приехать, взять тебя и увезти с собой.

О красивых девушках больше не пиши. Я не двадцати пяти лет, а значительно больше, это значит, умею ценить людей. Я сам некрасивый, о чем писал тебе, не скрывая, это значит – скорей всего, разочаруешься ты, моя дорогая, и я потеряю тебя навсегда.

Живу неплохо. Но чувствую себя исключительно плохо потому, что я лежу в госпитале. А моя родная гвардейская семья уже пятые сутки ведет ожесточенные бои, отбивая ожесточенные контратаки озверевших фашистских головорезов. Разве можно в такое время быть в госпитале? Конечно, нет. А я вот лежу. Эх и обидно. Но ничего. Я еще после излечения возьму свое – буду бить фашистов беспощаднее, чтобы наверстать упущенное.

Сначала я был близко от своей части, а сейчас далеко увезли. Все твои письма будут лежать у ординарца до моего возвращения. Смотри не вздумай молчать. Пиши. Письма все равно будут у меня.

В одном из писем я сообщал тебе адрес мамаши и сестры, если будешь им писать, то повторяю адрес: гор. Чердынь, ул. Сталина, № 38, Момотовой Екатерине Николаевне (сестра). Еще раз попрошу, если поедешь в Чердынь в летние каникулы, то обязательно зайди на квартиру к моим родным. Потом напишешь, как они живут.

Погода стоит теплая. Днем ходили в одних гимнастерках. Снега нет. Мадьяры сеют.

Вот, кажется, и все, что хотел написать. Будь здорова. Целую крепко-крепко.

Георгий

P. S. …Смотри третью страницу.

<u>На память Т.П. Габовой</u>

Мои чувства к тебе не угаснут,
И любовь не остынет моя,
Как фиалки весенние пахнут,
Так же нежно люблю я тебя.
Пройдет фронт, прогрохочут «катюши»,
Мы на западе кончим бои,
Закалятся в сражениях души,
Чувства прежними будут мои.
Я вернусь к тебе скоро, родная.
Ты подумаешь, – это как сон,

Но поверь мне, моя дорогая, –
Это строгий гвардейский закон.
За гвардейские наши заслуги
Украшать будут грудь ордена!
Вместе праздновать будем победу,
Заликует родная страна.

Георгий

18.3.1945 года, Венгрия.

Тамара! Возможно, ты обижаешься за стихи? Если так, то напиши, дорогая, и я больше писать их не буду, а то мне понравилось это стихотворение в газете, потому что оно полностью отображает мои чувства к тебе, моя хорошая. Полагаю, обижаться не будешь?

Георгий

Пиши, жду.

Пиши по старому адресу.

Письмо 43 ***21 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!

Только 18 марта отправил тебе письмо. Сегодня снова спешу передать тебе фронтовой гвардейский привет, нежно обнять тебя и поцеловать. В строчках этого письма хочу хоть немного описать тебе о том, в какой обстановке произошло со мной несчастье.

Вечерело… Серым дымком, по-мартовски пасмурно, заволакивало фронтовую землю… Латунным блеском белела вода, налившаяся в гусеничные борозды на полях. Накрест, в разъезд. Вдоль и поперек гуляли здесь наши и немецкие танки несколько дней назад. Вчера догорели последние кусты, и уже ничто не дымится, но запах гари все еще не рассеялся. В немецких траншеях угрюмый вечер – мрачно сегодня у немцев потому, что накануне мы

им устроили хорошую баню – парили их из всех видов вооружения и немало немцев отправили на тот свет. Опившиеся различного зелья гитлеровцы бродили, как очумелые, по залитым водой окопам. Чувствуя такую внешне спокойную обстановку, я без особой осторожности ехал на передовую…

Пока я был в траншеях первой линии обороны, надвинулась фронтовая ночь – с огнями разрывов, с тревогой телефонных звонков, с вспышками ракет, освещающими своим ярким светом довольно большую территорию, на которой видны минные поля и проволочные заграждения, которыми немцы «отгородились» от нас. «Какой контраст между нашей и немецкой линиями обороны, и особенно людьми, сидящими внизу», – думал я про себя.

В немецких траншеях коченеет живой труп Германии: тотальный солдат с его давно опустелой, точно вымершей душой и тоскливым взглядом болотно-зеленых немецких зрачков.

Здесь, у нас – разнообразной, полной смысла и внутренней красоты, полной связи с Родиной жил весь личный состав.

Побыв с товарищами и сделав все, что было нужно делать, я, несмотря на исключительную ночную темноту, поехал обратно. Товарищи, смотря на темную ночь, долго не отпускали меня, даже моего вороного спрятали в глубокую яму так, что я еле-еле нашел только потому, что всегда отзывается на мой голос громким своим голосом. Васька, как бы предчувствуя несчастье, долго упирался, не выходя из ямы. Но мне нужно было ехать, и я поехал…

Отъехав от переднего края метров 800, мы с вороным попали под сильный артиллерийско-минометный огонь противника. Васька, видимо, больше от страха, чем в стремлении сохранить себя и меня, прямо с галопа вскочил в глубокий противотанковый ров. Во время прыжка вороного я каким-то чудом успел выбросить из стремян ноги и летел вперед него, благодаря чему получил только трещины ребер, а если бы был в седле, то вороной измял бы меня до основания и, возможно, меня бы уже не было в списках живых.

Описанное выше, возможно, для тебя покажется странным, и ты подумаешь, что писать этого не нужно было. Если это так, то прости меня, моя хорошая.

Сейчас положение исправляется быстро. Правда, еще не могу глубоко дышать, смеяться и кашлять, но уже ничего. Скоро, скоро уйду из-под надзору

врачей, сестер и санитарок. Уже надоело. Каждый день стукают, слушают, спрашивают и наоборот, а мы – фронтовики – не привыкли к этому. Мы привыкли к тому, чтобы бить и стукать, стукать и бить немцев, не спрашивая их, проклятых, как они себя чувствуют.

Сегодня утром внимательно смотрел на твою фотокарточку. Ты крепко изменилась, моя родненькая, после Чердыни. Значительно возмужала и малость постарела. Не подумай, что я пренебрегаю тем, что ты постарела немного. Наоборот, это дает основание делать вывод, что ты много и крепко работала по воспитанию своих учащихся, а также принимала немалое участие в партийно-политической работе, помогая с[ельскому] совету и колхозам выполнять все задания партии и правительства. Молодец, моя хорошая.

Постараюсь сфотографироваться на карточку такого размера, чтобы ты могла подробнее рассмотреть черты моего значительно постаревшего лица и сделала вывод, можем мы быть друзьями в жизни или нет. В том и другом случае, или да или нет, ты должна будешь написать совершенно откровенно, ничего не стесняясь. В отношении себя я уже писал, что другого, кроме тебя, друга жизни искать не намерен.

В одном из своих писем я просил тебя сообщить, с какого ты года рождения. Прошу не обижаться за такую просьбу и ответить с точностью. Еще раз напоминаю, чтобы ты по этому вопросу не мучила себя разными догадками и предположениями, ибо ничего тут особенного нет.

Если будешь писать в Чердынь моей сестре, то напиши ей такую легенду, что к вам недавно приезжал в отпуск после ранения один военный, который проходит службу вместе со мной, и якобы этот военный рассказывал тебе о том, что я обижаюсь на сестру за то, что она очень редко пишет мне. Ну а дальше, что хочешь, то и пиши. Дело твое.

Погода у нас теплая. Снег растаял весь. Днем ходят в одних кителях и гимнастерках.

Вот, кажется, и все, что хотел написать в этом письме.

Будь здорова и счастлива. Работай лучше.

Целую крепко-крепко. Георгий.

Пиши мне по старому адресу.

Письмо 44 ***22 марта 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

20 марта отправил тебе письмо. Сегодня снова пишу эти строчки. Возможно, в мой адрес от тебя в части, у моего ординарца есть письма и он бережно хранит их до моего приезда. Привезти он их не может мне потому, что меня увезли далеко, и он не знает даже, где я нахожусь.

Давно я не читал твоих свежих писем, а как скучно, когда от тебя нет долго письма. <…>

Живу хорошо. Погода стоит теплая. На улице сухо. Днем уже хорошо греет солнце.

Пиши, дорогая. Жду. Будь здорова и счастлива. Целую, крепко-крепко.

Георгий

Адрес старый.

Письмо 45 ***24 марта 1945 г.***

Венгрия

Тамара!

Еще не прошло двух дней после того, как я отправил тебе письмо 22 марта. То письмо необычное. Не исключена возможность, что ты крепко обидишься на меня за то письмо, т. е. за письмо от марта. Но думаю, что обижаться не за что потому, что у меня даже мысли не было сравнивать тебя с описанными двумя девушками. Я описывал те факты с той целью, чтобы еще больше укрепить твою кристальную чистоту и признательность по отношению ко мне.

Мне кажется, что ты заочно по моему адресу шлешь уйму проклятий за то, что в марте месяце без твоей санкции врываюсь в распорядок твоего рабочего времени уже восьмой раз – пишу тебе вот это восьмое письмо, отрывая

у тебя такое дорогое для тебя время, чтобы читать мои письма. Если много пишу, то ты предупреди меня, – мол, «сократите письменные налеты, гражданин Момотов». Я могу сбавить количество исходящей корреспонденции. Хотя, пожалуй, не стоит и предупреждать меня. В апреле и мае буду писать значительно меньше потому, что дня через четыре еду в свою часть. Работы будет много. Время для писем почти не будет.

Эх, если бы ты знала, дорогая, как надоело быть во власти докторов, сестер и санитарок. Как скучно проводить время на госпитальной койке, не видя никого из своей гвардейской семьи. Хорошо, что вместе со мной лечились очень хорошие ребята из других частей, с которыми время проводили замечательно. Играли в карты, в шашки и шахматы.

23 и 24 марта прочитал роман А. Ильиных, – «Город меди»[76], издательство «Советский писатель», 1941 г., Москва, 200 стр. Роман довольно интересный. Рекомендую найти и прочитать. Кстати, когда будешь читать про работу Гладкова, точно на такой же работе, как Гладков, работаю и я, только у меня значительно своеобразнее работа, чем на строительстве, где работал Гладков. Мне нужно работать и воевать, воевать и работать, а у Гладкова этого не было. Полагаю, что ты найдешь и прочитаешь этот роман.

В одном из своих писем называешь меня – «мой мальчик». Я уже писал тебе о том, что я значительно старше тебя по возрасту и ясно, что мальчиком не могу быть. Не подумай, что я обижаюсь за то, что называешь меня мальчиком. Я боюсь того, что, называя меня мальчиком, ты будешь иметь совершенно неправдоподобное представление обо мне, видя меня молодым и красивым, чего обычно желают девушки. Я не хочу, чтобы обо мне было ложное представление, и особенно у тебя, моя дорогая. Есть такое изречение: «Ложь не красит, а от правды уши не вянут». Вот я и пишу тебе правду, уважаю тебя за правду. Жду от тебя правдивых и искренних писем. Кажется, все, что хотел написать. Передай от меня привет твоим коллегам по работе. Целую крепко. Георгий.

[76] *«Город меди» – роман о строительстве Балхашского медеплавильного завода (в городе Балхаш Казахской ССР) писателя Антония Степановича Ильиных.*

Письмо 46 ***17 апреля 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй!

Спешу передать тебе свой наилучший фронтовой гвардейский привет из Австрии.

Как мне хочется, чтобы это письмо попало тебе в руки дня через два или три, чтобы ты меньше меня ругала за то, что я тебе так долго, так долго не писал тебе писем, несмотря на то что от тебя получил писем 6 или 7. Прости меня, дорогая, за мое длительное молчание. Писать было совершенно некогда потому, что был занят работой по разгрому немецко-фашистских захватчиков на территории Австрии[77].

По возвращении из госпиталя мне предложили повышение по должности по той же работе и службе, но я пока что прошу оставить меня на старом месте. Не знаю, что будет дальше.

В твоих письмах опять скользит некоторая неуверенность в моей искренности по отношению к тебе. Сколько же времени ты, моя хорошая, будешь питать ко мне недоверие?

Мне кажется, я писал тебе о том, что на всем пути моих действий в тяжелые годы войны, в бессонные ночи, в дни исключительной жажды, когда у нас не было ни одной капли воды и мы сосали сок из грязных помидор, чтобы утолить жажду; в дни исключительно жарких и ожесточенных боев с врагом, ты была везде и всюду со мной рядом. Ты была вместе со мной, когда мы победным маршем, ломая ожесточенное сопротивление противника, двигались по Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, и продолжаешь двигаться по лесам и горам Австрии. Разве после всего этого я могу забыть о том, что у меня есть подруга жизни, прошедшая со мной через все невзгоды и препятствия в напряженные годы Великой Отечественной войны?

В своих письмах ты неоднократно писала мне, что ты не получила мою фотокарточку, и просила выслать тебе вторично. Выполняя твою просьбу, я уже выслал тебе одну маленькую фотокарточку, на которую

[77] *Австрия освобождена в ходе Венской наступательной операции (16 марта – 15 апреля 1945 г.).*

фотографировался 26 марта 1945 года в Венгрии. В одном из писем я писал тебе о том, что я вышлю тебе более полную фотокарточку, чтобы ты посмотрела как следует и решила, стоит тебе держать со мной связь или нет. Данная фотокарточка отображает действительность моего внешнего вида, который мне кажется более чем неприятный. Смотри же, моя хорошая, и делай выводы сама лично. Со своей стороны, считаю, что я перед тобой был и остаюсь совершенно откровенным и никогда ничего от тебя, моя дорогая, не скрывал, а писал сущую правду, и особенно в отношении моего возраста. А также и внешнего вида. Я совершенно не намерен врать, и особенно перед тобой, моя золотая. Жду от тебя ответа по существу вопроса, т. е. о том, как ты будешь смотреть на нашу с тобой неразрывную связь, на связь, преследующую нашу встречу и продолжение нашей совместной дальнейшей жизни.

Вот, кажется, и все, что я хотел сообщить тебе в этом письме. Желаю тебе успехов и только успехов в работе, моя дорогая.

Целую тебя крепко. Крепко. Георгий.

Ответ пиши по старому адресу.

Письмо 47 ***29 апреля 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!..

Спешу передать тебе свой наилучший фронтовой гвардейский привет из далекой Австрии. Одновременно прошу извинить за то, что так долго не писал тебе ничего.

Время, в течение которого я молчал, не прошло даром. За этот период мы вели ожесточенные бои с фашистами, завершая очищение Венгрии[78]. Пришлось многое пережить. Немцы цеплялись за все складки местности, за все кустики и домики, чтобы задержать наше продвижение вперед. Да, за этот период мы преодолели хотя и небольшой, но исключительно трудный и тяжелый путь. Шли мы не по асфальтированным дорогам, а по лесам, горам и оврагам этой чертовской Австрии.

В течение всего периода продвижения вперед я очень часто читал твои письма и перечитывал их каждое по несколько раз. Читая твои письма, я все время чувствовал, что ты везде и всюду находишься рядом со мной. Были такие моменты, когда я чуть-чуть не кричал: «Тамара, смотри, смотри, как удирает проклятая немчура». Были и такие случаи, когда я протягивал руки, чтобы быстро схватить тебя за руку и втащить в траншею или в случайное укрытие, – это было в период бомбежек и сильных артиллерийских обстрелов. Не знаю, чувствовала ты все это или нет, а я считаю, что мы с тобой двигались победным путем на Запад вместе, да ты и сейчас со мной. Я только что смотрел на твою фотокарточку и несколько раз поцеловал ее, т. е. тебя, моя хорошая.

Лично о себе писать нечего. Живу хорошо. Состояние здоровья вполне удовлетворительное. Самочувствие прекрасное. Настроение отличное. Нахожусь на таком же расстоянии от города Грац, как от Чердыни до Ныроба[79].

[78] *Будапештская операция (29 октября 1944 г. – 13 февраля 1945 г.) стала решающим этапом освобождения Венгрии. 13 февраля 1945 г. Красная армия освободила от германских войск Будапешт. 4 апреля 1945 г. Венгрия была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков.*

[79] *Расстояние от Чердыни до поселка Ныроб по дорогам 46,8 км.*

Погода стоит прямо дурная. Дьявольский климат в Австрии. Несмотря на то, что уже давно все кругом зелено, закончена посевная, австрийцы давно ходят босиком – это днем, а ночами холодно, да какой-то холод с сыростью.

В своих письмах просила выслать тебе фотокарточку. Я послал тебе уже три фотокарточки: первую верхом на лошади, вторую маленькую, третью кабинетную в профиль, и сейчас высылаю тоже кабинетную. Посмотрев на карточки, можешь вслух сказать – это я предполагаю: «Пошел ты к черту». Однако, что бы ты ни сказала, желаю тебе спокойной ночи и целую тебя, моя хорошая. Спокойной ночи, если письмо будешь читать вечером, а если утром, то желаю тебе успехов в работе. Вот и все. Пиши, дорогая. Жду.

Георгий

Письмо 48 ***19 мая 1945 г.***

Здравствуй, моя хорошая, здравствуй!

Спешу передать тебе мой первый послевоенный гвардейский привет, привет победителя, и поздравить тебя, хотя и поздно, с Великим праздником победы над фашистской Германией. Окончание войны меня захватило, как и других наших гвардейцев, в довольно напряженном бою на ближних подступах к городу Грац[80] (Австрия). После того, как было объявлено об окончании войны, в город Грац мы вступили как победители, без боя. Сейчас нахожусь от города Грац на два километра дальше, чем от Чердыни до Губдора[81]. Место, где я нахожусь, довольно красивое. Прямо под окном моей квартиры протекает маленькая, но быстрая, быстрая и исключительно шумная горная речка. Из окна четвертого этажа моей квартиры видны Альпы, покрытые снегом и смешанными лесами.

[80] *Грац был освобожден советскими войсками в ходе Грацко-Амштеттенской операции 8 мая 1945 г.*

[81] *Расстояние по дорогам от Чердыни до поселка Губдор 26,2 км.*

Да, война кончилась. Уже 10 дней не слышно канонады и смерть как будто бы не ходит рядом. Однако, несмотря на победоносное завершение войны, многих из нас опасность все еще преследует потому, что мы не на родной земле, а далеко-далеко за ее пределами. Наши враги еще кое-где в одиночку и маленькими группами действуют как террористы.

Вчера первый раз за все время войны мылся в ванне, и представь, что сам себе не верил, что моюсь в мирное время.

Справедливо будешь обижаться, что за десять дней мирного времени я пишу тебе первые строчки. Поверь, дорогая, что для меня сейчас опасности в тысячи раз меньше, а работы во многие десятки раз больше. Буквально все двадцать четыре часа в сутках для меня и моих коллег загружены до предела. Нередко время, когда мы по 48 и больше часов совсем не спим. Вот эти строчки пишу в 5 часов ночи. Спать хочется неимоверно, но решил ответить на твое письмо без даты, которое я получил еще во время Великой Отечественной войны – 7 мая 1945 года. В этом письме ты сообщаешь, что получила 5 моих писем, чему я очень рад. Рад и тому, что ты получила мою, хотя маленькую, фотокарточку. В скором времени получишь еще две фотокарточки – кабинетные. Опять и опять в твоем письме скользит неуверенность в моей искренности по отношению к тебе. Уверять тебя в своей правоте на бумаге больше не буду, так как ты все равно не веришь мне. Постараюсь доказать свою правоту приездом к тебе, вернее за тобой, чтобы увезти тебя, если ты не откажешься от меня, или в случае, если меня не отпустят, то послать тебе вызов-пропуск и денег на дорогу для приезда ко мне. Правда, я сомневаюсь в том, что ты поедешь ко мне. Если не поедешь, то в ответном письме пиши прямо, чтобы я знал, что мне нужно писать рапорт, просить разрешения самому приехать за тобой и увезти тебя.

Живу хорошо. Здоровье удовлетворительное. Самочувствие хорошее. Настроение отличное, было бы еще лучше, если бы ты была со мной. Но ничего. Дни, когда ты будешь со мной, скоро наступят.

Еще раз прошу, напиши обязательно, поедешь ли ко мне одна по вызову или я должен приехать за тобой? Заранее должен сказать, что мне получить отпуск очень тяжело, потому что сейчас работы значительно больше, чем

в военное время. Однако, если откажешься ехать по вызову, но не откажешься принять меня в свое распоряжение, то буду стараться получить отпуск и приехать за тобой, моя хорошая.

Интересная тема разговора с секр[етарем] об[ластного] ком[итет]а ВЛКСМ Пономаревым[82] была у вас. Чувствуется, что его крепко беспокоили боевые дела комсомольской работы в глубоком тылу. Я восхищен тобой за то, что ты так отвечала ему. Безусловно восхищен в том случае, если это действительность, а не наоборот.

Вот, кажется, и все, что я хотел написать тебе, моя дорогая. Желаю тебе успехов в работе и счастья в жизни. Будь здорова. Целую крепко-крепко. Георгий.

Мой адрес: полевая почта 9326, мне.

Письмо 49 ***21 мая 1945 г.***

Здравствуй, Томка, здравствуй, дорогая!

Спешу передать тебе второй гвардейский привет в мирное время. Да, настали долгожданные дни – война кончилась. Все, кто побывал на фронтах, сейчас вздохнули полной грудью. Все, кто побывал на фронтах, вспоминают пройденный путь. Я лично вчера встретил товарища, с которым мы неоднократно перед вступлением в бой говорили друг другу вместо «до свидания» «прощай» потому, что на встречу после таких боев нельзя было рассчитывать.

Как далеки сейчас кажутся те грозовые и страшные дни. Кое-когда рядом вклинивается моментное забытье, и вот в такой момент ощущается какая-то скука по тем огненным дням, становится обидно за то, что в годы войны мало уничтожил фашистских гадов. Ненависть и презрение требуют боя, и такого

[82] *Пономарев Михаил Александрович (1918–2001) – первый секретарь Молотовского обкома ВЛКСМ в 1944–1946 гг.*

боя, от которого бы не остался в живых ни один фашистский гад. Но война кончена. Наш Великий народ – народ-победитель отпраздновал победу. Наши доблестные воины отдыхают у себя на родине и далеко за рубежами родной страны. Для меня и для моих коллег отдыха нет. У нас сейчас больше работы. О том, на какой я работе, я писал тебе в одном письме из госпиталя. Если ты получишь то письмо и найдешь ту книгу, о которой я писал в письме, то ты узнаешь мою работу.

19 мая вечером получил от тебя два письма: от 10 и от 16 апреля, как видишь, письма шли больше месяца. <…>

Неслучайно я несколько раз писал тебе и просил тебя точно сообщить твой год рождения. Ты честно выполнила мою просьбу. Возраст твой мне известен, и он не может быть причиной нашего разъединения. Другое дело в отношении внешнего вида. Если в тебе не произошло больших изменений после того, какой я тебя знал в Чердыни, то тебе стыдно будет быть рядом со мной. А не только быть моей, если иметь меня в своем распоряжении. С моей же стороны препятствий на будущее с тобой нет. Если ты лично не отвергнешь меня и не будешь считать ниже своего достоинства быть со мной, то мне кажется, что нас буквально ничто не разлучит с тобой. Вот так, моя хорошая. Пиши, жду. Целую крепко. Георгий.

Письмо 50 ***29 мая 1945 г.***

Австрия

Добрый день, утро или вечер, Тамара!

Еще и еще раз спешу передать тебе, моя дорогая, мой наилучший гвардейский привет – привет мирного времени. Одновременно сообщаю, что получил три твоих письма, от 19 и 22 апреля и от 1 мая 1945 года. За письма, а это значит, и за внимание ко мне, чувствительно благодарен, моя хорошая.

В этих письмах у тебя скользит жалость на недостатки в работе. Мне помнится, что я писал тебе о том, что тебе будет работать очень тяжело по сравнению с работой в школе. Но ничего, раз доверили, то смотри не падай лицом в грязь, а работай так, как требуется. Что не понимаешь, обращайся за помощью к старшим товарищам, а если не будут помогать, то ставь вопрос на Бюро РК ВКП(б).

Я очень рад, что ты живешь, как пишешь, хорошо.

Зря ты пишешь о том, что у тебя нет времени для развлечения. Я и так знаю, что на этой работе свободного времени нет, конечно, если будешь думать и беспокоиться о работе.

Лично о себе писать буквально нечего. Ты уже знаешь, что мы победители, а победители плохо не живут. Значит, я живу хорошо. Дрянно одно, что погода в нашем расположении, как назло, чертовская, почти каждую ночь и день идут дожди. Ночами погода безобразно холодная. Днями, наоборот, жара крепкая.

Да, прости, дорогая, за невнимательность – за то, что я в начале письма забыл поздравить тебя с получением грамоты Окружкома ВКП(б)[83] и Окружного Совета депутатов трудящихся. Но лучше поздно, чем никогда – поздравляю тебя с успехами и желаю, чтобы в твоей дальнейшей практической работе были только и только успехи и достижения.

Вот как будто бы и все, что хотел написать тебе в этом письме.

Будь здорова, моя хорошая. Жму крепко твою правую руку и заочно целую тебя. Георгий.

[83] *Грамота к 20-летию Коми-Пермяцкого национального округа. Кудымкар, 2 апреля 1945 г.*

Письмо 51 ***28 июня 1945 г.***

Здравствуй, Томка, здравствуй, дорогая!

Спешу передать тебе свой наилучший привет из далекой Венгрии. В одном из предыдущих писем я писал тебе, что не буду писать долго. Однако представился удобный момент возможности отослать тебе письмо, решил черкнуть и сообщить, что я живу по-прежнему хорошо. Чувствую себя отлично. Есть предпосылки, что поеду на курорт, чтобы отдохнуть после войны.

Писем от тебя нет давно потому, что я сейчас оторвался от своей полевой почты и не имею возможности получать оттуда письма.

Фотокарточку, высланную тобой, не получил, а письма, высланные после фотокарточки, получал. В чем дело? Где фотокарточка? Не знаю.

Пиши, дорогая, жду. Без твоих писем скучаю.

С гвардейским приветом, *Г. Момотов.*

28 июня 1945 г.

Письмо 52 ***17 июня 1945 г.***

Австрия

Здравствуй, Томка, здравствуй, дорогая!

Спешу передать тебе свой наилучший привет и пожелать самых наилучших успехов в жизни и работе.

Твою маленькую записку с поздравлением о победе и два письма от 9 и от 12 мая я получил. За письма чувствительно благодарен тебе, моя хорошая. Вот уже в трех письмах ты пишешь, что 20 апреля выслала мне фотокарточку, я не получил, тогда как письма, высланные после, уже получил. Сейчас, наверное, и не получу...

Писать много нет времени. Очень рад, что ты получила мою фотокарточку. Скоро получишь и вторую.

Еще раз прошу прощения за то, что пишу сухо и мало.

В этом письме хочу тебя поставить в известность о том, что сейчас, т. е. после этого письма, я не буду писать тебе ни одной строчки примерно дней пятьдесят, возможно меньше или дольше. Мое молчание будет связано с тем, что я вместе с товарищами буду больше чем крепко занят, писать будет не только некогда, но и невозможно. Прошу не беспокоиться и не убивать себя разными мыслями и предположениями, а писать мне, хотя немного, но чаще по старому адресу, чтобы я после выполнения порученной нам работы и при возвращении в свою гвардейскую семью смог после большой работы отдохнуть, читая твои письма.

Еще и еще раз прошу не беспокоиться за меня, моя хорошая. Жди меня. Твое уважение ко мне и моя уверенность в тебе окажут мне большую помощь в выполнении серьезнейшей и ответственнейшей работы на благо нашей Великой Советской Социалистической Родины.

Крепко-крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и заочно целую, твой Георгий.

Письмо 53 ***6 июля 1945 г.***

Что-то долго-долго нет твоих писем? В чем дело? Почему молчишь?

Вот сейчас сижу на бережочке одной югославской реки[84], впадающей в Дунай около Белграда, и мечтаю о своей любимой Советской Социалистической Родине и о тебе, моя хорошая, а ты, видимо, постепенно-изнурительно забываешь свои письменные обещания и не хочешь больше писать мне. Если это так, то напиши откровенно.

Лично о себе писать нечего, да и время совершенно нет.

В своих письмах ты крепко ошибаешься, когда пишешь, что я не понимаю тебя. Я понимаю тебя, и мне очень жаль, что тебе пришлось работать на

[84] *Река Сава.*

работе плохо знакомой для тебя. Однако раз тебе оказали такое высокое доверие, то выкладывай все силы, поработай так, чтобы в твоей работе не было недостатков, особенно больших.

Вот и все, что я мог написать в имеющееся у меня полусвободное время.

Передай от меня гвардейский привет твоей коллеге по квартире.

Пиши, поедешь ли ко мне по вызову. Деньги на проезд и пропуск будут обеспечены.

Пиши, хотя немного, но чаще.

Целую крепко-крепко.

Георгий

Письмо 54 ***21 июля 1945 г.***

Добрый день, утро или вечер, моя хорошая. Что-то долго от тебя нет никакой весточки. В чем дело? Где ты и что с тобой?! Передо мной три твоих письма — от 15 и от 19 июня, которые я получил еще 9 июля, и от 24 июня, секретка, писанная из Молотова, которую я получил 15 июля, как будто бы недавно, а мне кажется, что прошел целый месяц с тех пор, как от тебя нет ни одной строчки.

Верю тебе, моя дорогая, что у тебя сейчас исключительно много работы и письма писать некогда, поэтому не обижаюсь на тебя и обижаться не намерен.

Если б ты знала, как мне хочется быстрее прекратить с тобой письменные разговоры, а встретиться и поговорить лично. Эх, если бы ты была ближе ко мне хотя на 50% пути, я наверняка бы приехал за тобой в августе, а сейчас, поскольку ты так далеко, сказать, когда я приеду, очень трудно, но постараюсь ускорить свой приезд.

Ты не можешь себе представить того, как всем фронтовикам, а это значит и мне, хочется хотя несколько дней побывать на своей родной земле, и особенно на Урале, подышать легким и приятным уральским воздухом,

повидать товарищей по работе, слегка выпить с ними, чтобы встретить праздник победы. Многие и очень многие поедут домой рядовые и офицеры, а я демобилизации не подлежу никак.

Прости, что написал мало и плохо. Писал на камне одной румынской горы.

Будь здорова, моя хорошая, и жди меня. Целую крепко-крепко. Георгий.

Скоро письма будут доходить быстрее.

21 июля 1945 года.

Письмо 55 ***1 августа 1945 г.***

Томка, родненькая, здравствуй!

С неописуемой быстротой спешу послать тебе мой самый наилучший гвардейский привет и множество наилучших пожеланий в будущих днях твоей работы и жизни.

Лично о себе совершенно нечего писать, моя дорогая, особенно сейчас, когда мы живем в мирной обстановке. На долю офицеров и рядового состава нашей гвардейской семьи выпало счастье отдохнуть 5 дней, но мне отдыхать некогда. У меня совершенно другая работа, и мне отдыхать не приходится. Мой рабочий день загружен до предела.

Погода здесь стоит чертовски жаркая. Бывают дни, когда t° доходит до +53°. Все сохнет. Даже некоторые речки пересохли. Несколько дней тому назад я разговаривал с одной учительницей, которая понимает русский язык, она говорит, что такого года даже старики не помнят. Мы частенько, чтобы сократить пот, купаемся в речке, где глубины всего полметра. Место, где мы расположены, хорошее. Я нахожусь от гор. Тыргужиу[85] на таком же расстоянии, как Чердынь от Серегово-х-на-З[86] = …

[85] *Тыргу-Жиу – город на юго-западе Румынии.*

[86] *Расстояние от Чердыни до села Серегово по дорогам 4,6 км. Автор расстояние умножает на 3, в итоге получается 13,8 км.*

Как хочется на Родину, на свой доблестный Урал, к тебе, моя родненькая. Но когда это будет, трудно сказать, а будет обязательно. Чтобы встреча была веселей, попрошу тебя заготовить и сохранить литра 3 в кубе «Московской». Все издержки беру на себя лично. Не подумай, моя хорошая, что я горький пьяница. Нет. Я пью очень мало. Но для встречи нужно иметь.

Многие офицеры, у кого другая работа, уже поехали в отпуск в разные места. Какие они счастливые. Не правда ли?

Уже начинаем кушать фрукты: вишня, черешня, сливы, яблоки, груши, виноград и другие. Жаль, что тебя нет рядом со мной. Угостил бы виноградом. Мне только что принесли 1,5 клгр.

Не думай, что здесь роскошь. Здесь бескультурья, нечистоты, дикости и особенно бытового свинства среди местных жителей столько, что волосы на голове дыбом становятся. Наши свиньи в хороших колхозах и совхозах живут много чище и лучше, чем здешние европейские девушки и женщины в бытовом поведении. С приездом домой я расскажу тебе некоторые «подвиги» в быту этих западноевропейских девушек.

В одном из своих писем пишешь, что тебе начинает нравится твоя новая работа. Это очень хорошо, что ты полюбила работу, это уже 50% успеха в работе, а остальные 50%, я полагаю, тоже будут выполнены. Я очень рад, что ты полюбила свою работу, и желаю тебе успехов и только успехов в работе.

В одном из писем ты писала, что у вас стала хорошая погода. Да, погода должна быть прекрасная. Боюсь, как бы в такую прекрасную погоду, особенно под влиянием внешней обстановки и окружающей среды, не произошло каких-либо превратностей в чувствах, мыслях и практических действиях некоторых гражданских лиц…

Вот все, что хотел написать тебе в этот день. Прошу не обижаться, что написал плохо. Спешил.

Пиши, родная, хотя немного, но чаще. Жду.

Будь здорова. Крепко целую.

Георгий

Полевая почта 31722.

Письмо 56 ***20 августа 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, родная!

18 августа, поздно вечером, я получил твою секретку, писанную из Молотова. Открытку читал несколько раз и беспредельно рад тому, что ты ждешь меня, моя хорошая, и ждешь со всей серьезностью. Буквально невыразимо рад тому, что ты, если я не смогу приехать, готова приехать ко мне сама лично. Ты не можешь себе представить, сколько бы ты доставила мне счастья своим приездом. Но, поверь, дорогая, хотя ты и пишешь, чтобы я не напоминал тебе о своем весьма неприглядном внешнем виде и о старости, по сравнению с тобой я прямо боюсь встречи с тобой, чтобы не оскорбить тебя в хорошем обществе, чтобы не очернить и не умалить твое достоинство и авторитет своим присутствием.

В своих первых и последующих письмах я писал тебе довольно открыто, что и до войны мой внешний вид был, можно сказать, отвратительный, а суровые и тяжелые годы войны наложили на меня весьма серьезный отпечаток. Несколько дней тому назад я посмотрел в зеркало и, увидав себя, чуть не крикнул: «Эх, Георгий! Раньше ты командовал стадом коров (мне кажется, я писал тебе, что я был пастухом, собирал кусочки и был сторожем), а сейчас и туда не годишься потому, что при виде тебя коровы будут в страхе разбегаться в стороны».

Прочитав эти строчки, ты подумаешь, что я преувеличиваю с той целью, чтобы напугать тебя. Нет, дорогая. Я люблю правду, ибо «Лучше горькая правда, чем вкусная ложь». Я пишу тебе так потому, чтобы ты при встрече, которая должна быть и будет обязательно, не ударила бы мне по щеке и не упрекала бы меня в несправедливости.

Безусловно, я не был и не являюсь разбитым корытом, которое нужно выбрасывать на свалку. В прошедших боях и походах, а у нас нередко были переходы от 50 до 73 километров в сутки, да еще по грязи, я некоторым молодым, грубо выражаясь, вытирал нос. Я почти не переживал никакой боли ног и не чувствовал большой усталости, как многие из молодежи, не говоря о товарищах моего возраста.

В одном из своих писем ты писала мне: «Я жду тебя. За меня не беспокойся. За меня тебе не будет стыдно…» Мне, кажется, что я понял тебя, и готов от радости за твою откровенность так вежливо обнять и расцеловать тебя, а потом отблагодарить тебя так, чтобы и тебе за меня не было стыдно.

В отношении моего приезда к тебе или наоборот я напишу тебе прямо точное определение дней через 8–10. За этот срок я должен выполнить кое-какую работу, а потом будет решаться вопрос о моем отпуске месяца на 1,5–2 или о посылке меня на курорт. Как в том, так и в другом случае я смогу побывать у тебя, моя хорошая, взять тебя и увезти с собой.

Лично о себе писать нечего. Живу хорошо.

Да, ты пишешь, что приехала сестричка из Кашина[87], и в нескольких словах, очень кратко характеризуешь ее, какая она была и какая стала сейчас. Однако, ты прости меня, дорогая, видимо, ты куда-то спешила или хотела отдохнуть и написала эти строчки так, что смысла их я не понял.

Вот, кажется, и все, моя дорогая, что я смог написать тебе.

Письмо заканчиваю 27 августа, а начал писать 20-го. Только написал первых две страницы, как ко мне позвонили и сообщили, что я срочно должен выехать в одно из мест… Пришлось прервать письмо и выезжать, а сегодня, вернувшись, дописал.

От тебя редко начал получать письма, а без них неимоверно скучно. Пиши, хотя немного, но чаще.

Будь здорова, моя дорогая.

Целую крепко-крепко. Георгий.

27 августа 1945 года.

[87] *Кашино – деревня в Сысертском районе Свердловской области.*

Письмо 57 ***20 сентября 1945 г.***

Здравствуй, Томка, здравствуй, дорогая!

Только 17-го отправил тебе письмо. Сегодня, т. е. 20.9, пишу снова, чтобы ты не обижалась, что пишу редко.

Мне кажется, что в том письме я писал тебе, что в октябре поеду в отпуск. Если писал, то еще раз подтверждаю, что действительно 8 или 10 октября поеду в отпуск. Это значит, 25 или 27 октября буду дома – в Чердыни. Если будет возможность, то прямо из Молотова приеду к тебе, а если из Молотова нельзя, то приеду на пароходе до Косинского р[айо]на[88], откуда буду пробираться к тебе.

Мой приезд, если ты не будешь возражать, должен завершиться твоим уездом со мной. Поэтому пока никому не говори, но кандидатуру вместо себя подбирай, чтобы в течение месяца ты могла все сказать и быть свободной от всякой работы.

В предыдущих письмах я писал, чтобы ты купила водки. Но отвечаешь, что у вас ее нет. Если будет, то обязательно купи. Все издержки возмещаю лично.

Лично о себе писать нечего. Живу хорошо. Здоровье удовлетворительное. Самочувствие хорошее. Настроение отличное. Безусловно, бывают скучные минуты, когда чувствуется полное семейное одиночество, когда только в мыслях представляю тебя, а фактически тебя нет около меня.

Погода здесь по-прежнему чертовская. Дождей нет. Все высохло. Днями такая жара, что ходить тяжело. Ночи холодноватые.

Сейчас готовлюсь к старту, финиш которого будет от нашей границы на таком же расстоянии, как Соликамск от Чердыни[89], но все еще на территории Румынии.

Вот все, что мог черкнуть на этот раз. Дожидаю ответ. Будь здорова. До скорой встречи. Целую крепко-крепко. Георгий.

20 сентября 45 года.

[88] *Косинский район – район в Коми-Пермяцком национальном округе Молотовской области.*

[89] *Расстояние от Соликамска до Чердыни по дорогам 94–100 км.*

Письмо 58 ***25 сентября 1945 г.***

Ночь. Черные тучи заволокли небо. Густой лес. Где-то здесь диким зверем таились проклятые фашистские гады, когда мы продвигались вперед на запад. Это было в 1944-м, а сейчас нам снова довелось побывать на этом месте. Как тогда в непроглядную темную ночь пробирались по-пластунски и мелким шагом с разговором вполголоса, чтобы пройти по горной лесной чаще в тыл противника, оседлать дорогу, отрезать пути отхода противнику и уничтожить его, так же и сейчас, проводя тактические занятия, мы, вспоминая прошлое, использовали все возможности, чтобы перехитрить «врага», пробраться к нему в тыл, отрезать ему путь к отступлению и «уничтожить» его. На этот раз наша «боевая» операция нами была не выполнена. «Противник» обнаружил нас и в тыл не пропустил. Разница была в том, что тогда рвались снаряды и мины, свистели пули и беспросветную ночную тьму разрезали яркие вспышки ракет, которыми немцы освещали подступы к своему переднему краю обороны. Однако, несмотря ни на что, мы тогда прошли. Боевую задачу выполнили. Возможно, потому, что мы знали, что перед нами действительные враги, которых нужно было уничтожать, чтобы быстрее обеспечить победу.

Сейчас не рвались снаряды, мины и гранаты, не было, как тогда, сплошных минных полей, не слышно было противного свиста пуль и не светили ракеты, но мы свою, тоже боевую, задачу не выполнили, видимо, потому, что наши «враги», как и следовало ожидать, видели в нас «действительных врагов» и не пропустили нас в свой тыл.

После тактических занятий мы прошлись в порядке экскурсии по местам прошлогодних боев и подробно просмотрели всю сцену, на которой вели ожесточенный бой. Нельзя было спокойно смотреть на эти места. Земля была изрыта воронками всевозможных размеров. Самое меньшее на каждых трех квадратных метрах площади была воронка. Абсолютное большинство леса сорвано снарядами и осколками. Множество деревьев превращено в щепки. Земля еще и сейчас покрыта осколками и пулями… Проходя по месту побоища, мы удивлялись тому, как и где нам удалось спастись от стального дождя, а потом уничтожить врага.

Только приехал с тактических занятий, мне сразу же вручили твое письмо от 2 сентября 1945 г. За письмо чувствительно благодарен, а в основном отблагодарю, когда приеду в отпуск, который уже разрешен. Но когда выеду, пока что не знаю точно.

Томка! Помнишь, как ты в нескольких письмах писала мне о том, что выслала фотокарточку? Я отвечал, что последующие письма получил, а фотокарточки и письма того не получил. И до сих пор никакого письма с фотокарточкой я не получал. В чем дело? Неужели то письмо потерялось? Или ты просто соврала (прости за грубость и оскорбление) о том, что выслала фотокарточку? Если соврала, то при встрече немедленно сознайся, а то уши оборву. Понятно, дорогая?

В своем письме пишешь, что тебе не с кем поделиться радостью по вопросу победы над Японией[90]. Да, моя хорошая, я согласен с тобой.

Дальше ты пишешь: «Я тебя жду как брата, как отца домой, как будто я тебя знала много лет и как будто ты такой близкий и родной».

Что можно сказать по этому поводу? Хорошо и замечательно. Замечательно и хорошо. Есть замечательные слова из письма одной девушки, написанного стихом: «Солдату-победителю»:

Пусть никогда мы не были знакомы,
Да нам формальность эта не нужна.
Нас породнила крепко и весомо
Священная победная война.

Мне кажется, что ты поймешь эти ценнейшие четыре строчки и комментарии излишни. Однако я почему-то думаю, хотя твердо не уверен, что, несмотря на мою и твою радость, при нашей встрече у тебя могут появиться слезы, и это, пожалуй, точно. Не ломай себе голову над разгадкой этого, если сразу не определишь того, почему именно у тебя должны появиться

[90] *Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. «Об объявлении 3 сентября праздником победы над Японией»: «В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества – праздником победы над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем».*

слезы. Безусловно, не думай бояться того, что что-то будет чуть ли не сверхъестественное, а то еще перепугаешься и не захочешь встречать меня.

О себе писать нечего. Живу хорошо. Здоровье удовлетворительное. Самочувствие и настроение отличные. Жаль, что исключительно мало приходится спать. Погода здесь прямо дурная: днем жарище, невозможно ходить, а ночи прохладные. Дождей нет.

Передай от меня мой наилучший гвардейский привет твоей коллеге по квартире.

Если письмо будешь читать вечером, то пожелаю тебе спокойной ночи.

До скорой встречи. Будь здорова. Крепко целую.

Георгий

Пиши, моя хорошая.

Письмо 59 ***22 октября 1945 г.***

Здравствуй, Тамара, здравствуй, дорогая!

По конверту и по маркам видишь, что эти строчки пишу по-граждански, а не по-военному. Я в отпуске в Чердыни у сестры и у мамаши.

Не обижайся, дорогая, что не заехал к тебе, а проехал домой. Я спешил увидать старушку мать потому, что она сильно болеет <…>.

Из Румынии я выехал вместе со своим ординарцем 9 октября. В Чердынь приехал 20.10.45 г. Через вашу станцию Менделеево[91] проезжал 18.10.45 г. Спросил у некоторых жителей о том, как попасть в Юсьву[92]. Они наговорили, что очень трудно. Тогда я решил заехать к тебе в конце отпуска, и если

[91] *Менделеево – железнодорожная станция, важный транспортный пункт, обеспечивавший снабжение Коми-Пермяцкого округа Молотовской области.*

[92] *Юсьва – районный центр в Коми-Пермяцком национальном округе Молотовской области.*

не возражаешь, то заеду после октябрьских дней[93], примерно числа 17–18 ноября.

Очень тяжел прожиточный минимум. За эти дни, как я выбыл из части, мы с ординарцем и с семьей уже израсходовали 10 000, десять тысяч, рублей, из них в дороге около пяти тысяч.

Из Молотова собрался вызвать тебя к телефону и поговорить с тобой, но когда пришел на междугородную переговорную и начал делать вызов, то мне сказали, что с Юсьвой можно говорить только с 22:00 часов вечера, а в 20:00 уходил поезд в Соликамск, на который у меня были закомпостированы билеты, и пришлось уехать домой.

Ты можешь подумать, что я специально не хотел заехать к тебе и поэтому не заехал. Это неверно, и так не думай. Не обманывай себя. Еще раз подтверждаю, что заеду обязательно, и если сможем достать пропуск, то увезу тебя с собой.

Прости, что написал мало. Нужно ехать по дрова, а то семья сидит без дров.

Пока все. Будь здорова, моя дорогая. Жди меня, и я приеду.

Целую крепко. Георгий.

22 октября 1945 года.

Пиши. Жду.

Чердынь, ул. Сталина, № 38.

Г.Н. Момотов

[93] *7 ноября (25 октября) – государственный праздник День Октябрьской революции 1917 г.*

Письмо 60 ***17 декабря 1945 г.***

Добрый день, утро или вечер, Тамара.

Опять поздравляю тебя с наступающим новым, 1946 годом. И желаю тебе в этом году множество наилучших успехов в работе, доброго здоровья и счастья в жизни.

Все еще продолжаю двигаться в поезде Москва – Одесса. Днями наблюдаю из вагона за местностью и нередко встречаю знакомые места, где приходилось проходить в дни войны. Несколько часов тому назад пересекли полноводный Днепр по Черкасскому мосту. Проезжая через Днепр, невольно вспомнил, как мы переправлялись через Днепр в 1944 г., как я вывалился из лодки и плыл примерно метров 400–500, как сапоги и бушлат утопил в Днепре. Очень часто встречаются траншеи и землянки – места прошлых боев с фашистами. Приближаясь к Одессе, вспоминаю, как в апреле 1944 года мы, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, продвигались к Одессе и 10 апреля освободили Одессу от фашистов, а потом двинулись дальше!

Из Одессы поеду по знакомым местам через Тирасполь и Бендеры, откуда мы, сломив сопротивление противника, 20 августа 1944 г. начали наступление и за несколько дней уничтожили всю Ясско-Кишиневскую группировку немцев, а потом пошли дальше…

Да, тяжело вспоминать прошлые битвы. Уж слишком дорого они обошлись для многих из нас, а также и для меня…

В Москве на Киевском вокзале встретил плачущую дамочку. Оказалось, что она 6 суток сидит на вокзале и никак не может уехать из Москвы в Болгарию к мужу по его вызову потому, что на нее буквально никто не обращает внимания. Я взял ее требование и достал ей билет, а также помог сесть в вагон. После этого она сказала: «Вы, товарищ капитан, наверно, тоже рассчитываете вызвать к себе жену, поэтому посочувствовали и помогли мне». «Да, Вы угадали», – ответил я ей, а потом долго-долго думал о том, как бы обеспечить перевозку тебя ко мне. Но ничего, как-нибудь устроим, и устроим обязательно.

Сейчас поезд стоит в Миргороде. До этого я писал во время хода поезда, поэтому буквы получились неровные, за что прошу извинить меня, моя дорогая.

Пиши, хотя немного, но чаще, моя хорошая, а то больно скучно после того, как расстался с тобой.

Передай от меня наилучшие приветы твоей коллеге по квартире, бабушке и братьям. Будь здорова. Целую тебя, моя дорогая, крепко-крепко, твой Георгий.

Закончил писать 14.12. в 20 ч. 40 м., а отправлю письмо из Одессы. О том, как провел время в Бендерах, напишу с места. До Бендер от Перми 2897 километров, а от Бендер до границы еще 299 километров. Да, так далеко.

P.S. В Одессе письмо отпустить не успел потому, что почти не задержался, уехал быстро. В Бендеры приехал 15 декабря ночью. 16 декабря весь день и 17 декабря полдня ходил по городу Бендеры. Город разрушен на 90–95 %, а мне интересно, ведь я почти шесть месяцев сидел в 12 километрах от Бендер, а потом пошли в наступление. В Бендерах смотрел кинофильм «Цирк»[94]. Сегодня 17.12.45 года.

[94] *В фильме «Цирк» 1936 г. режиссера Г. Александрова рассказывается история цирковой артистки Марион Диксон, вынужденной покинуть Америку из-за преследований на почве расовой нетерпимости. Героиня находит убежище в Советском Союзе.*

Награды Г.Н. Момотова

Г.Н. Момотов. 1945 г.

Ордена и медали Г.Н. Момотова

Верхний ряд слева направо: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», нагрудный знак «Гвардия».

Нижний ряд слева направо: юбилейные медали «За доблестный труд (за воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР».

Орденская книжка Г.Н. Момотова. 5 марта 1947 г.

Орден Красной Звезды
Приказ от 19 декабря 1942 г.
Приказ от 15 июня 1945 г.

Награжден политрук Георгий Николаевич Момотов. На момент совершения подвига с июня 1942 г. участвовал в боях в районах Конь-Колодезь, Подгорное, Воронеж и северо-западнее Сталинграда, имел два ранения, пулевое и осколочное.

Описание подвига: «Момотов Георгий Николаевич, работая оперуполномоченным Особого отдела НКВД 159-й стрелковой дивизии по обслуживанию 3-го батальона 558-го стрелкового полка, проявил преданность делу партии Ленина — Сталина и беспощадность в борьбе с врагами народа и своей упорной кропотливой работой, в период боевых действий полка предотвратил три случая готовящегося перехода на сторону врага со стороны военнослужащих 558-го стрелкового полка.

Кроме того, тов. Момотов изъял 6 человек антисоветски настроенного элемента, проводящего в кругу военнослужащих разлагательскую антисоветскую работу.

В боях за Родину тов. Момотов, несмотря на свои ранения, не оставил поле боя, а продолжал воодушевлять бойцов своими решительными и смелыми действиями, чем способствовал укреплению боеспособности части и выполнению боевых задач, поставленных командованием».

Наградной лист Момотова Г.Н. 1942 г.
Подвиг народа: https://podvignaroda.ru.

Орден Отечественной войны II степени
Приказ от 28 сентября 1944 г.

Награжден гвардии капитан Георгий Николаевич Момотов, 61-й гвардейской 37-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта.

Описание подвига: «За время работы тов. Момотова старшим оперуполномоченным полка с января 1943 г. он проявил себя как способный работник, умеющий правильно построить свою и подчиненного ему аппарата работу по выявлению вражеского элемента, как в период оборонительных, так и наступательных боев.

Находясь все время на передовой линии фронта, тов. Момотов непосредственно в боевых порядках несколько раз пресек действия вражеского элемента во время боя. Совместно с подчиненным ему оперативным аппаратом, а в ряде случаев и лично, тов. Момотов разоблачил ряд серьезных врагов, агентов разведывательных органов противника и активных пособников, наряду со своей основной работой тов. Момотов, будучи во время боев на переднем крае, лично принимал участие в боевых операциях. Так, при форсировании реки Сев[ерский] Донец, в 1943 г., при

прорыве обороны противника тов. Момотов провел группу бойцов 70 человек через Сев[ерский] Донец и в районе боев хут[ора] Ворошиловск лично уничтожил несколько немцев.

В боях за город Славянск из личного оружия убил пулеметчика противника.

При форсировании реки Днепр оказал большую помощь командованию 181-го гвардейского стрелкового полка в переброске личного состава через реку и сам лично вместе с боевыми порядками переправился через Днепр.

Достоин Правительственной награды ордена Отечественной войны I степени».

Наградной лист Момотова Г.Н. 1944 г.
Подвиг народа: https://podvignaroda.ru.

На основании приказов Верховного главнокомандующего И.В. Сталина были объявлены **благодарности** командира всему личному составу соединения, в том числе гвардии капитану Г.Н. Момотову как участнику боев:

– от 25 января 1943 г. за овладение городом Морозовский,

– от 8 сентября 1943 г. за освобождение Донбасса, в том числе города Славянск,

– от 8 февраля 1944 г. за ликвидацию Никопольского плацдарма немцев,

– от 29 марта 1944 г. за освобождение областного центра Украины – города Николаева,

– от 10 апреля 1944 г. за овладение важным хозяйственно-политическим центром страны, областным городом Украины и первоклассным портом на Черном море – Одесса – мощным опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути к центральным районам Румынии,

– от 22 августа 1944 г. за прорыв сильно укрепленной обороны противника южнее Бендеры,

– от 23 августа 1944 г. за овладение городом и крепостью Бендеры,

– от 24 ноября 1944 г. за форсирование Дуная севернее реки Драва и прорыв обороны противника на западном берегу Дуная,

– от 2 декабря 1944 г. за овладение окружными и районными центрами Венгрии – Сексард, Капошвар, Пакш, Боньхад и Домбовар,

– от 30 марта 1945 г. за прорыв обороны противника южнее озера Балатон и овладение городами Надьбайом, Бегене, Марцали и Надьятад, – сильными опорными пунктами немцев, прикрывающими нефтяной район Надьканижа,

– от 2 апреля 1945 г. за овладение центром нефтяной промышленности Венгрии, городом Надьканижа – важным узлом дорог и сильным опорным пунктом обороны немцев.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Приказ от 09 мая 1945 г.

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» награждались:

– все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, принимавшие непосредственное участие в рядах Красной армии, Военно-морского флота и войск Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) на фронтах Великой Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах;

– все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, служившие в период Великой Отечественной войны в рядах действующей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, но выбывшие из них по ранению, болезни и увечью, а также переведенные по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии.

В соотвествии с дополнением к положению о медали, утвержденному постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1945 г., медалью награждался также личный состав органов НКВД и Народного комиссариата государственной безопасности СССР.

За нашу Советскую Родину!

ГРАМОТА

гвардии капитану
Момотову
Георгию Николаевичу

ПРИКАЗОМ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩА **Сталина** ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ **Донбасса**, В ТОМ ЧИСЛЕ ГОРОДА **Славянск**,—ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ НАШЕГО СОЕДИНЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ВАМ, ПРИНИМАВШЕМУ УЧАСТИЕ В БОЯХ, **объявлена благодарность.**

Командир части

Грамота Г.Н. Момотову за освобождение Донбасса. 1943 г.

ДОКУМЕНТЫ И ФОТОГРАФИИ

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ

Славой овеянный путь

Памятные даты, цифры, факты

От 900 до 1200 КИЛОМЕТРОВ с 20 августа по 16 сентября прошли наши части в боях и походах по молдавской, румынской и болгарской земле.

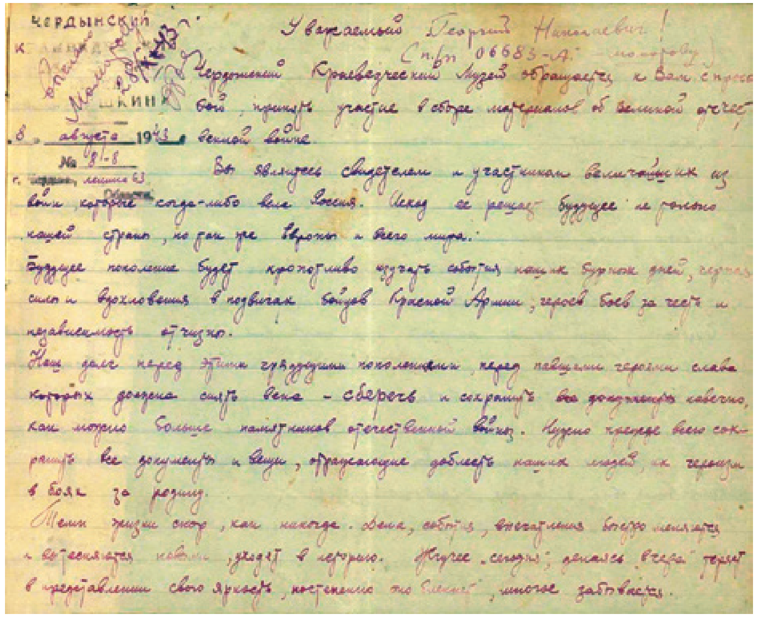
Только за 10 дней, с 20 по 31 августа, войска нашего фронта УНИЧТОЖИЛИ И ПЛЕНИЛИ 210 ТЫСЯЧ ГИТЛЕРОВЦЕВ.

За это же время ПРОТИВНИК ПОТЕРЯЛ 145 САМОЛЕТОВ, 420 ТАНКОВ И САМОХОДНЫХ ОРУДИЙ, 2900 ОРУДИЙ, 1240 МИНОМЕТОВ, 7700 ПУЛЕМЕТОВ И 20081 АВТОМАШИНУ.

ВОСЕМЬ БЛАГОДАРНОСТЕЙ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА было объявлено 3-му УКРАИНСКОМУ фронту.

В Ясско-Кишиневском „котле" было УНИЧТОЖЕНО БОЛЕЕ 12 ДИВИЗИЙ ПРОТИВНИКА.

Фронтовая газета «Советский воин» 3-го Украинского фронта. 1944 г.



Чердынский краеведческий музей им. Пушкина
8 августа 1943 г.
№ 81-8
г. Чердынь, Ленина 63

Уважаемый Георгий Николаевич!
(п/п 06683-А — Момотову)

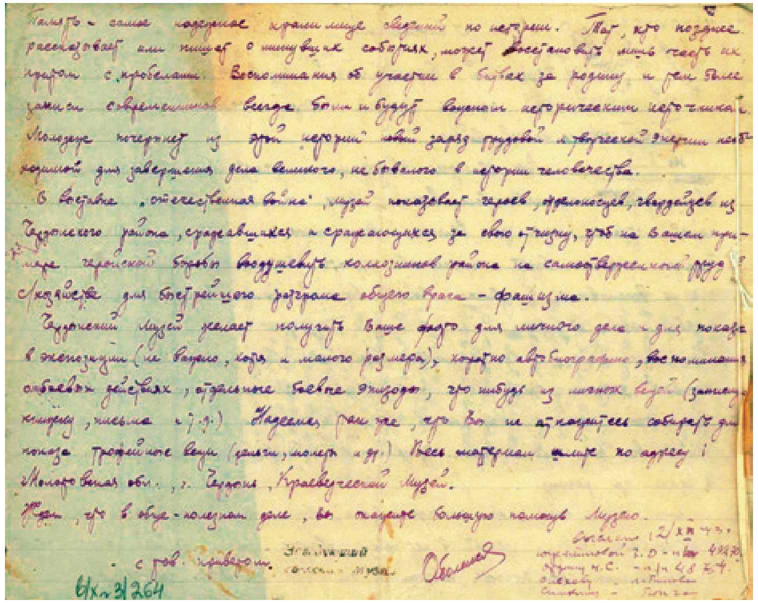
Чердынский Краеведческий Музей обращается к Вам с просьбой, принять участие в сборе материалов об Великой Отечественной войне.

Вы являетесь свидетелем и участником величайших из войн, которые когда-либо вела Россия. Исход ее решает будущее не только нашей страны, но даже Европы и всего мира.

Будущие поколения будут кропотливо изучать события наших бурных дней, черпать силы и вдохновение в подвигах бойцов Красной Армии, героев боев за честь и независимость отчизны.

Наш долг перед этими грядущими поколениями, перед павшими героями слава которых должна жить века — сберечь и сохранить все документы навечно, как можно больше памятников отечественной войны. Нужно прежде всего сохранить все документы и вещи, отражающие доблесть наших людей, их героизм в боях за родину.

Темпы жизни скоры, как никогда. Дела, события, впечатления быстро меняются и сменяются новыми, уходят в историю. Лучшее „сегодня", ставшее „вчера", теряет в представлении свою яркость, постепенно [illegible], многое забывается.



Память — самое ненадежное хранилище сведений по истории. Тот, кто позднее рассказывает или пишет о минувших событиях, может восстановить лишь часть их, притом с пробелами. Воспоминания об участии в битвах за родину и тем более записи современников всегда были и будут ценными историческими источниками. Молодежь почерпнет из этой истории новый заряд трудовой и творческой энергии необходимой для завершения дела великого, небывалого в истории человечества.

В выставке „Отечественная война" музей показывает героев, орденоносцев, гвардейцев из Чердынского района, сражавшихся и сражающихся за свою отчизну, чтоб на ваших примерах героической борьбы воодушевить колхозников района на самоотверженный труд в хозяйстве для быстрейшего разгрома общего врага — фашизма.

Чердынский музей желает получить Ваше фото для личного дела и для показа в экспозиции (не важно, хотя и малого размера), короткую автобиографию, воспоминания о боевых действиях, отдельные боевые эпизоды, что-нибудь из личных вещей (записную книжку, письма и т.д.) Надеемся, так же, что Вы не откажетесь собирать для показа трофейные вещи (деньги, монеты и др.) Весь материал шлите по адресу: Молотовская обл., г. Чердынь, Краеведческий Музей.

Верим, что в общеполезном деле, вы окажете большую помощь музею.

С тов. приветом. Заведующая Краевед. музея [signature]

Отослано 12/XII 43 [illegible]

Письмо заведующей Чердынским краеведческим музеем Е.А. Оболенских Г.Н. Момотову с просьбой о сборе материалов о Великой Отечественной войне. 28 октября 1943 г.

Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина

Смерть немецким оккупантам!

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда: Молотовская област, гор. Чердынь Чердынский Районный музей

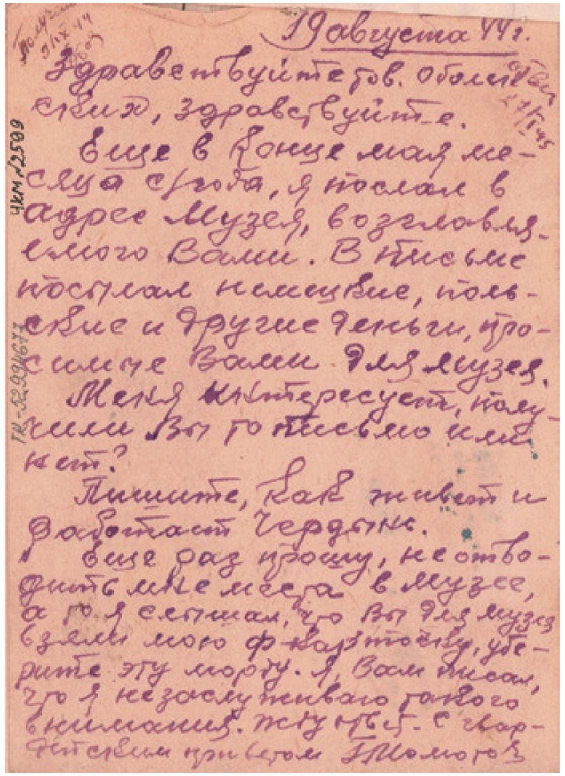
Кому: Зав. Музеем Оболенских.

Адрес отправителя:

Полевая почта 31722, (Указать номер полевой почты)

Г.Н. Момотов (Фамилия, имя и отчество)

Г531679. Воениздат НКО СССР. По зак. Военкниготорга. Цена 10 коп. Тип. газ. «Правда» имени Сталина. Зак. 471.



19 августа 44 г.

Здравствуйте тов. Оболенских, здравствуйте.

Еще в конце мая месяца с/года, я послал в адрес Музея, возглавляемого Вами. В письме послал немецкие, польские и другие деньги, прошу Вас для музея.

Меня интересует, получили Вы то письмо или нет?

Пишите, как живет и работает Чердынь.

Еще раз прошу, не отводить мне места в музее, а то я слышал, что Вы для музея взяли мою фотокарточку, уберите эту морду. Я Вам писал, что я незаслуживаю такого внимания. Жду ответ. С гвардейским приветом Г. Момотов

Письмо Г.Н. Момотова заведующей Чердынского краеведческого музея Е.А. Оболенских с вопросом о получении отправленных в музей материалов.
19 августа 1944 г.

Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина

тов. Васенких! Румыния

Часть долгожданного Вами материала для экспозиции высылаю в Ваше распоряжение. Высылаю следующее:

I Иностранные деньги монеты:
а). Болгарские левы 10 и 5 лев, 50 стотинки
б). Мадьярские (Венгерские) = 1 пенге (Пенго), 10-ть филлеров (филлеров)
в). Румынские: 100 лей, 20 лей и 1 лея
г). Немецкий 1 пфенниг.

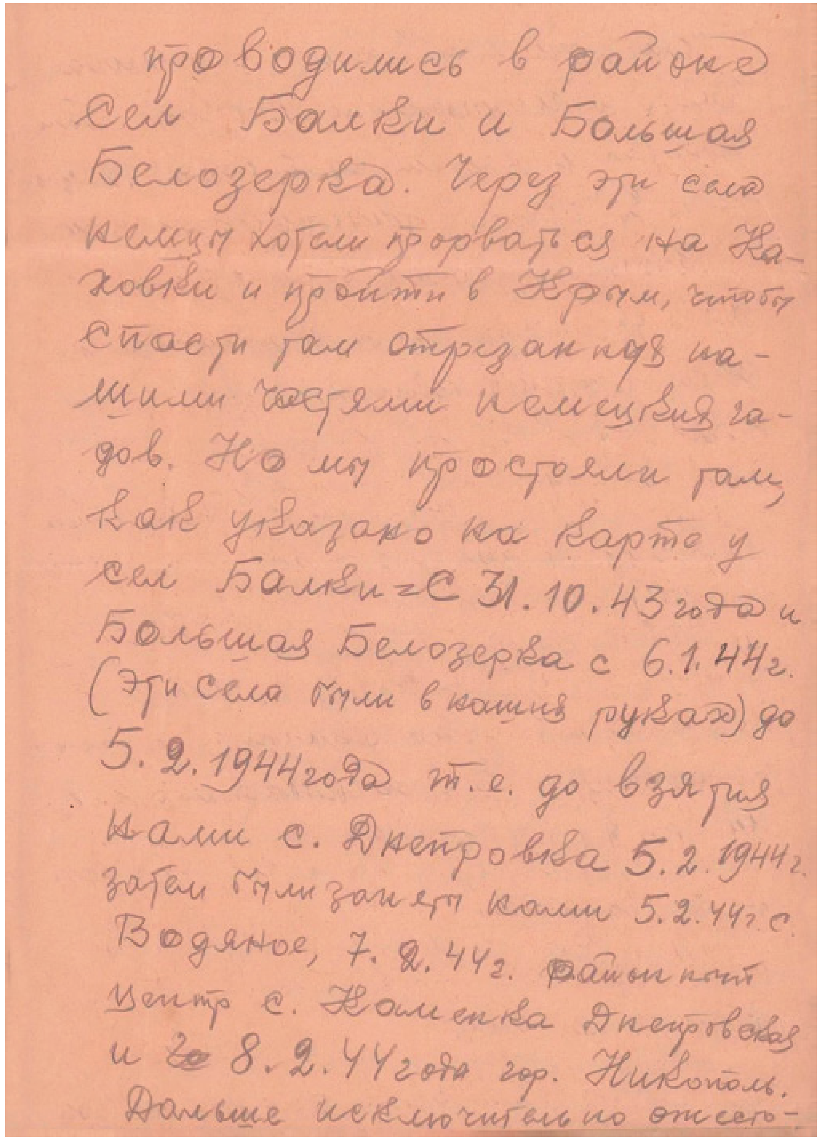
II. Иностранные бумажные деньги:
1. Польские = Сто злотых. = 1.
2. Австрийские деньги времен Австро-Венгрии и другие
3. Югославские (Сербские) = 500 и 50 сербских динара.
4. Венгерские Пенги = 10 пенгов.
5. Немецкие фашистские деньги
а) 10 марок — 1.
б) 5 марок — 2
7. Выпускавшиеся немцами во временно оккупированной Украине Карбованцы
а). 200 Карбованцев — 1
б). 50 Карбованцев — 1.

III. Немецкая топографическая карта, которую я взял у немецкого гауптмана (по-русски капитан) взятого нами в плен после ликвидации Николь-ской группировки противника, когда

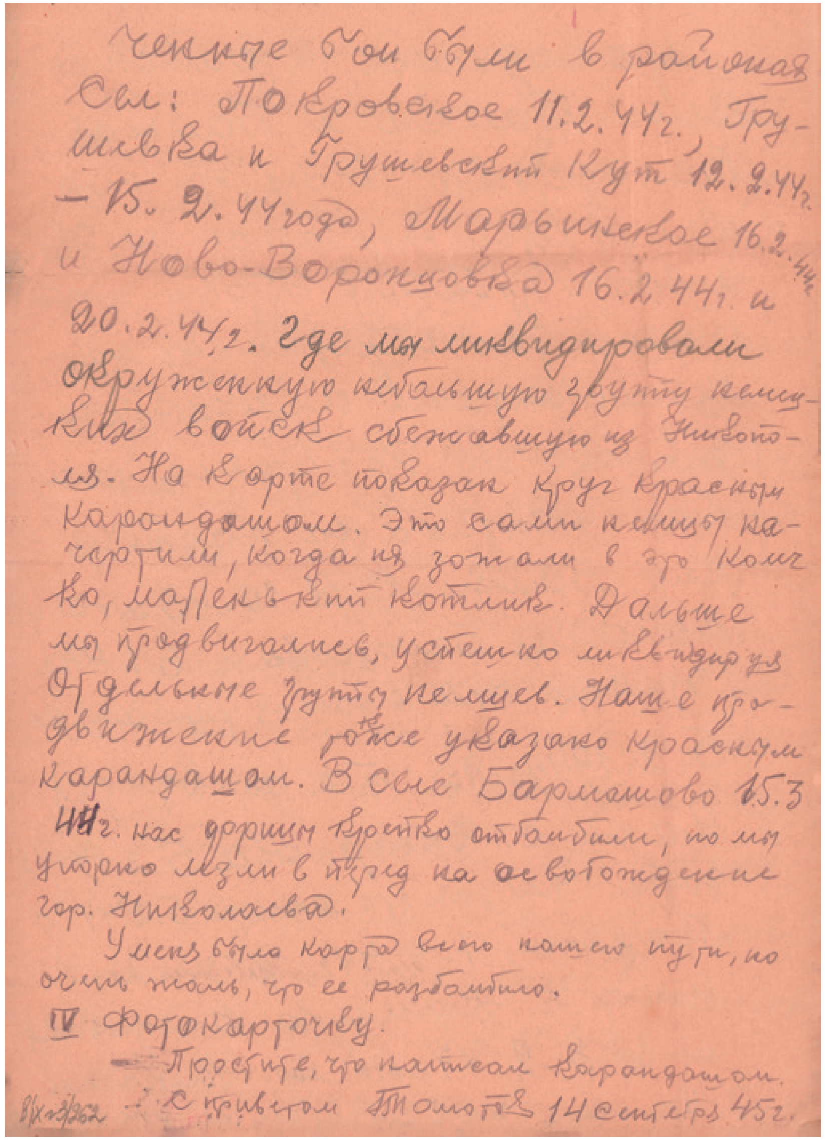
наши части в том числе и наша часть ликвидировали Никопольский плацдарм немцев на Восточном берегу реки Днепр, форсировали Днепр освободили город Никополь и начали преследовать остатки фри-цев, которые, как показано на карте красным карандашом бе-жали, а мы ехали буквально на плечах у них по тому же пути.

Наша часть по ликвидации Никопольского плацдарма вела исключительно сильные и оже-сточенные бои на подступах к се-лу Васильевка, где фрицы нас задержали несколько суток и шли бои день и ночь. Васильев-ка была взята 27. 11. 43 года

Исключительно упорные бои



проводились в районе
сел Балки и Большая
Белозерка. Через эти села
немцы хотели прорваться на Ка-
ховки и пройти в Крым, чтобы
спасти там отрезанных на-
шими частями немецких га-
дов. Но мы простояли там,
как указано на карте у
сел Балки с 31.10.43 года и
Большая Белозерка с 6.1.44г.
(эти села были в наших руках) до
5.2.1944 года т.е. до взятия
нами с. Днепровка 5.2.1944г.
затем были заняты нами 5.2.44г. с.
Водяное, 7.2.44г. районный
центр с. Каменка Днепровская
и 8.2.44 года гор. Никополь.
Дальше исключительно ожесто-



ченные бои были в районах
сел: Покровское 11.2.44г., Гру-
шевка и Грушевский Кут 12.2.44г.
– 15.2.44 года, Марьинское 16.2.44
и Ново-Воронцовка 16.2.44г. и
20.2.44г. где мы ликвидировали
окруженную небольшую группу немец-
ких войск сбежавшую из Никопо-
ля. На карте показан круг красным
карандашом. Это сами немцы на-
чертили, когда их зажали в это кольц-
ко, маленький котлик. Дальше
мы продвигались, успешно ликвидируя
отдельные группы немцев. Наше про-
движение тоже указано красным
карандашом. В селе Бармашово 15.3
44г. нас фрицы крепко отбомбили, но мы
упорно лезли вперед на освобождение
гор. Николаева.
У меня была карта всего нашего пути, но
очень жаль, что ее разбомбило.
IV Фотокарточку.
— Простите, что написал карандашом.
С приветом Момотов 14 сентября 45г.

Письмо Г.Н. Момотова заведующей Чердынского краеведческого музея Е.А. Оболенских о направлении материалов для экспозиции музея с их описанием. 14 сентября 1945 г.

Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина

Топографическая карта на немецком языке, отправленная Г.Н. Момотовым в Чердынский краеведческий музей в 1945 г.

Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина, выставка «Защитникам Отечества посвящается...», февраль 2025 г.

Суерский Райисполком.

Командировочное удостоверение №........

Выдано 6/IX 1931 г.

Тов. Момотов Е. Н.

занимающий должность инспектор

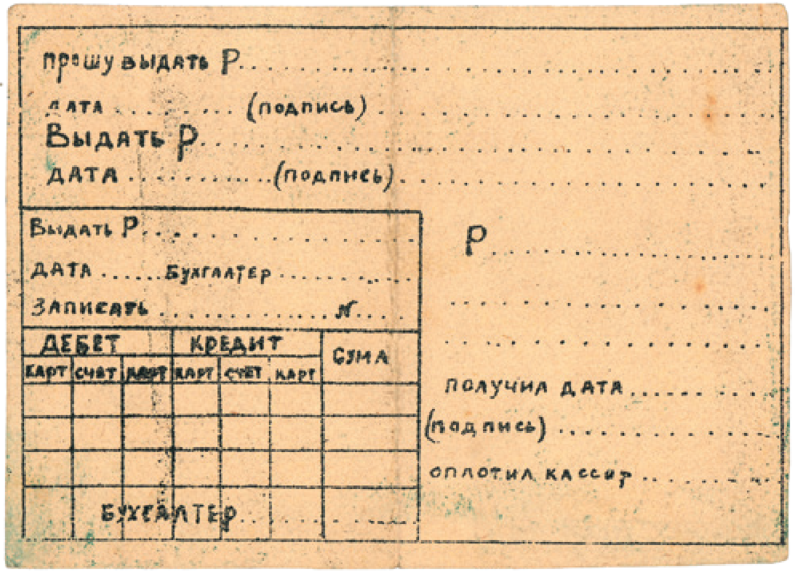
командируется в Скородумский с/с

уполномочен. Рик по проведению

....

Срок командировки 6/X 31 г.

Предрайисполкома:



прошу выдать Р..............

дата .... (подпись) ....

Выдать Р..............

дата .... (подпись) ....

Выдать Р........

дата ...... бухгалтер ....

записать .... №

Дебет			Кредит			Сума
карт	счет	карт	карт	счет	карт	

Бухгалтер

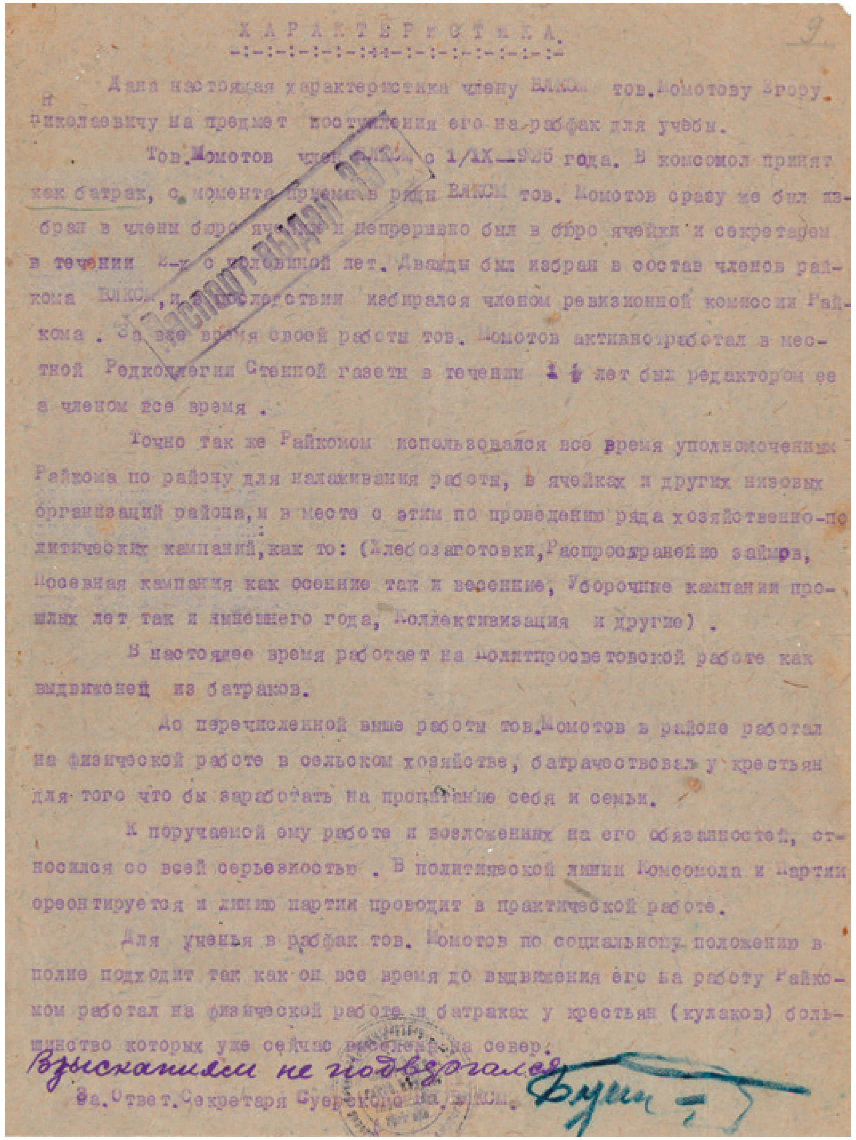
Р........

получил дата ....

(подпись) ....

оплотил кассир ....

Командировочное удостоверение инспектора Суерского райисполкома Г.Н. Момотова в Скородумский сельсовет. 6 сентября 1931 г.



ХАРАКТЕРИСТИКА.

Дана настоящая характеристика члену ВЛКСМ тов. Момотову Егору Николаевичу на предмет поступления его на рабфак для учебы.

Тов. Момотов член ВЛКСМ с 1/IX–1925 года. В комсомол принят как батрак, с момента приема в ряды ВЛКСМ тов. Момотов сразу же был избран в члены бюро ячейки и непрерывно был в бюро ячейки и секретарем в течении 2-х с половиной лет. Дважды был избран в состав членов райкома ВЛКСМ, и впоследствии избирался членом ревизионной комиссии Райкома. За все время своей работы тов. Момотов активно работал в местной Редколлегии Стенной газеты в течении 1½ лет был редактором ее и членом все время.

Точно так же Райкомом использовался все время уполномоченным Райкома по району для налаживания работы, в ячейках и других низовых организаций района, и в месте с этим по проведению ряда хозяйственно-политических кампаний, как то: (Хлебозаготовки, Распространение займов, Посевная кампания как осенние так и весенние, Уборочные кампании прошлых лет так и нынешнего года, Коллективизация и другие).

В настоящее время работает на политпросветовской работе как выдвиженец из батраков.

До перечисленной выше работы тов. Момотов в районе работал на физической работе в сельском хозяйстве, батрачествовал у крестьян для того что бы заработать на пропитание себя и семьи.

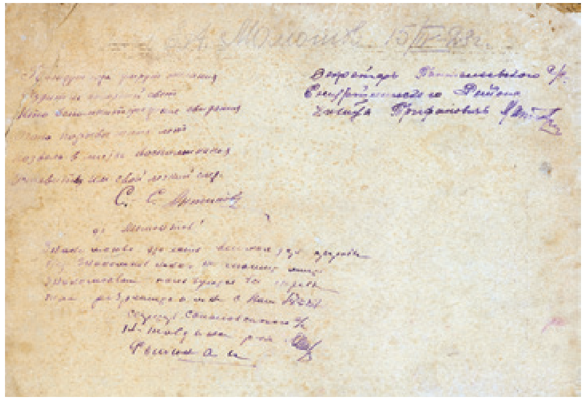
К поручаемой ему работе и возложенных на его обязанностей, относился со всей серьезностью. В политической линии Комсомола и Партии ореентируется и линию партии проводит в практической работе.

Для ученья в рабфак тов. Момотов по социальному положению вполне подходит так как он все время до выдвижения его на работу Райкомом работал на физической работе и батраках у крестьян (кулаков) большинство которых уже сейчас выселены на север.

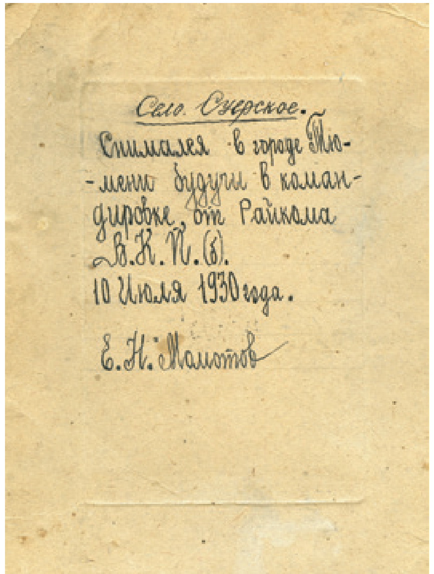
Взысканиям не подвергался

За. Ответ. Секретаря Суерского РК ВЛКСМ.

Характеристика на Г.Н. Момотова, данная Суерским районным комитетом ВКЛСМ для поступления на рабфак. 1933 г.



Г.Н. Момотов (в центре во втором ряду) с участниками окружных курсов по переподготовке секретарей сельсоветов. Тюмень, 15 апреля 1929 г.



Село Суерское.
Снимался в городе Тюмени будучи в командировке от Райкома В.К.П.(б).
10 Июля 1930 года.
Е.Н. Момотов

Г.Н. Момотов. Тюмень, 10 июля 1930 г.

РЕДАКЦИЯ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ «НА СМЕНУ»
Орган Уралобкома и Свердловского Окружкома В. Л. К. С. М.
Свердловск, ул. Вайнера, 12.
№ 473

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Свердловск, 18 февраля 1931 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего т. Момотов Г. Н. состоит сотрудником газеты НА СМЕНУ в качестве б. исполняющ. сельхоз сектора

Редакция просит все учреждения оказывать ему всяческое содействие в исполнении возложенных на него обязанностей.

Отв. редактор
Отв. секретарь

Место для фотографической карточки

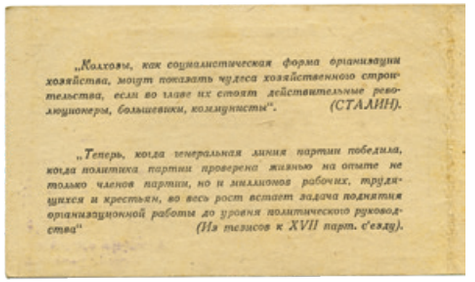
Действительно до 1/VII 31 г.
Секр. ред.
Продлено
Секретарь редакции
Подпись владельца Г. Момотов
Продлено до
Редактор
Секретарь редакции

Удостоверение № 473 Г.Н. Момотова – сотрудника ежедневной газеты «На смену». 18 февраля 1931 г.

Г.Н. Момотов (стоит крайний слева) с членами бюро ячейки ВЛКСМ 1-го курса двухгодичного отделения Уральской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина. Свердловск. 12 июня 1934 г.

Удостоверение Г.Н. Момотова – студента двухгодичного отделения Уральской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина. 15 сентября 1933 г.

Билет ударника Уральской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина Г.Н. Момотова. 1933–1934 гг.



Пригласительный билет Г.Н. Момотову на торжественное заседание, посвященное 10-летию Уральской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина. 15 января 1934 г.

Т.П. Габова. Пермь, 20 апреля 1936 г.

Т.П. Габова (верхний ряд, вторая справа). Пермь, 18 января 1937 г.

Т.П. Габова (второй ряд сверху, третья слева) среди одногруппников Пермского медицинского рабочего факультета. Пермь, 20 мая 1937 г.

На обороте подпись: «Шаламов М., Какорин И., Фгицева М., Оленева Н., Кропачева З., Киприянова М., Старкова Л., Пономарева З., Кузьмина Аня, Пноснина М., Земмша А., Габова Т., Толстикова, Теплоухов Г., Могильников Н., Ляпунов К., Мехоношина Ж., Жевняк Н., Истомша М., Балмашев М., Лунева Т. Преподаватели: Винокурова А.И., Першина А.Н., Балахнина А.М., Чижевский С. В., Бедняков В.П., Штюрнер В.Л., Сараева О.В., Трубин А.У., Вяткина Н.П. – бухгалтер».

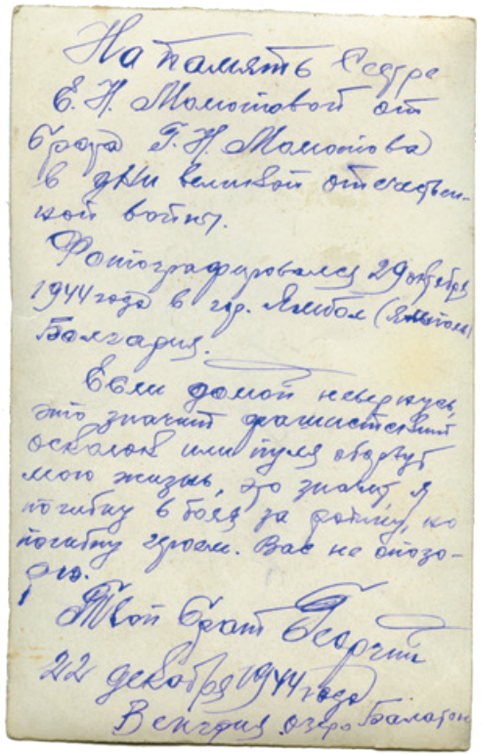
Т.П. Габова, студентка 3-го курса Пермского медицинского рабочего факультета. Пермь, 10 февраля 1937 г.

Т.П. Габова (второй ряд сверху, третья слева) среди студентов 1-го курса и преподавателей Пермского государственного стоматологического института. Пермь, 1938 г.

Т.П. Габова. Пермь, 15 апреля 1940 г.

Т.П. Габова (второй ряд, вторая справа) с учителями и школьниками 7 «В» класса неполной средней школы № 1 г. Чердыни. Чердынь, 20 апреля 1941 г.

Грамота ударника Пореченского мясосовхоза им. И.Д. Кабакова Г.Н. Момотова. 2 июля 1935 г.

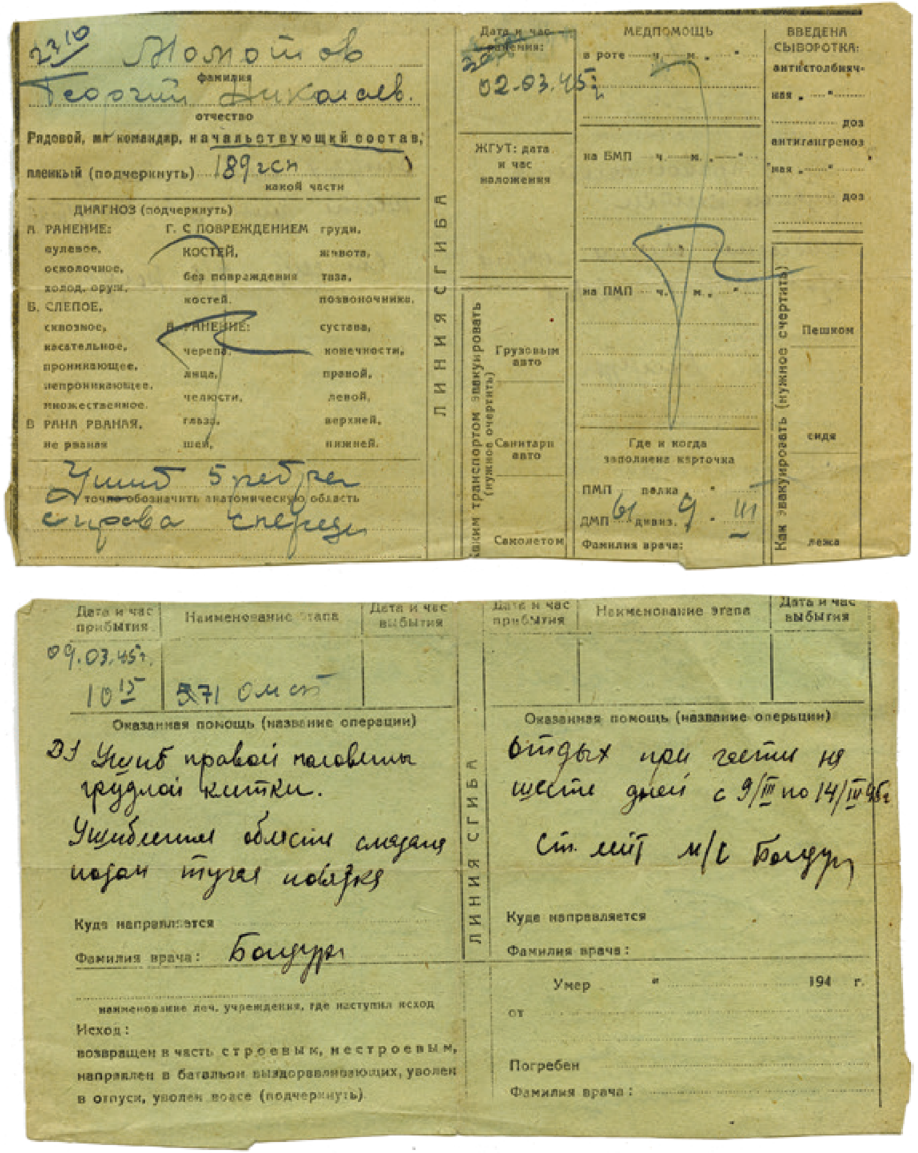


Г.Н. Момотов у здания Народного читалища «Съгласие». Ямбол, Болгария. 29 октября 1944 г.

Двустворчатая палетка (планшетка) РККА образца 1932 г., принадлежавшая Г.Н. Момотову.

Г.Н. Момотов (верхний ряд, четвертый слева) среди сослуживцев. [1943 г.]

Г.Н. Момотов (слева), В.С. Лимов (справа). [1944 г.]



2310 Момотов
фамилия
Георгий Николаев.
отчество
Рядовой, мл. командир, начальствующий состав, пленный (подчеркнуть) 189 гсп
какой части

ДИАГНОЗ (подчеркнуть)
А. РАНЕНИЕ: пулевое, осколочное, холод. оруж.
Б. СЛЕПОЕ, сквозное, касательное, проникающее, непроникающее, множественное.
В. РАНА РВАНАЯ, не рваная
Г. С ПОВРЕЖДЕНИЕМ костей, без повреждения костей.
Д. РАНЕНИЕ: черепа, лица, челюсти, глаза, шеи,
груди, живота, таза, позвоночника, сустава, конечности, правой, левой, верхней, нижней.

Ушиб 5 ребра
точно обозначить анатомическую область
справа спереди

ЛИНИЯ СГИБА

Дата и час ранения: 02.03.45 г.

ЖГУТ: дата и час наложения

Каким транспортом эвакуировать (нужное очертить): Грузовым авто, Санитарн. авто, Самолетом

МЕДПОМОЩЬ
в роте ... ч. ... м. ...
на БМП ... ч. ... м. ...
на ПМП ... ч. ... м. ...

Где и когда заполнена карточка
ПМП полка
ДМП 61 дивиз. 9. III
Фамилия врача:

ВВЕДЕНА СЫВОРОТКА:
антистолбнячная ... доз
антигангренозная ... доз

Как эвакуировать (нужное очертить): Пешком, сидя, лежа

Дата и час прибытия	Наименование этапа	Дата и час выбытия
09.03.45 г. 10[15]	571 омсб	

Оказанная помощь (название операции)
[illegible]. Ушиб правой половины грудной клетки.
Ушибление области сердца [illegible]

Куда направляется
Фамилия врача: Богдан[illegible]

наименование леч. учреждения, где наступил исход
Исход:
возвращен в часть строевым, нестроевым, направлен в батальон выздоравливающих, уволен в отпуск, уволен вовсе (подчеркнуть)

ЛИНИЯ СГИБА

Дата и час прибытия	Наименование этапа	Дата и час выбытия

Оказанная помощь (название операции)
отдых при части на шесть дней с 9/III по 14/III 45 г.
Ст. лейт. м/с Богдан[illegible]

Куда направляется
Фамилия врача:

Умер ... 194 г.
от
Погребен
Фамилия врача:

Справка о ранении Г.Н. Момотова. 1945 г.

Г.Н. Момотов (второй ряд, справа) с сослуживцами. Фельдбах, Австрия. 6 мая 1945 г.

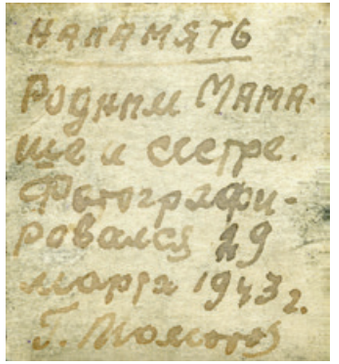
На обороте подпись: «6.5.45 г. Замок Фельдбах, Австрия. Каменских, Щегельский, Нерусин, Момотов, Чистяков Александр Иванович».

Г.Н. Момотов (второй слева) с сослуживцами. Кремс, Австрия. 25 мая 1945 г.

На обороте подпись: «25.5.45 г. Кремс, Австрия.
Слева направо: 1. Капустин Павел. 2. Момотов. 3. Лимов».

Г.Н. Момотов (крайний слева) с сослуживцами около концлагеря Либенау. Грац, Австрия. 1 июня 1945 г.

На переднем плане: гвардии капитан Александр Алексеевич Пьянов; за ним слева направо: гвардии капитан Георгий Николаевич Момотов, гвардии майор Александр Анатольевич Теленков, гвардии майор Иван Ефимович Минин.
На обороте подпись: «1.6.45 г. гор. Грац, Австрия (около Лагерей русских граждан Либенау). Пьянов, Момотов, Теленков, Минин».



Г.Н. Момотов.
29 марта 1943 г.

Г.Н. Момотов (первый справа). [1943–1944 гг.]

Г.Н. Момотов. 1945 г.

Г.Н. Момотов (справа) с сослуживцами. 1945 г.

Г.Н. Момотов (слева) с сослуживцами. 1945 г.

Т.П. Габова (справа). Кудымкар, 13 июля 1941 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 11987268

Фамилия Габова

Имя и отчество Тамара Петровна

Год рождения 1918

Время вступления в ВЛКСМ апрель 1942 г.

Наименование организации, выдавшей билет Чердынский РК ВЛКСМ

Габова
личная подпись

Секретарь Райкома

8/IX 1942 года

Комсомольский билет Т.П. Габовой. Выдан Чердынским районным комитетом ВЛКСМ 8 апреля 1942 г.

Т.П. Габова. 25 сентября 1943 г.

Т.П. Момотова. 20 мая 1948 г.

Почетная грамота Т.П. Габовой к 20-летию Коми-Пермяцкого национального округа. Кудымкар, 2 апреля 1945 г.

Г.Н. и Т.П. Момотовы с дочерью Надеждой. Поселок Рябинино, Чердынский район. Июль 1951 г.

Мандат № 9 Г.Н. Момотова, делегата 26-й Чердынской районной конференции ВКП(б). 20 июля 1952 г.

Т.П. Момотова (верхний ряд, вторая слева) среди учителей Рябининской семилетней школы. Поселок Рябинино, Чердынский район, май 1950 г.

В первом ряду (слева направо): вторая – Маргарита Александровна Коновалова, директор Егор Николаевич Южининов, учитель математики Фаина Семеновна Трефилова, Валентина Матвеевна Бабкина; второй ряд (слева направо): учитель начальных классов Валентина Александровна Попова, учитель немецкого языка Тамара Петровна Момотова, крайняя справа – учитель начальных классов Клавдия Ивановна Пономарева.

Т.П. Момотова (в первом ряду, вторая справа) среди преподавателей Рябининской семилетней школы. Чердынский район, 20 января 1953 г.

В первом ряду (слева направо): первая – пионервожатая Лидия Махнева, второй – учитель математики Александр Николаевич Матвеев, впоследствии бессменный директор Чердынского лесотехникума, четвертый – директор школы Егор Николаевич Южанинов, пятая – учитель математики Капитолина Яковлевна Хлопунова, шестая – учитель немецкого языка Тамара Петровна Момотова.
Во втором ряду (слева направо): учитель физкультуры А. Селянин, Берта Августовна Углицких, Попова Валентина Александровна, учитель русского языка и литературы Елизавета Никитична Чиркова, учитель географии Полина Ивановна Некрасова, учитель ботаники Земфира Николаевна Локайчук, завуч, учитель русского языка и литературы Анфия Григорьевна Мелкомукова (Коряжмина), учитель математики Фаина Семеновна Трефилова, библиотекарь Зинаида Ивановна Андрюкова.

Г.Н. и Т.П. Момотовы с дочерьми Валентиной и Ниной. Поселок Рябинино, Чердынский район. 1953 г.

Т.П. Момотова с сыном Владимиром (слева) и дочерью Надеждой (справа). Поселок Бор-Ленва, Добрянский район, 1 января 1955 г.

Т.П. Момотова (второй ряд, третья справа) с учителями Бор-Ленвинской семилетней школы. Добрянский район, 20 мая 1955 г.

Т.П. Момотова (верхний ряд, первая слева) с учителями Бор-Ленвинской семилетней школы. Добрянский район, 25 апреля 1958 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андрей Петрович (ординарец) *31, 41, 66, 82, 90, 91, 95*
Василевская В. *42*
Галина *25*
Гитлер А. *33*
Горбатов Б. *57, 58*
Денисов И.Ф. *15*
Дылдин *58, 67*
Евдокимова М.С. *19*
Ильиных А. *96*
Кононенко Е. *62*
Королева З.Н. *18*
Лопатина В.Г. *19*
Мичкова К.В. *87*
Момотова Е.Н. (сестра) *25, 32, 62, 78, 84, 86, 91, 94, 115*
Момотова Е.С. (мать) *25, 32, 86, 91, 115*
Надымова Т.И. *87*
Новиков В.С. *14, 15, 23, 56*
Парашина А.Н. *87*
Пиротко *65*
Пономарев М.А. *102*
Пушкин А.С. *16*
Сталин И.В. *21, 45, 61*
Тамара Александровна *61, 82, 90*
Толбухин Ф.И. *45, 61*
Шандэр *65*
Шапиро 74

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австрия *97, 99, 100, 104, 105*
Аккерман, г. *48*
Альпы *100*
Балатон, оз. *64*
Балканы *49, 52, 55*
Белград, г. *61, 106*
Бендеры, г. *48, 117, 118*
Бессарабия *71*
Болгария *48, 50, 52, 57, 61, 71, 79, 97, 117*

Буг, река *51*
Венгрия *60, 61, 64, 71, 78, 79, 86, 90, 92, 95, 97, 98, 99, 105*
Вильгорт, с. *65*
Воронеж, г. *50, 53*
Ворошиловград, г. *50*
Германия *26, 93, 100*
Грац, г. *99, 100*
Губдор, с. *27, 57, 61, 100*
Днепр, река *50, 71, 117*
Днестр, река *46, 48, 50, 52, 55*
Дон, река *50*
Донбасс *21*
Дунай, река *50, 61, 106*
Европа *52, 88*
Измаил, г. *48*
Кама, река *72*
Капошвар, г. *60*
Кашино, д. *111*
Кишинев, г. *48*
Коми-Пермяцкий, округ *15*
Косинский, район *112*
Лисичанск, г. *50*
Менделеево, ж/д станция *115*
Миргород, г. *118*
Молдавская ССР *47, 48*
Молотов, г. *см. Пермь*
Москва, г. *65, 96, 117*
Николаев, г. *27, 29, 51*
Ныроб, п. *60, 99*
Одесса, г. *29, 51, 117, 118*
Пермь (Молотов), г. *43, 77, 81, 82, 107, 110, 112, 116, 118*
Прут, река *48*
Румыния, *48, 71, 79, 97, 112, 115*
Сава, река *106*
Сахара *51*
Северский Донец, река *50*
Серегово, с. *59, 108*
Симферополь, г. *54*
Славянск, г. *20, 50*
Сливень, г. *57*
Соликамск, г. *112, 116*
София, г. *61*
Старобельск, г. *50*
Тирасполь, г. *117*
Тыргу-Жиу, г. *108*
Украинская ССР *21, 71, 88*
Урал *42, 46, 53, 71, 72, 107, 109*
Чердынь, г. *14, 23, 24, 27, 29, 32, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 84, 86, 87, 91, 94, 99, 100, 103, 108, 112, 115, 116*
Чижовка, г. *53*
Югославия *61, 71, 79, 97*
Юсьва, п. *115, 116*
Ямбол, г. *59*
Япония *114*

СОДЕРЖАНИЕ

Судьбы героев ***3***

Археографическое предисловие ***11***

Письма

1943 год ***14***

1944 год ***25***

1945 год ***68***

Награды Г.Н. Момотова ***119***

Документы и фотографии ***125***

Именной указатель ***165***

Географический указатель ***165***

«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!»
Письма Георгия Момотова с фронта (1943–1945)

Прием документов в архив
Ю.А. Кашаева, М.В. Мальцев, О.А. Огородова, Н.А. Павлова

Отбор писем для публикации
О.А. Огородова, Ю.А. Кашаева, И.В. Демина, Е.В. Шестакова

Набор текста писем
О.А. Огородова, И.В. Новиков (студент ПГГПУ), В.Д. Стародумова (студентка ПГГПУ)

Составление биографий героев
Ю.А. Кашаева, О.А. Огородова, Г.А. Антихович (студент ПГГПУ)

Аннотирование фотографий и документов,
составление комментариев и указателей
Ю.А. Кашаева, О.А. Огородова

Автор археографического предисловия,
взаимодействие с архивами, музеями, краеведами
Ю.А. Кашаева

Оцифровка документов
Е.Л. Бурдина

Обработка изображений, создание оригинал-макета, дизайн книги
Р.П. Филиппов

Корректор
Н.А. Панова

Ответственный редактор
О.А. Огородова

Книга подготовлена к изданию государственным краевым бюджетным учреждением
«Государственный архив Пермского края»

Подписано в печать 14.04.2025 г. Формат 70 × 90/16
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Заказ № 321090

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ИП Левин В.А. 614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, корпус 8